

ЦИКЛ "БУРЯ"

ИВАН
БУЛАВИН

ЧЕРНЫЙ
МЕЧ

2022

Annotation

Как-то раз снежная буря остановила машины на лесной дороге. оказавшись в снежном плену, люди сидели и ждали спасения. А потом узнали, что эта буря никогда не закончится.

Глава 1

Глава первая

Навещать родителей — святая обязанность детей. Так, кажется. Тут уж ничего не поделаешь, и тот факт, что родители живут далеко, оправданием быть не может. Мне повезло, сам я жил в городе, а родители... как правильно описать? В пригороде, только пригород тот располагался в ста двадцати километрах.

Отец и мать, хоть я им и предлагал, никак не соглашались переехать ко мне. И жильё бы нашёл, и гараж, и даже, если батя захочет, какую-то работу, достойную старика. Но, ни в какую. Аргументы стандартные: нечего делать в этом людском муравейнике, тут у нас и природа, и воздух свежий, и охота-рыбалка, и огород.

Если первые пункты никаких нареканий не вызывали, то огород, где положено горбатиться с утра до ночи всё лето, вызывал у меня жёсткий ступор. Нет, понятно, в 90-е, когда я подростком был, огород здорово нас выручал, тогда просто денег на еду не хватало. А теперь? Теперь я за день зарабатываю столько, что можно купить весь объём картошки, выращиваемой ими, а если проработать два дня, то и всю остальную сельхозпродукцию. Я об этом не раз заявлял матери, но она отказалась, сказав, что огород они не бросят, это святое.

Что касается сегодняшней поездки, то она прошла штатно. Приехал на побывку, привёз кое-каких подарков, поговорил с предками, потом с батей в лесок сходили, фазанов пострелять. Фазаны отменные, всего добыли шесть, четыре из которых сейчас лежали в багажнике. Потом ещё по хозяйству кое-чего помог, и всё это за короткий ноябрьский день.

Они уговаривали меня остаться на ночь, мол, куда торопиться, в городе меня никто не ждёт, после развода я так и не женился, да и детей не нажил. Но, помимо семьи, есть и другие заботы, о которых забывать тоже нельзя. Вот и собрался в поездку на ночь глядя.

Когда выезжал, было ещё светло. Погода мне уже тогда не понравилась. Почему? Да потому что странно выглядело, когда над головой ясное небо, даже солнце слегка греет, а где-то на краю неба наползает сплошная чернота. Летом такая буря неудивительна, а зимой подобных фокусов природы не припомню. А если присмотреться, то видно, как там идёт снег. Завалит дорогу, это без сомнения.

Мелькнула мысль, что, может, ну их, эти дела, заночую дома, отец уже подробно рассказал про баню-ужин-самогон (про девок ничего не сказал, потому как мать рядом). Но упрямство взяло верх, куда там здравому смыслу, я ведь всех умнее, а буря, что буря, у меня «Прадик» почти новый, ему сложно застрять. Правда, застрять в снегу могут другие, а мне придётся встать из-за них. Но об этом я тогда не подумал.

Первые километров десять дались легко, тут ещё стояла осень, что для Сибири в середине ноября как-то нехарактерно. Но так оно и есть, в этом году снег выпадал дважды, но так и не остался лежать. Но теперь зима возвращала своё. Оптом.

В полосу снегопада машина влетела резко и без предисловий, только что была относительно чистая дорога, справа и слева такой же бесснежный лес, даже настоящая тайга, а впереди на небольшом отдалении двигались другие машины. И вот, заветная черта пересечена, резко стало темно, а лобовое стекло начало засыпаться хлопьями размером с мой кулак. Пришлось резко включить дворники и сбросить скорость.

У идущей впереди «Нивы» те же проблемы, водитель тоже притормозил. Дорога резко стала ненадёжной, снега там уже прилично, сантиметров двадцать, часть сдувает ветер,

часть раскатывают колёсами, но остаётся всё ещё много. Тут бы прибавить оборотов, пока трасса проходима, а то застрянем так, что МЧС вызывать придётся.

Несколько машин впереди стали спешно разворачиваться, а потом рванули в обратном направлении. Точно, решили судьбу не испытывать. Мелькнула и у меня мысль последовать за ними, да только я её тут же отогнал, как провокационную. Я прибавил газу и помчался вперёд, развивая просто космическую для такой дороги скорость в шестьдесят километров в час.

В глаза бросилась ещё одна странность: встречного движения не было. Туда машины ехали. Впереди точно шутки три, ещё и сзади в темноте фары мигают. А навстречу никого. Где-то там перекрыли дорогу и никого не пускают? Могло и такое быть, да только тогда перекрыли бы и здесь, если уж заботиться о безопасности, так в отношении всех участников движения. Или в середине пути уже такие завалы, что там не проехать, а мы скоро в них упрёмся.

Чёрт, и чего так метёт? И ведь не особо холодно, всего градусов десять-двенадцать со знаком минус. Но ветер превращает их в тридцать, а снег... снег стал каким-то невообразимым белым потоком. Дворники работали с максимальной скоростью, но даже так не успевали очищать стекло. Я бы уже с дороги съехал, если не фары впереди идущей «Нивы». А где все фонари, которые здесь были натканы часто и всегда светили?

Скорость падала всё ниже, скоро снег стал пореже, зато усилился ветер. Усилился настолько, что двухтонная машина начала ощутимо смещаться. Ураган настоящий. Устойчивость на дороге была ни к чёрту, даже моя машина с мощным движком и шипованной резиной вязла в снегу и норовила застрять намертво. Что говорить о других.

Я увидел, что «Нива» уже стоит мёртво, а впереди неё точно так же вертится на месте какой-то белый седан, рассмотреть отсюда марку не получалось. Вроде, что-то японское.

А что мне делать? Я-то, может быть, прорвусь дальше, за счёт движка, резины и высокой посадки. Вот только придётся этих двоих переехать, поскольку на левой полосе заносы мне по крышу, там я и на метр не продвинусь. А назад?

Сзади какой-то идиот посигналил. Захотелось его обматерить, но для этого надо хотя бы в окно высунуться, а мне не хочется покидать тёплые потроха машины. Впрочем, он сам вылез из машины и, кутаясь в старую «Аляску» подбежал ко мне. Неужто придётся ещё и в морду дать. Он постучал в окно, я нажал на кнопку, стекло поползло вниз, в салон сразу ворвался холодный ветер и снежные хлопья.

— Как там, впереди? — спросил худощавый мужик моих лет.

— Сам видишь, — я облегчённо вздохнул, он не искал конфликта. — Там, по ходу, всё движение колом встало. Назад надо.

— Поздно, там тоже занесло, метров пятьсот назад, а дальше сугробы с меня ростом, почему-то и движения нет, ни за нами, ни навстречу.

— Навстречу понятно, там занос, они встали в пробке, — сказал я. — А почему впереди и позади нет. Кто-то бы пробился с трудом, второй застрял, остальные за ним выстроились. А тут как ножом отрезало.

Он пожал плечами, я хотел предложить ему сесть в салон, но тут он достал сигарету и начал прикуривать. Ясно, потом позову, курить в салоне я даже себе не позволяю.

— Чего делать-то будем? — спросил он, с трудом раскурив сигарету. С трудом, потому что на неё тут же налипли хлопья снега, а ветер старался сорвать уголёк.

— Я так думаю, — я открыл дверь и вышел наружу, — что мы застряли намертво.

Скорее всего, это до утра. Утром бульдозеры прогонят, тогда и двинемся.

В том, что прибудет техника и спасёт, я не сомневался.

— Пойду с другими поговорю, — он выбросил потухшую от сырости сигарету, после чего бодро зашагал вперёд, насколько получалось бодро шагать в снегу выше колена.

Я присел на корточки с подветренной стороны и тоже закурил. Тут снега меньше, получилось сделать пару затяжек, прежде, чем уголёк погас. А ведь я прав, ночевать придётся здесь, и ничего с этим не сделать. Придётся кое-что приготовить.

В список кое-чего входили, например, лопаты. Я видел, как некоторые водители позади меня уже достали снегоуборочный инвентарь и начали бодро сгребать снег на обочину. Приступил к работе и я, старался так, что даже жарко стало. Но, вместо того, чтобы сбросить тёплую куртку, я наоборот, застегнул её до подбородка. Не дело это, потному на ветру стоять, лёгкие не казённые.

Несмотря на то, что снег продолжал валить, дорога понемногу очищалась. Настолько, что несколько машин смогли сдать назад, а несколько вперёд, встав на кое-как очищенной дороге компактной колонной. Я насчитал восемь машин, среди которых был один грузовик с большим кунгом.

Так уж получилось, что моя машина стояла в центре колонны, поэтому здесь и собралась импровизированная сходка. Всего, если считать со мной, набиралось четырнадцать человек. Водители были мужчинами, среди которых оказалась одна женщина, средних лет с двумя детьми по возрасту из младших классов. Ещё две дамы ехали пассажирами.

— И чё делать будем? — спросил тощий парень лет двадцати, судя по худосочной комплекции и мутным глазам, наркоман.

— Утра ждать, — спокойно сказал я. — Утром метель закончится, придёт техника и всё разгребёт.

— А если замёрзнем? — спросил водитель грузовика, относительно молодой, одетый в тёплую куртку на меху, при этом про шапку он забыл, а коротко стриженую голову прикрывал капюшоном. — До утра бензина хватит не всем. У меня канистра есть...

— Канистра и у меня есть, — сказал я, пытаюсь отвернуться от ветра. Бесполезно, куда бы я ни повернул голову, он всё равно дул спереди. — Раз всё так получилось, надо костёр палить.

— Правильно, — согласился наркоман. — Иначе все тут к херам околеем.

— Смотри, — я указал на небольшой участок дороги, где покрытие было не асфальтовым, а бетонным. — Вон там разведём, только тачки надо компактнее поставить. А ты свою ставь поперёк, чтобы хоть немного от ветра прикрывала.

Снова минут двадцать работы с лопатами, теперь машины образовали квадрат, с одной стороны которого стоял грузовик, он своей будкой хоть немного прикроет от ветра. В центре квадрата образовалась площадка, где сейчас будем разводить костёр. Становилось всё холоднее, можно сидеть в машинах, греясь от двигателя, но бензин не бесконечный. А замерзать, когда вокруг тайга, грешно.

К счастью, до деревьев добраться получилось, хотя снег там доходил до груди. Двое из товарищей по несчастью вынули пилы и отправились валить тонкие берёзки, их тут, вдоль дороги, росло очень много. Я вынул топор, есть ещё мачете, но топором привычнее. Топор самый обычный, в магазине куплен, только там они тупые продаются, пришлось потратить время и точильный камень, чтобы довести его до бритвенной остроты.

Вот и берёзка, толщиной всего в десять-двенадцать сантиметров. Срубить получилось в три удара, потом доломал, ухватил за ствол и потянул за собой, распахивая рыхлый снег. Те, кто взял пилы, управились быстрее. Сейчас уже стволы берёз превращались в удобные чурбаки длиной около полуметра. Тонкие ветки я порубил уже сам. Попутно наркоман нарыл где-то целую охапку тонкого хвороста для растопки. Минут через двадцать перед нами возвышалась слегка уменьшенная копия пионерского костра. Я даже подумал, что машину следует отогнать подальше, чтобы краска от жара не пострадала.

Прогорит быстро, поэтому я отправился за новым стволом. Вот, ещё одна берёзка, её и прихвачу. Тут я замер с топором в руках. Глюки? Или просто отблески чего-то, например, автомобильных фар? Из темноты на меня смотрели два жёлтых глаза. Расстояние до них было... не знаю, метров пять. Если это зверь... здесь ведь звери водятся. Пару месяцев назад медведя видели.

А потом глаза исчезли, а я занялся заготовкой дров. В крайнем случае, от зверя топором отмахнусь, силой природа не обидела. Хотя лучше оружие приготовить. Притащив ствол на поляну, я решил, что дров пока хватит, а мне можно ненадолго отвлечься. Полез к себе в машину, на заднее сидение. Так, где у нас что?

Моссберг 930, самозарядная помпа, которая в магазине стоит за двести косарей. И не надо говорить, что богатый буратино с жиру бесится, а для охоты на жалких фазанов кучу денег выкинул. Не такой уж я богатый. Понты — вещь незаменимая, но вам я по секрету скажу, что ствол мне достался в комиссионке по цене качественного нового «Ижака». Хорошо иметь старых друзей в разрешительном отделе. Хозяин купил, а потом взял, да и помер. Наследники ружьишко отнесли куда следует, а оттуда оно попало на вторичный рынок. Где его купил я по наводке нужных людей.

Сколько желчи на меня батя вылил, насмехаясь над моим оружием. И неспортивно, и от мороза откажет, и вообще, нечего иностранщину спонсировать, молодёжь только таким оружием и умеет. Слова «читер» батя не знал, иначе точно применил бы его ко мне. Охота на фазанов заняла всего часа два, потом я закинул ружьё в багажник.

Вот оно. Так, магазин пуст. А где патроны. Вот они. Я воровато оглянулся по сторонам. Никто не подсматривает? Впрочем, через тонировку всё равно ничего не видно. Так, вот ружьё, а вот и боеприпасы. Шесть с дробью из чёрного пластика. Дробь нолёвка, против крупной птицы, но в упор и такое сойдёт. Что ещё? Вот пули, дротик, вот картечь. Картечи аж две пачки, восьмимиллиметровая и шестимиллиметровая. Какой я молодец. Даже если в лесу только мои глюки, спокойствие стоит дорого. Я начал совать патроны в магазин. Три с картечью и два с пулей. Теперь патрон в ствол и ещё одну картечь. Теперь на предохранитель, положить у входа и прикрыть. А с собой пока нож возьму, нож у меня тоже добротный. Ка-Бар, модели, если правильно помню, двести четырнадцать. Здоровенное чёрное лезвие и резиновая рукоять. Вот его и повешу на пояс, чтобы и с оружием, и людей не пугать.

Когда вышел наружу, там уже разгорался костёр. Сразу стало светлее. Для лучшего горения в дрова плеснули бензина, а теперь его раздувал ветер. Дыма почти не было, а уже минут через двадцать стало ощутимо теплеть, даже снег на бетонном пятаке немного подтаял. От голой поляны, окружённой машинами, повеяло чуть ли не домашним уютом.

— Жить можно, — резюмировал я, присаживаясь на крошечный складной стул на расстоянии двух метров от костра.

— Тебя как звать? — спросил наркоман, присаживаясь рядом, стула у него не было,

поэтому присел на корточки.

— Юрий Владимирович, — буркнул я, персонаж мне ощутимо не нравился, нежелательно с такими в экстремальные ситуации попадать.

— А меня — Евгений, Женёк, — представился он. — Слушай, Юрий Владимирович, дай сигарету.

Да что же ты прискробался ко мне, вон тут ещё сколько народу? Так подумал я, но сигарету всё же дал. Женёк вынул зажигалку, долго щёлкал пьезой, пытаюсь извлечь огонь, но тот сразу угасал от ветра. Наконец, ему это надоело, а потому он осторожно подполз к костру, отшатнулся от жара, но всё же успел выхватить горящую веточку, от которой в конце концов и прикурил.

— Я в МЧС хотела звонить, — сказала мамочка, прижимая к себе детей, которые были закутаны шарфами до самых глаз. — Связи нет совсем, и даже джипис не ловит.

А вот это странно, подумал я. Связь здесь всегда была, и навигаторы ловили. Что-то серьёзное случилось, буря повредила какие-то антенны.

— Юрий Владимирович, — снова позвал Женёк, речь его была замедленной, явно между делом чем-то закинулся.

— Говори, — я не соизволил повернуться, не хотелось терять поток тепла от костра.

— А ты ничего в лесу не видел?

— В смысле? — я всё же повернулся к нему и тут же получил горсть жёсткого снега в лицо.

— Ну, в лесу никого подозрительного не было? Глаза там ничьи не мелькали?

— Вообще-то, кого-то видел. Но не понял, кто это. Глаза чьи-то были. Или не глаза.

— Я тоже видел, — сказал он, уже закрыв глаза и погружаясь в нирвану. — Только моим глазам веры нет. А если и ты видел, тогда...

Что именно будет тогда, он не уточнил.

Глава вторая

Снежный плен длился уже третий час, костёр частично прогорел, но угли тоже пришились к месту, внезапно выяснилось, что коллектив голоден. Я и сам не отказался бы перекусить, в бардачке были припрятаны шоколадные батончики, но их я ещё час назад отдал детям.

Временно взяв на себя обязанности лидера, я объявил поиск продуктов. Результат был, хоть и небогатый, но на первое время этого хватит, с голоду не умрём. У водителя грузовика нашлись два банки «Сайры», у мамочки был доширак в количестве аж восьми пачек. Ещё нашлись несколько пачек чипсов, кофе, сахар и чай. Я, покопавший в багажнике, откопал банку свиной тушёнки.

— Котёл у кого-нибудь есть? — спросил я, когда коллектив собрался у костра.

— Есть, — ответил худой мужик, что подходил ко мне первым. — Литров на восемь.

— Смотрите, вот дошик, вот тушёнка, предлагаю всё это объединить в супе.

Предложение было признано здравым, тем более, что имелась в запасе и одноразовая посуда, куда этот суп можно было разлить. Что же до фазанов, то их я тоже пожертвовал в общий котёл. Условно, понятно, поскольку фазан в суп не особо годится, там жира почти нет. Пара толковых мужиков тут же принялась птиц ощипывать и потрошить.

Через полчаса на самодельном таганке уже весело булькал странный суп, а неподалёку на углях поджаривались тушки фазанов. Нашлась, к счастью, и соль, и даже перец.

От запаха еды проснулся наркоман Женя, он так и спал на корточках, должно быть,

ноги затекли.

— Сколько мы уже здесь? — спросил он, взгляд стал чуть более осмысленным.

— Четвёртый час, — я посмотрел на часы.

— А дай ещё сигарету, — попросил он.

Я вздохнул, но вспомнил, что запас курева имеется, в машине ещё две пачки, поэтому выдал ему одну. Женя тут же выгреб из костра уголёк и, перекидывая его из руки в руку, умудрился прикурить.

— Пойду ещё пару стволов свалю, — поднялся один из водителей, насколько я понял, звали его Иван, это был молодой парень лет двадцати пяти, небольшого роста, зато широкоплечий и пухлый, как Винни-Пух.

— Ты бы один не ходил, — предупредил я.

— А что?

— Ну, мало ли, потеряешься, — я не знал, как описать свои страхи.

— Смешно, — отмахнулся Иван и, взяв пилу, пошёл в сторону обочины, снег за пределами дороги доходил ему до груди, если бы не костёр, нас бы уже с головой замело.

А я вернулся к условному столу. Одна тушка фазана уже пропеклась, теперь её ломали на части и раздавали нуждающимся. Разумеется, одной тушки было мало, я решил подождать следующей.

И тут нам пришлось позабыть о еде. Со стороны леса, там, куда направился Иван с пилой, раздавался душераздирающий крик, сквозь лес и снежную пургу было плохо видно, но казалось, что его схватило что-то тёмное и тянет за собой.

Как ни странно, но из толпы собравшихся самыми решительными оказались я и наркоман Женя. При этом я успел выхватить из машины ружьё, а он вынул невесть откуда взявшуюся монтировку. Вот только добежать быстро мы не смогли, снег помешал. Тварь так и не разглядели, какая-то тёмная туша, слегка напоминает человека, только крупнее и конечности торчат в стороны, как у паука.

Тварь отпустила человека при нашем появлении и ретировалась в лес, я всё же выстрелил вдогонку, но, кажется, не попал. А с Иваном всё было плохо, снег окрасился кровью, его крепкая кожаная куртка была изорвана на лоскуты, а сам он на глазах терял сознание.

Когда мы дотащили раненого до лагеря, он уже был без сознания, а в самом лагере царил паника. Пенсионер лет семидесяти тоже вынул ружьё, простую одностволку, кажется, шестнадцатого калибра.

Я достал из закровов джипа толстое одеяло, расстелил на прогретом бетоне, а сверху положил раненого. Надо сказать, что ему досталось от души. Имелись рваные раны на животе, неглубокие, но сейчас они сильно кровоточили. На правом плече остался натуральный отпечаток когтей, словно Фредди Крюгер ухватил его за руку и сжал пальцы.

Но главным повреждением был укус, который остался на шее. Не на шее даже, а в самом её основании. В тело вгрызлись зубы, странные зубы, имелись клыки, но, в целом, челюсть напоминала человеческую. Из него вырвали кусок мяса. Ещё меня удивило, что эта рана почти не кровоточила, а края выглядели как-то странно, словно мясо успело высохнуть.

Немедленно занялись оказанием помощи, мамочка тут же притащила перекись и пластырь, а дедок пытался наматывать бинты. Бинтов потребовалось много, поэтому решили просто приложить подушку и приклеить пластырем.

Когда помощь была оказана, мы немного перевели дух и получили возможность

обсудить произошедшее.

— Медведь? — спросил пенсионер, перекладывая ружьё из руки в руку.

— Нет, — я пожал плечами. — Точно не медведь, не знаю кто. Какая-то тёмная тварь, ростом с человека. Чертовщина творится.

— Да ну, какая чертовщина, — возмущённо проговорила мамочка, прижимая к себе детей. — Просто зверь.

— А ты у нас зоолог? Николай Дроздов, мля? — спросил недовольным голосом Женя, у которого во рту ещё торчал потухший фильтр от сигареты. — Вот, смотри.

Он отодвинул неплотно наложенную повязку на шее раненого.

— Ты много зверей знаешь с такими зубами? Не знаешь? Прикинь, и я не знаю, а то, что я видел там, точно вообще ни разу не медведь. Такой след от большой обезьяны остаться мог, ну, павиан там, или бабуин, у кого клыки есть.

Женя сейчас рассуждал, как образованный человек, хотя слова-паразиты из речи никуда не делись. Явно тот, кого принято называть «бывший интеллигентный человек».

— И ещё, — добавил он, склонившись над раной. — Такая фигня. Не хочу никого пугать, но ему, по ходу, хана.

— Раны не смертельные, — тут же возмутилась мамочка, надо же, какая активная тётка, две другие вон, по углам сидят и прячутся за своих мужиков, а эта прям глава родительского комитета. Наверное, разведённая. — Просто он крови много потерял. И болевой шок. Наверное.

— Ты сюда смотри, — он обвёл пальцем место вокруг раны. — Видишь?

С раной, и в самом деле, происходило что-то не то. Края её почернели, а вокруг расходилась странная реакция, все вены наливались чернотой, и процесс этот, судя по всему, развивался дальше.

— Судя по скорости, ему часа два осталось, — подвёл итог Женя.

— Это просто заражение, — успокаивая себя начала бормотать мамочка. — В рану грязь попала, вот и начался сепсис, ему в больницу надо, антибиотики нужны.

— Я знаю, как сепсис выглядит, — Женя наконец-то выплюнул потухшую сигарету. — И скажу тебе, мамаша, что вот это — нихера не сепсис, это вообще не человеческая реакция, даже ядов таких нет, это вроде гангрены, но гангрена тоже так быстро не действует.

— И что, мы так и будем смотреть, как он умирает?

— Варианты? — спросил я.

— Нет, теоретически, если вот прямо сейчас попасть в клинику, то его можно спасти, — начал объяснять Женя. — Весь этот кусок к херам вырезать, а потом уже пытаться спасти остальное. Гарантии нет, но хоть что-то.

— Тогда нужно ехать в больницу, срочно, — она подскочила, но тут же была посажена обратно пенсионером.

— Окстись, мать, ты за грузовик загляни, там и танк не проедет. Да и в нашу районную везти смысла нет, там только клизму поставить могут и зелёнкой помажут, надо в город его, а до города километров сто.

— Я же говорю, — Женя наконец отвоевал себе небольшую табуретку и присел на неё. — Ему так и так умирать. А у нас проблема.

— Озвучь, — предложил я.

— Дрова горят быстро, а он так и не притащил. Кто пойдёт?

Я окинул взглядом мужскую часть коллектива. Все резко стали отворачиваться. Вообще,

народ старался компактно собраться вокруг костра, видя в нём защиту от неизвестных чудовищ.

— Ну, ты бы и пошёл, — осторожно сказал водитель грузовика.

— Ага, меня не жалко, — резюмировал Женя. — Я это запомню, хорошо запомню, и мстя моя будет страшна.

Как бы он ни ворчал, а встал с места и направился в сторону леса.

— погоди, — окликнул его я. — Пилу возьми — это во-первых, Иван свою уронил, она сейчас под снегом. А во-вторых, я с тобой пойду и... как вас зовут.

— Дядя Паша, — отозвался пенсионер.

— Вот, я и дядя Паша пойдём с тобой и встанем по бокам, пока ты пилишь, а остальные возьмут в руки топоры и ножи и будут охранять лагерь, на случай нападения.

Стоило нам сойти с дороги, как тут же провалились в снег по грудь, двигались медленно, Женя выбрал пару берёзок, которые можно быстро свалить, пока он пилил, мы мониторили лес на предмет нечисти.

— Дядя Паша, у тебя патроны-то есть? — спросил я шёпотом.

— Есть, — утвердительно кивнул он. — Пять штук, четыре с дробью, один с жаканом.

— И то хлеб, — пожал плечами.

В этот момент в лесу что-то затрещало, но тут же начало падать дерево, а потому звуки в лесу оказались смазанными.

И уже тогда, когда мы возвращались, утаскивая за собой три средних ствола, за спинами раздался тоскливый вой, плавно перешедший в ворчание и хрипы. Звук был громкий, настолько, что перекрыл даже вой ветра.

— Все слышали? — спросил я, когда мы оказались в лагере.

— Волки? — предположил водитель грузовика.

— Тут волков с шестьдесят седьмого года не водилось, — заверил дядя Паша.

— Соберитесь в кучку, — сказал я, — поговорим открыто.

Народ начал собираться, встали вокруг костра, пара мужчин тут же начала ломать ветки и пилить стволы, чтобы подкормить быстро угасающий огонь.

— Итак, граждане, смотрите. Мы оказались в какой-то...

— Жопе, — подсказал стоявший рядом Женя.

— Нестандартной ситуации, — тут же сказал я. — Мы заперты в снежном плену, теоретически выйти пешком можно, но до жилья километров пятнадцать, не меньше. Можем просто замёрзнуть. При этом не прекращается ветер, идёт снег, очень может быть, что и трупов наших не найдут. С другой стороны, нас обложили какие-то звери, или зверь, не исключаю, что он один. Природа его не ясна, но зверь очень опасен и обладает ядовитым вкусом. У нас есть оружие, но запас патронов минимален. При этом на руках тяжёлый больной, который, очень может быть, к утру уже будет мёртв. А в довершение всех бед у нас нет никакой связи, все телефоны отказали.

— Но нас ведь спасут? — спросил ещё один, молчавший до этого мужик, лет пятидесяти, седой и в маленькой вязаной шапке, похожей на тубетейку. — МЧС сразу придёт, с техникой, разгребут заносы и...

— Я не уверен, — сказал я.

— Обоснуй, — потребовали почти все.

— Не могу, — сказал я. — Просто интуиция. Что-то случилось. Это не просто буря, не просто снег, не просто звери. Тут что-то странное творится. Что именно, сказать не могу, но

мне это очень не нравится. Очень надеюсь, что я ошибся, тогда с рассветом можно ждать технику.

— Я тоже думаю, что тут не так что-то, — добавил дядя Паша. — Но панику раньше времени сеять не буду. Ждать надо, пока не замерзаем и от голоду не мрём.

— Как бы то ни было, а из лагеря не отлучайтесь даже по нужде, вон, между машинами встали и сделали все дела, а результат можно снегом присыпать.

Народ, хоть и был напряжён, разошёлся по машинам, некоторые даже завалились спать. А я, решив, что ситуацию больше ничем не исправить, присел обратно на стул, взял пропечённую тушку фазана, разломил напополам и протянул вторую половину Жене.

— Спасибо, — кивнул он и вгрызся в сухое мясо зубами. — Слышь, Юрий Владимирович, у меня тут мысль появилась.

— Озвучь? — предложил я с набитым ртом.

— Что, если мы это... ну, куда-то провалились?

— В смысле?

— Ну, вот был наш мир, а вот — параллельный. Вот мы ехали по своему миру, а тут попали в бурю и нафиг вылетели из него. Отсюда непрерывающаяся пурга, отсутствие связи и странные звери.

— Кто-то фантастики перечитал.

— Может быть, — он пожал плечами и продолжил воевать с жёстким, слегка подгоревшим мясом.

Ночь уже близилась к завершению, когда я не выдержал и отправился к себе в джип. Ружьё положил рядом, а сам развалился на разложенных сидениях. Перед этим мы ещё дважды сходили за дровами, теперь костёр будет гореть долго, до утра точно.

Я включил двигатель, потом печку, после чего просто провалился в сон.

Разбудили меня, как будто, через пару мгновений. Вот только часы упорно показывали, что прошло пять часов. Разбудил меня Женя, который тут же вывалил ворох плохих новостей. Смена, что дежурила у костра, заснула, а потому наутро мы недосчитались одного человека. Молодой парень, что водил «Ладу». А вдобавок неизвестные забрали труп Ивана, который точно был мёртв, но момент смерти никто не зафиксировал. Следов никаких не осталось, поскольку буря их моментально заметала.

Но этим список несчастий не заканчивался. На часах была половина десятого утра, при этом небо нисколько не посветлело. Да и пурга, хоть и немного утихла, продолжала мести. Лагерь наш выглядел настоящим замком, со всех сторон окружённым снежной стеной, в которую встроены машины. Мой джип с одной стороны накрыло с верхом. За ночь снег слегка растаял, но на его место наметало новый.

— Что за фигня тут творится? — спросил я у собравшихся товарищей по несчастью.

Вид у них был испуганный, а женщины были близки к истерике. Лучше всего держалась мамочка, стояла молча, крепко прижимая к себе сыновей. Дети, кстати, тоже попались спокойные, к приключению отнеслись сдержанно.

— Плохо всё, — заявил дядя Паша, указывая в сторону леса. — Твари пришли, забрали парня. И мёртвого тоже забрали.

— А что за твари? — спросил я, не особо надеясь на ответ.

— Я только краем глаза видел, — сообщил Женя, глаза у него были мутные, видимо, снова чем-то закинулся. — Какая-то тёмная тварь, вроде, человек, а вроде и херня какая-то. Руки длинные, как у обезьяны, и идёт так... телепается вправо-влево, как паралитик. У меня

сосед такой был, от бухла его кондратий обнял, он тогда выжил, но с тех пор так и ходил.

— И следов нет? — уточнил я.

— Один след я видел, — сказал водитель грузовика. — Только непонятный. Лапа, вроде как у волка, но пятка человечья. Теперь уже не видно.

— Ситуация совсем плоха, — резюмировал я. — У кого какие предложения?

— Валить отсюда, — уверенно сказал Женя, его всё сильнее вставляло, отчего слова он говорил невнятно. — Мы... короче, опасно идти, но тут точно загнёмся. Я так думаю.

Он замолчал, а я обвёл взглядом собравшихся. Двенадцать человек, из которых три женщины и два ребёнка. Мужиков всего ничего. Я, неменяемый Женя, старый дядя Паша, чуть менее старый мужик в тубетейке, водитель грузовика, худой, и ещё один, относительно молодой парень, который сейчас шептал что-то на ухо своей жене.

Я посмотрел в ту сторону, откуда мы пришли. Если идти по дороге, то, может быть, до посёлка дойдём. Самых крепких пустить впереди, остальные за ними. Звери? Так им тоже снег мешает, глядишь, не успеют внезапно напасть. Тяжело, но попробовать стоит.

— Тебя как звать? — спросил я водителя грузовика.

— Лёха.

— Лёха, бери топор, идём по дороге в противоположную сторону. Посмотрим, можно ли вообще пройти. Если метров сто прошагаем, то вернёмся, возьмём остальных и идём в сторону посёлка. Тут нам ловить нечего.

Но сперва мы ещё раз отправились к лесу, чтобы нарубить ещё дров. Там уже образовалась небольшая проплешина, свалили и притащили три больших берёзовых ствола, которые быстро распилили на чурки и уложили поверх углей. Одной проблемой меньше. Неведомое зверье пока никак себя не проявляло.

Потом настал черёд пробивать дорогу. Занятие не самое приятное. Снег был сухим, двигаться можно, но нормальной просеки не получается. Даже следом за нами идти будет трудно, люди быстро выдохнутся, а детей придётся нести.

Тем не менее, мы с Лёхой продолжали упорно двигаться вперёд, пытаюсь отойти хоть на сколько-то. Я в одной руке держал фонарик, а в другой ружьё, не хотелось столкнуться с неизвестной тварью, которая к тому же ещё и ядовита.

За неполный час удалось пройти метров двести-двести пятьдесят. Дорога в этом месте поворачивала, а за поворотом мы встали.

— Не понял, — сказал Лёха, хватая ртом воздух. — Это чё?

— Вот бы знать, — я стянул с головы шапку, потом ей же вытер пот со лба, поход дался нелегко.

Причина остановки была проста: дорога закончилась. Дальше стеной стоял лес, и не тот хлипкий березняк, что мы рубили на обочине, а солидный лес с вековыми деревьями, которые нам вдвоём не обхватить.

— С дороги сбились? — с надеждой спросил Лёха.

— Куда сбились? — я присел и начал рукой в перчатке разгребать снег. — Вот асфальт, вот дорога, а тут она куда-то исчезает.

Тут на меня напал страх, Женя, какой бы неменяемый он ни был, оказался прав, нас точно куда-то выкинуло вместе с куском дороги.

На возвращение ушло меньше времени, всё же дорога отчасти была пробита, хотя её тут же на глазах заметало.

— Всё плохо, — сказал я, присаживаясь на стул у костра, я снял перчатки, живительное

тепло потекло по рукам. — Дороги нет.

— Так сильно замело? — уточнил дядя Паша.

— Нет, — я набрал воздуха в грудь, чтобы выдать шокирующую правду, но меня перебил долбанный телепат Женя, что сидел неподалёку прямо на нагретом асфальте, глаза его были полуприкрыты, а язык едва шевелился.

— Её совсем нет? — пробормотал он. — Так ведь? Вы пошли, а дорога кончилась.

— Да, — признал я. — Метров триста, а дальше лес стеной.

— А дорога где? — спросил мужик в тубетейке.

— Вот бы знать, как будто её там никогда и не было, просто лес, причём, старый.

— Так, стоп, — тут же начал соображать худой. — Я вам верю, допустим, дороги нет, но по лесу ведь тоже можно идти. Может, пойдём, если с направления не собьёмся, часов за пять дойдём.

— Ты притворяешься, или правда тупой? — спросил Женя, чем вызвал вспышку гнева у водителя. — Дорога, асфальтированная, сука, трасса, с насыпью, покрытием и этой... еби её мать, разметкой, полностью исчезла. При этом ты рассчитываешь, что посёлок остался на месте?

— Надежду терять не надо, — сказал я, хотя сам себе не верил, слишком велико было потрясение. — Но, думаю, до посёлка мы не дойдём. И помощи нам не будет.

— И что делать? — тут же вспыхнула мамочка.

— Думать, — я развёл руками. — Можно ещё вперёд сходить, посмотреть, что там, но думаю, будет то же самое. Женя, — позвал я, но тот не отреагировал, — Женя!!!

— Чё ты орёшь? — недовольно отозвался он, выходя из астрала.

— Развей свою теорию, — велел ему я. — Что там дальше по тексту?

— Какому тексту? — он открыл один глаз.

— Ты мне выдал теорию про параллельный мир. Что из этого следует и что можно сделать?

Он некоторое время пожевал губами, потом начал объяснять:

— Ну, смотри, мы сюда влетели, нас группа, есть люди с руками, есть женщины. По идее, планируется робинзонада. Инструменты есть, патроны тоже. Типа, выживать будем. Собирать моллюсков и охотиться на гигантских варанов.

— Каких моллюсков? У нас зима, — напомнил ему я.

Женя открыл глаза и с удивлением осмотрелся, убедившись, что вокруг и правда зима, спокойно их закрыл и стал говорить дальше.

— Попадание в другой мир — оно не просто так, это... ну, обычно те, кто туда попадает, попадают зачем-то. Скажем, в этом мире дикость, а мы, такие умные, цивилизацию принесём. У нас даже машины есть и оружие. Или тут постапокалипсис, а мы всех спасём и уведём в свой мир.

— А что про бурю известно? — я подсел рядом и задавал вопросы прямо в ухо, остальные начали расходиться, чтобы не вдаваться в подробности разговора двух психов.

— Это может быть эффект столкновения миров, хотя на столкновение мало похоже, скорее, кусок нашего мира выдернули и сюда вставили. Или вообще оба мира объединились. Не уверен.

— А другой мир может быть полностью безлюдным? — спросил я, ещё раз осмотрев лес вдоль дороги.

— Обычно нет.

— А что надо делать, когда попал?

— Подбить запасы, потом искать людей.

— А где?

— Без понятия, но аборигены нужны конкретно, нужно язык узнать, узнать, какие деньги в ходу, есть ли магия, или только силой всё решать. Если магия есть, тогда...

Договорить он не успел, голова повисла, а сам он начал заваливаться на бок. Пришлось его положить, а под голову сунуть свёрнутый мешок. У костра не замёрзнет.

— И зачем мы эту ахиною слушали? — спросил Лёха, который, как оказалось, стоял у меня за спиной.

— Это как юродивый, который среди бреда выдаёт ценную информацию. Ты ведь видел, что с нами произошло.

— Видел, и да, объяснить не могу.

— Вот и я не могу, поэтому надо любой вариант рассматривать. В одной парень прав, нам нужен абориген.

— А какой абориген будет ночью в зимнем лесу слоняться, особенно в пургу, притом, что в их мире этой дороги нет?

И тут что-то крикнул один из детей, не просто крикнул, а указал вперёд, по ходу нашего движения.

Глава третья

По дороге, хорошо освещаемой пламенем костра, в нашу сторону шёл человек. Шёл не скрываясь. Явно направлялся на огонь, который видно издали. С виду мужчина, высокого роста, комплекцию не видно, поскольку одет в просторную парку из меха с капюшоном. За спиной вещмешок, а на плече висела винтовка.

Что характерно, шагал он не так, как мы, на ногах имелось нечто, вроде коротких лыж или снегоступов, которые позволяли ему не проваливаться в снег. Когда приблизился, мы смогли рассмотреть его подробно. Да, мужчина, на вид лет тридцать пять, стрижен коротко, почти под ноль, небольшая борода, глаза серые, смотрят смело, явно сам настроен мирно и не ждёт от нас враждебности.

— Мир вам, — сказал он, выходя в круг из машин.

Больше он ничего объяснять не собирался, отстегнул свои снегоступы, присел к костру и, снял меховые рукавицы, протянул руки к огню.

— Мама, кто это? — спросил мамочку один из сыновей.

Собственно, ребёнок сформулировал тот вопрос, который у всех нас вертелся на языке. Человек явно не из нашего мира, одежда странная, явно кустарной выделки. Хотя нет, унты, вроде, обычные. Да и винтовка на плече тоже стандартная, русская трёхлинейка. Выглядит только старой, антиквариат просто, как бы не с царских времён. А ещё на поясе тесак, а из заплочного мешка торчит рукоять топора.

Тут дядя Паша снял с костра котелок, где, за неимением продуктов кипела вода, а потом бросил туда полгорсти заварки. Ну, да, хоть чаю попьём. Взяв большую жестяную кружку, я попросил налить, потом присел рядом с путником и протянул ему.

— Благодарю, — спокойно сказал он и принял кружку.

Чай был горячий, но на ветру очень быстро остывал. Он отхлебнул пару глотков, потом удовлетворённо кивнул и посмотрел на нас.

— У нас к вам вопросы, — сказал я осторожно.

— Я отвечу на них, только сам знаю не всё, — сказал он.

Ну, и то хлеб, решил я, пододвинул ему перевёрнутое пластиковое ведро, а сам уселся на складной стул.

— Вы местный?

— Местных тут нет, но я давно здесь живу, — спокойно сказал он и отхлебнул ещё глоток чая.

— Хорошо, а не могли бы вы объяснить, здесь — это где?

Он обвёл взглядом окружающий мир.

— Здесь — это в буре.

— В буре? — удивился я.

— Да ты его о другом спроси, — перебил дядя Паша. — Когда буря кончится?

Пришлый удивлённо посмотрел на старика.

— Никогда, эта буря идёт уже не одну тысячу лет, отчего она должна закончиться?

Мы на несколько секунд притихли, переваривая услышанное, оставалась надежда, что пришелец сумасшедший или коллега Жени по опасным занятиям, но она была слабой.

— Хорошо, — сказал я, — а где мы сейчас? Какие-то ориентиры подсказать можете?

— Буря многое меняет, — сказал он тоном философа, — география здесь не точная наука. Вы здесь, надо полагать, недавно?

— Около суток, — я глянул на часы. — Ехали по трассе, попали в бурю, застряли. Потом костёр развели, потом на нас какие-то твари напали.

— Что за твари? — он нисколько не тревожился, казалось, твари для него — это что-то, вроде забавных букашек.

— Короче, — в круг спрашивающих ввалился слегка посвежевший Женя. — Такие здоровые, чёрные, вроде обезьян. С клыками. В лесу прятались и одного мужика погрызли. У него потом какое-то заражение началось в месте укуса, чернота по телу расходилась.

— И где он? — спросил пришелец.

— Так это... помер.

— Труп надо спалить, — тут же заявил мужик.

— Нет трупа, — горестно сказал дядя Паша. — Утащили ночью.

— Тогда не страшно, труп оборачивается где-то на пятые сутки, а если утащили, то просто сожрут.

— Перестаньте, детям страшно, — сказала мамочка.

— Тихо, — зашипел на неё Лёха, чтобы не спугнула наш единственный источник информации. — Кто сожрёт?

— Упыри лесные, твари злобные, но глупые. Если бы не их зубы, то и бояться нечего.

— В зубах яд? — уточнил Женя.

— Не яд, вроде бы, не могу сказать, и алхимики молчат. Но если зубами человека укусили, то он, скорее всего, помрёт, а через несколько суток восстанет.

— В упыря превратится?

— Нет, — он покачал головой, — просто станет мертвецом на ногах, сильным и агрессивным. Для них слово какое-то придумали, но я его не помню.

— Зомби, — подсказал Женя.

— Точно, зомби, потом такого убить трудно, голову оттяпать или огнём спалить. А лучше и то, и другое.

— А вы-то как сюда дошли? — спросил я. — На вас они не напали?

Он распахнул воротник своей шубы и продемонстрировал странную безделушку на

шнурке.

— Амулет, они меня просто не видят.

В толпе кто-то пытался возмутиться суевериями, но Женя тут же проскользнул поближе и, нагнувшись, тщательно осмотрел амулет.

— Почём брал?

— Сто червонцев, и ещё на обмен кое-что, — честно ответил гость.

— Херассе! — с видом знатока высказался Женя. — А артефактор ближайший где?

— Кто?

— Ну, маг, который амулеты делает.

— Пятьдесят вёрст отсюда, да там ли он ещё, не знаю.

— А ствол у барыги брал? Тебя как звать?

— Фёдором, а винтовку в руинах нашёл. А патроны Феофан продаёт, дорого, по три рубля штука.

— Уже интереснее, а амулет ещё что-то может? Или только тварям глаза отводить?

— Женя, — перебил его я. — Ты отвлекся, давай уже о насущном. Скажите, а можно как-то покинуть бурю и вернуться в наш мир?

— Ваш мир — понятие растяжимое. Он всегда ваш и всегда не ваш. Не знаю, как объяснить. Вот один мир, — он обрисовал сферу руками. — Вот второй, третий, пятый, десятый. А над всем этим буря. Она куски миров вырывает, с людьми, иногда с домами, иногда, как у вас, дороги кусок. Куски эти перемешиваются, иногда теряются, кто-то в них живёт, выживает, торгует, охотится, ищет в руинах ценности. Кто-то уходит в свой мир, бывало такое.

— А как? — едва не хором спросили мы.

— Сложно сказать, тут бы магов спросить, или ещё кого. Насколько помню, после попадания дня три или четыре выбраться можно. Не больше. А как — не узнавал.

— Так, а не могли бы вы сопроводить нас до ближайшего жилья?

— Какого?

— Ну, вечно сидеть на ветру и холоде мы не можем, тем более что вы сказали, буря никогда не кончится.

— Буря не кончится, но не везде она снежная, она по площади... половину Солнечной Системы закроет. Где-то она снежная, где-то — с дождём, где-то — песчаная, а где-то просто ветер дует.

— Так что с жильём? — спросил я. — Есть что-то поблизости?

— Город, — он задумался и указал в сторону, противоположную той, откуда пришёл. — Пустой город, там нет никого, и тварей тоже, вроде бы, нет. Там сможете первое время пересидеть, а дальше... не знаю.

— И в городе вообще никого? — уточнил я.

— Думаю, там барыга ещё сидит, — он пожал плечами. — С ним поговорите, глядишь, подскажет чего. Барыги — они умные. Ещё там прибарахлиться можно, продукты должны быть, или ещё что ценное. Но вам и крыша над головой в радость, хоть согреетесь.

— А далеко это?

— Километров десять.

— Так, граждане, — я повернулся к остальным, — поступило предложение выдвигаться к неизвестному городу, там есть дома, где мы сможем согреться. Наш гость берётся проводить нас туда.

— А как мы согреемся? — спросил дядя Паша. — Там ведь отопления нет, если город пустой.

— Есть камины, растопите, и будет вам тепло.

— А как с упырями быть?

Он оглядел нас, прикидывая наши возможности.

— Смотрите, ту часть, которая небоеспособна, я на себя беру, дети, женщины. В круг встанут рядом со мной, их не тронут. А мужики покрепче да с оружием, становитесь в боевой порядок и идите впереди и сзади. Но не думаю, что нападут, должны от амулета шарахаться.

— Ясно, — я снова повернулся к людям, — граждане, выбора у нас особого нет, идём туда, там отогреемся, если что-то не так, вернёмся обратно по своим следам. Собирайте всё, что может пригодиться, одежду, оружие, инструменты, еду... если осталась.

Сборы заняли около получаса, кое-кто пытался возмущаться, но основная масса приняла всё, как есть. А оставаться в одиночестве на дороге никому не хотелось. Всё, что посчитали полезным, навьючили на себя. В голове колонны пошли я и Лёха. Я держал в руках дробовик, а он топор, прикрывая меня в ближнем бою. Следом шагал Фёдор, винтовку он оставил за спиной, вместо попыток обороняться, крепко прижимал к себе детей, а с ними и мамочку, рядом шли ещё две женщины, стараясь не отдаляться больше, чем на полметра. Замыкали колонну остальные мужчины, включая дядю Пашу с ружьём. У остальных были топоры и ножи. Нет, упыри не пройдут. Единственным минусом была плохая видимость, Фёдор запретил зажигать фонари.

Но заблудиться мы не боялись, шли туда, куда указывал он. Не боялись и замёрзнуть, ветер в лесу был чуть потише, да и температура поднялась, минус пять или около того. Мешал идти только снег, местами по пояс, а кое-где доходил и до груди. И пусть мы с Лёхой были людьми неслабыми, но идти было тяжело, хорошо, если часа за три дойдём.

Преодолев примерно половину пути, мы окончательно выдохлись. Да, чего там мы, выдохлись все, а детей пришлось нести на руках. Мы двое пробивали дорогу в снегу, но даже по этой дороге ходить было испытанием, люди едва стояли на ногах, особенно учитывая голод. Ели в последний раз несколько часов назад. Детей пришлось нести на руках.

Единственным, кто не демонстрировал никаких признаков усталости, был Фёдор, мужик оказался натурально двужильным, не вспотел, не запыхался, всё так же шагал вперёд, ещё и нёс на руках старшего мальчика.

— Давайте, я в голове пойду, — предложил он. — А вы, с оружием, сзади идите, если нападут, то оттуда.

Спорить никто не стал, после десятиминутного отдыха колонна перестроилась, вперёд выступил Фёдор, с ним, как и раньше, женщины, а мужики с оружием встали в хвосте. Шли ещё около часа, потом снега стало меньше, ещё через некоторое время перед нами предстал просто осенний лес, снег изредка прилетал сверху, но на земле почти не оставался, сразу ощутимо потеплело. Ещё бы ветер утих, но это, увы, мечта несбыточная.

— Подходим, — объявил Фёдор, — на окраине дров нарубите, пригодятся.

Тут он замолчал, оглядываясь вокруг. Что он вообще может видеть в такой темноте?

— Сзади смотрите в оба, они рядом.

Я крепче сжал в руках ружьё, хотелось зажечь фонарик, но я помнил про запрет. В темноте мерещились какие-то силуэты, но разобрать что-то не получалось. Тут ещё ветер задул с новой силой, а в небе сверкнула молния. Я бы, конечно, удивился молнии среди

зимы, но удивляться было некогда, поскольку вспышка на доли секунды осветила всё вокруг, этого было достаточно, чтобы увидеть огромную чёрную тварь на расстоянии трёх метров. Издали можно спутать с человеком, но весь чёрный, руки длинные, а пасть с клыками. И ещё губа верхняя вывернута, чтобы эти клыки демонстрировать, как у павиана.

Выстрелили мы одновременно, вспышка снова осветила тварь, и я убедился, что прицел взял правильно. В темноте раздался визг, а тварь откатилась назад.

— Хорошо попали, — сказал Фёдор, даже не соизволив обернуться. — Теперь отстанет. Мне бы его уверенность.

— Всё, пришли, — сказал он ещё через полчаса. — Упырей не бойтесь, они в города не любят заходить. Дров заготовьте, а потом займите дом побольше. Мне вам больше нечем помочь, пойду дальше, тут у меня дел нет.

— Пстой, — остановил его Женя, который выдохся больше всех и едва стоял на ногах. — Где барыгу искать?

— Ближе к центру, там, в ратуше или в храме, увидите, у него обычно свет горит.

— А рассвет тут бывает? — спросил я напоследок, — или всегда темно?

— Бывает, но не скажу, когда, тут вообще времени нет, только ощущение, иногда день трое суток длится, иногда ночь на неделю, а бывает и по два часа то и другое. Не угадаешь.

— Ясно, — я вздохнул. — Спасибо тебе, дальше мы сами.

Собственно, определить, где тут центр, было затруднительно, поскольку вокруг стояла почти полная темнота. Впереди, вроде бы, вырисовывались контуры каких-то зданий. Фёдор исчез в темноте, а мы занялись заготовкой дров, для чего включили фонарики. Получилось свалить несколько больших стволов, которые потащили с собой, чтобы распилить на месте.

Свет помог сориентироваться на месте, да, в самом деле, город. Небольшой европейский городок, примерно середины девятнадцатого века. Двух и трёхэтажные дома из камня и красного кирпича, булыжная мостовая и дощатые тротуары, какие-то узкие каналы с перекинутыми через них мостиками.

— Ищите дом побольше, — сказал я, сгибаясь под тяжестью ствола дерева, сучья для удобства обрубали, но и так оно весило раза в два больше, чем я. Зато хватит надолго.

Дом нашёлся ближе к центру, когда мы прошли уже несколько кварталов, город пугал своими безжизненными улицами, тёмными домами, гнетущей тишиной. Выбранный нами дом явно принадлежал не простому горожанину, какой-то купец, или аристократ, или даже сам градоначальник. Трёхэтажное здание с фасадом, отделанным лепниной. На дверях из дуба висела табличка, но прочитать её мы не смогли, язык совершенно незнаком. Но это уже неважно.

Внутри было тихо, но жилым не пахло, отчего-то стало ещё холоднее, какие-то странности с климатом, да и не только с климатом. Быстрый обыск дал большое помещение с камином. Камин был устроен своеобразно, с одной стороны было подобие гостиной, просторный зал с большим столом и креслами, а с другой стороны была кухня, где огонь использовали для приготовления пищи. Но нам, опять же, на это было наплевать, есть печь, есть дымоход, а нам нужно согреться.

Дрова пилили снаружи, а в камин клали готовые чурки. Для растопки был небольшой запас сухих поленьев, что лежал рядом с камином. Для надёжности плеснули полстакана бензина из канистры, но загорелось бы и без него. Минут через двадцать весь коллектив собрался у камина, пытаясь согреться и обсушиться, появился уют и чувство защищённости, снаружи продолжала бушевать буря, а внутри было тепло и безопасно. Осталось только

найти еду.

Вода у нас была, натопили снега заранее и разлили по пластиковым полторашкам, одну такую сейчас достал из рюкзака Женя и запил таблетку.

— У кого какие мысли? — спросил я, присаживаясь на свободное кресло.

— Хочу проснуться, — честно заявил Лёха.

— Не, я уже смирился с новой реальностью, — возразил Женя, который откинулся в кресле и закрыл глаза. — Трип не бывает таким долгим, стало быть, всё это настоящее.

Образец здравомыслия. Тут одна из женщин начала плакать, уткнувшись в плечо своего мужчины, тот пытался успокаивать, но помогало слабо. Откровенно говоря, реакция была нормальной, я и сам был не прочь психануть.

— Я думаю, надо искать выход, — тихо проговорила мамочка, дети после путешествия устали так, что просто рухнули, пришлось найти им кровати, поставить у задней стены и положить спать. — Этот человек, Фёдор, он ведь говорил, что можно вернуться.

— Говорил, — согласился я, — но без особой уверенности. Выбраться мы попытаемся, но есть более неотложные проблемы. Например, еда. Предлагаю сперва обыскать дом.

— Мысль дельная, — Женя внезапно вскочил, излучая бодрость, глаза были мутные, но он прямо брызгал энергией. — Начнём с кухни.

В самом деле, обыск на кухне дал не только еду, но и средства для её приготовления. Овощи не испортились, но выглядели странно, вроде высохли, но при этом на вкус были приемлемыми. Зато нашёлся большой свиной окорок, тоже слегка подсохший, но годный в пищу. И связка колбас, которые готовить было не нужно, а потому каждый отломил себе по куску. Ещё нашлось полбочонка солёной рыбы.

Пока все грабили пищевые запасы, я отправился дальше, как знать, может быть, в доме найдётся ещё что-то полезное, например, оружие. Впрочем, судя по архитектуре, тут я найду только кремнёвый мушкет или шпагу.

На втором этаже нашлась хозяйская спальня и кабинет. Тут же, вооружившись топором, я начал вскрывать ящики стола. Часть была открыта, там хранились бумаги, написанные на непонятном языке, нашёлся письменный прибор, перья, чернильница, причем, перья стальные, что внушает надежду. А деньги здесь какие? Золотые соверены? Пригодятся, чтобы к барыге идти.

Но денег не нашлось, зато я отыскал керосиновую лампу, в которой был керосин, получилось зажечь и получить источник света, сберегая аккумулятор телефона. Когда остался только самый нижний ящик, я открывал его уже без особой надежды. Вставил острие топора в щель, надавил, дерево затрещало, а потом наружная крышка выпала на пол. Что у нас там?

Внутри оказалась плоская шкатулка, вроде то, где хранят шахматы, разве что побольше размером и потяжелее. На ней тоже имелся замочек, но настолько маленький и хрупкий, что я смог оторвать его пальцами. Поднёс лампу поближе, стараясь рассмотреть доставшееся богатство. Какие-нибудь фамильные драгоценности? Судя по весу, в коробке металлические предметы.

Рассмотрев находку, я слегка растерялся. Нет, драгоценностями там и не пахло, но находка, безусловно, полезная. Револьвер. Старого образца, детище дедушки Кольта. Такими во время Гражданской войны в США воевали. Я взял оружие в руку и прикинул вес. Тяжёлый. Тяжесть — это хорошо, тяжесть — это надёжность, как говорил один герой фильма. Но тяжесть мне пока не в помощь, в драке с монстрами проще топор использовать.

Патроны где?

В ящике стола больше ничего не было, зато в коробке лежали несколько металлических предметов непонятного назначения и небольшая коробка из толстого картона. Открыв её, я не обнаружил патронов, а только тёмный порошок, который, судя по запаху, был порохом. Так, что из этого следует?

Вывод был только один, осмотр револьвера это подтвердил. Это очень старое оружие, настолько, что не предусматривало унитарный патрон. Тут придётся заряжать отдельно. Порох у меня есть, полная пачка и ещё в медной пороховнице запас. Пули нашлись тут же, завёрнутые в бархатный мешочек. А капсюли были в странной штуке, вроде деревянного желоба, откуда их можно выдавливать по одному и нанизывать на шпильки.

Подумав, что места тут опасные, а значит, оружие лишним не будет, я принялся заряжать. Хорошо, что любил смотреть разное познавательное видео в ютубе. Там и про древнее оружие ролики были. Сюда, значит, сыпать порох, потом вот так вставлять пули, потом рычагом вдавливать их внутрь, а сзади навешивать капсюли. Минут через десять с зарядкой было покончено, а я достал баночку с подобием солидола, которым замазал заряды спереди. Теперь порох не отсыреет.

Револьвер я убрал за ремень сзади и прикрыл курткой. Ещё шесть выстрелов с относительно быстрой перезарядкой. Да и калибр приличный, сорок четвёртый или сорок пятый, монстру точно не понравится. А все принадлежности убрал себе в рюкзак.

Когда я вышел из кабинета, оказалось, что обыском никто больше не занимается. Нашлось более приятное занятие, на огне уже весело булькал котелок с супом, а люди, рассевшись по креслам, попивают свежесваренный кофе, запас которого нашли в шкафу, а кое-кто даже откупорил бутылку спиртного, напоминающего запахом ром. Так, проблема голода решена, но обыск нужно продолжать.

Единственным, кто составил мне компанию, оказался Женя, которого после приёма препарата так плющило, что на месте он усидеть не мог. С ним и отправились на дельнейшее мародёрство.

— Слушай, Евгений, — спросил я, — если бы ты был хозяином дома, где бы хранил деньги?

Он невольно хихикнул, но тут же выдал ответ:

— В кабинете, за картиной, сейф в стене, а ключ носил бы на шее.

Мысль показалась мне дельной, я тут же вернулся в кабинет и кинулся к стене, где висели две картины, изображавшие молодых женщин. Увы, ни за одной не оказалось сейфа. Потом ещё шкаф отодвинули, едва не уронив его, но и там никакого хранилища не оказалось.

— Есть ещё мысли? — спросил я, прикидывая степень адекватности помощника, тот на глазах выпадал из реальности.

— Спальня, — тут же выдал он. — Если не деньги, то драгоценности хранятся там. Графиня встала утром, сходила посс... короче, потом начала прихорашиваться и надевать драгоценности, сам понимаешь, они должны быть рядом.

Язык его заплетался, но мозг выдавал здравые мысли, пришлось взять лампу и переместиться в спальню. Кое-что полезное нашли сразу, например, на туалетном столике лежала опасная бритва с позолоченной рукояткой, а ещё основательно высохший кусок мыла и помазок. Возможно, пригодится, лучше прибрать. Бритва ещё и для убийства годна, Остап Бендер не даст соврать. Потом ещё снял с гвоздя широкий ремень, на котором эту бритву правили.

Тут нас ждала удача, небольшой тайник был встроен в изголовье, там отыскивались драгоценности, несколько колец, в том числе массивная печатка с гербом, несколько нитей жемчуга, кольцо с изумрудами, цепочка с каким-то кулоном, наконец, там же хранились золотые часы, которые, правда, давно остановились.

— Толкнём барыге, — деловито заявил Женя, потирая руки. — Тут золота баксов на тысячу, а то и на полторы. А если поторговаться...

— Боюсь, баксы здесь не в ходу, — я вздохнул. — И вообще, стоило деньги поискать.

Деньги мы нашли, но было их немного. В одном из пиджаков лежал кошелек, а уже в нём нашлись шесть золотых монет с гербом в виде летящей чайки со змеей в лапах, восемь серебряных, без герба, а ещё пачку ассигнаций, который я тоже решил взять с собой. В глаза бросился тот факт, что надписи на монетах и купюрах были не на непонятном языке, а на обычной латинице, мы даже прочитали пару слов.

— Типа латыни что-то, — пробормотал Женя, но каких-либо подробностей я от него не добился.

Потом мы отправились на третий этаж. Тут была небольшая оранжерея, но нас интересовали не подсохшие растения, а большой бак с водой для полива, если придётся тут застрять, от жажды не умрём. Вода не самая чистая, но профильтровать и прокипятить труда не составит. Женя, впрочем, осмотрел и растения, но ничего полезного для себя не нашёл.

Вторую половину занимало подобие музея, экспонаты, впрочем, несли мало пользы. Какие-то старинные костюмы, модели кораблей, карты и бумаги на непонятном языке. А ещё имелись охотничьи трофеи, стены украшали головы оленей, косуль, каких-то антилоп, даже носорога, что характерно, шерстистого, который в нашем мире вымер ещё в доисторические времена. Мне в голову пришла мысль.

— Женя! — позвал я, но ответом была тишина.

Обернувшись, я увидел, что мой напарник окончательно выпал в астрал, присев под чучелом дикого кабана. Кабан, кстати, тоже был необычный, точнее, выглядел он обычно, но размером совсем немного уступал моему джипу. Я присел рядом и начал его тормошить.

— Женя, Женя, приём, вернись в реал.

— Это не я, — пробормотал он едва слышно. — Подбросили, понятия ничего не видели, это всё...

— Прекрати! — крикнул я так, что, наверное, внизу услышали.

Он открыл один глаз.

— Женя, смотри, видишь головы зверей.

— Я их не только вижу, они со мной разговаривают, — без тени иронии сообщил он.

— Спроси у них, как они умерли, и где то оружие, которым их убили?

— Ну, такое... — он покрутил пальцем в воздухе, стимулируя сильно угнетённый мыслительный процесс. — Длинная дура, ружьё для охоты на слонов. Отдачей стрелка сносит до северного побережья Африки.

— Давай, думай, где оно хранится? Раньше у тебя получалось.

— Сейф, или чехол. Футляр, вроде как от скрипки, большой скрипки.

— Ясно, отдыхай.

Я отправился на поиски. Ружьё, как ни странно, нашёл в шкафу, среди костюмов для охоты. Женю следовало проверить на ясновидение, поскольку это в самом деле оказалась огромная дура с двумя стволами и прикладом странной формы. Калибр я сперва условно определил, как двенадцатый, просто потому, что раньше не видел большего. Потом

приставил ствол своего дробовика и увидел разницу. Почти в полтора раза. Калибр артиллерии, а не охотничьего ружья. А патроны есть или тоже... Есть, рядом висел патронташ, но там было только пять патронов с латунными гильзами и, кажется, заряженные пулей.

Растолкав Женю, я поднял его и потащил вниз. Теперь надо было рассчитать порядок дальнейших действий.

Глава четвёртая

Часть группы уже заснула, кто-то спал, сидя в кресле, кто-то притащил одеяло и расстелил на полу. Трое сидели у камина и негромко беседовали. Бутылка рома давно опустела, но следующую никто не открывал, поэтому пьяных не было. Правильно, не то место, где можно напиться.

— Это где же вы такую дуру откопали? — спросил дядя Паша, кивая на ружьё.

— Хозяин охоту любил, — сообщил я, — патронов только мало, но всё сгодится.

— Чего делать будем? — спросил мужик в тубетейке, которого, как я слышал, звали Сергеем.

— Я сейчас пойду барыгу искать, попробую поторговать и получить информацию, вернусь, расскажу. Глядишь, подскажет, как выбраться.

— А чем торговать собрался? — спросил дядя Паша.

— Там, наверху, кошелёк нашли, в нём было рублей несколько, глядишь, примет.

— Добро, — кивнул старик. — Вернись с победой.

Я подхватил ружьё и собрался на выход, но меня остановил Лёха.

— Может, с тобой пойти?

— Ну, если желание есть, я вообще хотел... — Женя притулился на корточках у камина и спокойно спал. — Женя, ты идти сможешь?

— Даже бежать, — отозвался он, не открывая глаз. — Но недолго.

— Ясно, поднимай свой зад, идём к торговцу.

Он, как ни странно, поднялся быстро, судя по глазам, разум его пребывал где-то в другом месте, но тело худо-бедно работало, а язык мог задавать правильные вопросы. Вот уж правда, в сумасшедшем мире он как дома.

Дядя Паша предложил вооружить моего напарника, но я отнёсся к этому отрицательно. Большую двустволку он точно не потянет, она тяжёлая, а отдачей снесёт даже меня, не говоря про тощего Евгения. Да и одностволку старика брать не стал, не очень уютно будет, когда рядом находится полностью невменяемый персонаж с огнестрелом в руках. Чего доброго, в спину мне пальнёт. Вместо этого я достал мачете, сунул ему в руки и пригрозил физической расправой в случае утери. Так надёжнее будет. А огромное ружьё я вручил старику и попросил к нашему приходу сделать обрез. Точнее, это будет полуобрез, стволы следует укоротить почти вдвое, а приклад оставить прежним. Получится ручная картечница.

Мы вышли на улицу, после тёплой гостиной и горячего кофе уличный холод показался ещё отвратительнее, ветер буквально валил с ног, а ещё, как мне показалось, начинался мелкий дождь.

Лампу мы оставили в доме, пришлось снова воспользоваться фонариками телефонов, аккумулятор показывал сорок процентов заряда, пока терпимо, но надолго не хватит. Есть в запасе пара хороших фонарей, но их решили приберечь.

Шли долго, улицы тут были проложены как попало, пришлось несколько раз свернуть, едва не заблудились. Ага, это, судя по вывескам магазинов, центр. А есть что-то, что

достойно внимания мародёра? Ладно, на обратном пути зайдём. Оружейного не вижу, всё больше шмотки и вино, вон там, вроде бы, булочная. Интересно, а что с хлебом? Ага, двери выломаны, видимо, тут уже побывали. Ладно, всё равно потом заглянем.

Фёдор оказался прав, в ратуше горел свет. Не электрический, само собой, а что-то, вроде костра или факела. Я подошёл к высокой двустворчатой двери и постучал.

— Войдите, — раздался с той стороны старческий голос.

Я толкнул дверь, после чего мы вошли в просторное помещение. Когда-то тут находилась приёмная местного градоначальника, но теперь многочисленные лавочки были разломаны, а из мебели остался только большой стол, за которым сидел невзрачный старичок в белой рубахе и вязаном шерстяном жилете. Волосы его были абсолютно белыми, а на крючковатом носу он держал пенсне. В углу, в качестве отопления и источника света, горел большой костёр в металлической чаше, дым вытягивало куда-то под потолок, а дровами служили обломки мебели.

— Проходите, молодые люди, — он сделал невнятный жест рукой. — Присаживайтесь, если найдёте на что, а потом изложите, в чём ваше ко мне дело. Вы ведь не просто так пришли? Хотите что-то купить или продать? Сразу говорю, автоматического оружия нет, патронов мало, и стоят они дорого. Волшебными амулетами не торгую вообще. Зато есть алхимические зелья.

— Вообще-то, нам больше нужна информация, — признался я. — Мы недавно в... буре, ещё много не знаем.

— Неопытность — не порок, — сообщил он, — но иногда может сыграть против вас. Думаю, стоит совместить приятное с ещё более приятным. Давайте ваш товар, а я попутно вам что-нибудь расскажу.

Я слегка растерялся, вообще-то, я не собирался ничего продавать, да и товара никакого нет, если только топор отдать задёшево.

— А вы какие деньги принимаете? — спросил я.

— Разные, но предпочитаю те, что из драгоценных металлов, — он улыбнулся, продемонстрировав идеальные зубы, которые я, с учётом его возраста, предпочёл считать искусственными.

— А что с ассигнациями? — я показал ему купюру достоинством в пятьдесят единиц.

— Не лучший вариант, — его сморщенная физиономия сморщилась ещё сильнее. — Могу принять, но по невысокому курсу, один к трём относительно серебра.

Я, собственно, готов был отдать их даже один к пяти и один к десяти, для нас это ведь просто бумага, которая даже в качестве туалетной подходит плохо.

— Но обменивать на металл не стану, покупайте что-нибудь.

— А что есть? — спросил я, оглядывая пустой стол.

— Ну, например, — он выудил из-под стола небольшой пузырёк, наполненный жидкостью странного фиолетового цвета. — Зелье лёгкой поступи. Достаточно пары глотков, и ваши шаги станут неслышными примерно на два часа. Отлично подходит для действий в темноте и охоты на слепых тварей. Один недостаток: вкус отвратительный.

— А как я в темноте буду действовать, не видно же нифига? — спросил Женя, у него от уличного холода вернулось здравомыслие.

— А для этого есть второе зелье, — он поставил новый пузырёк, чуть меньше, но уже с жёлтой жидкостью. — Зелье ночного видения. Замечу, сделано алхимиком Варрой, улучшенная формула. Вы спросите в чём преимущество? А в том, отвечу я вам, что зелье

имеет обратный эффект. Предыдущие подобные зелья имели большой недостаток, человек мог напиться его, потом двигаться в темноте, но стоит перед ним зажечь спичку, как он тут же становился слепым, иногда даже безвозвратно. Здесь ничего подобного нет, только пара зайчиков в глазах, на свету зелье прекращает действовать. Рекомендую.

— И сколько стоит? — спросил я, держа в руках деньги.

— Вот столько, — он дотянулся и выдернул из пачки бумажек три по сотне и одну на пятьдесят. Это была почти треть запаса бумажных денег.

— А не многовато? — спросил я, убирая пузырёк в карман.

— Пусть вас утешит тот факт, что концентрация велика, зелья хватит примерно на шесть приёмов, делите соответственно.

— Вы хотели поделиться информацией, — напомнил я.

— Да, конечно, а в процессе могу показать вам товар.

— Если можно, оружие, — попросил я. — А вопрос у нас один: как выбраться из бури, если попали мы сюда чуть больше суток назад?

— А вы именно в свой мир хотите? — уточнил он, выкладывая на прилавок шпагу с красивым эфесом. — За остаток ваших денег отдам,

Он указал на купюры в моей руке.

— Нам бы огнестрельное, — попросил я, — так что там с выходом?

— Вариант есть, — сказал он, но менять шпагу на пистолет не спешил. — Правда, не хотите? Металл покрыт серебром, что практически идеально против большинства монстров, а ещё на клинке есть руны, которые при каждом ранении накладывают чары боли и слабости. Действует больше на людей, но и монстрам несладко.

— Спасибо, не нужно.

— Хорошо, — он убрал шпагу, выложив вместо неё точно такой же капсюльный револьвер, что я носил за поясом, разве что, более изношенный. — Способ есть, но опасный и ненадёжный. Вы готовы к такому?

— А безопасный и надёжный есть?

— Увы, за всё нужно платить. Так что, револьвер интересует?

— У меня такой есть, а вот порох, пули и капсюли с удовольствием куплю.

Он уточнил калибр и начал выкладывать на прилавок всё перечисленное. Запас теперь был очень внушительный, правда, порох был только дымный, но для такого оружия это даже хорошо.

— Очень ценю эту рачительность, — сказал он, выдёргивая из моей пачки ещё двести пятьдесят местных тугриков. — Многие страдают расточительством, а потому покупают готовые патроны, а это очень разорительно.

— Если есть готовые патроны к гладкоствольному ружью... — я задумался, — четвёртого калибра, то дайте, пожалуйста.

— Есть, — сказал он, — но всего пять и дорого, по сотне бумажными за каждый.

Я вздохнул и отдал последние банкноты. На столе встали в ряд пять бумажных гильз того самого огромного калибра, только заряженные картечью.

— Отдача от них невелика, поскольку пороховой заряд уменьшен, но и дальность снижена.

Я подумал, что для обреза это даже лучше, а он продолжал:

— Что же до вашей проблемы, то тут совет один. Сегодня ровно в полночь произойдёт одно погодное явление. Называют его по-разному, но, в целом, это гигантское завихрение

воздуха. Меня к тому времени тут уже не будет, но вы можете воспользоваться.

— Что при этом произойдёт?

— Один ветер встретится с другим ветром, получится гигантский вихрь, на улицу выходить можно будет, только обвязавшись верёвкой. Так вот, в результате вихря возникают статические разряды, проще говоря, бьют молнии. Здесь, в городе, есть единый громоотвод, если посмотрите на это здание снаружи, то увидите его шпиль. Кстати, забыл предложить, четыре пули к вашему револьверу.

— У меня хватает, — напомнил я.

— У вас хватает свинца, а некоторые твари убиваются исключительно серебром. Поверьте, ночью они вам пригодятся.

— Сколько? — спросил я, готовясь расстаться с последними деньгами.

Цена, хоть и была высока, оказалась приемлемой, но монеты тоже подходили к концу.

— Так вот, — он пересчитал полученные монеты, потом убрал их в карман жилета. — Статическое электричество делает пробой в ткани мироздания... непонятно? Ну, в этот момент откроются двери в ваш мир, который ещё не разошёлся с бурей.

— Здесь? — я указал на пол.

— Да именно здесь, так уж устроен громоотвод. Но помните, именно в этот момент в город стягиваются кучи тварей, самых отвратительных и кровожадных. Этот эффект иногда используют охотники, но не всегда удачно, иногда сами становятся дичью.

— Ясно, спасибо за информацию, — у меня потеплело на душе, оставалось надеяться, что он не врёт.

— Это не вся информация, — сказал он, — могу сообщить что-то ещё, если продолжите покупки.

— Боюсь, у нас денег мало, — я показал несколько монет на ладони. — Драгоценности возьмёте?

— Разумеется, — он ухватил кольцо с печаткой, потом подбросил в руке, определяя вес. — Отлично, хорошая проба и ещё небольшой магический след. Когда-то служил удостоверением личности. За магию не доплачу, поскольку сам ничего не понимаю. Отнесу специалисту. Взамен могу дать пузырёк универсального противоядия.

На стол легла пробирка с чёрной жидкостью.

— От чего помогает? — спросил Женья.

— От любых природных ядов, — уверенно заявил он.

— А яд лесного упыря?

— Легко, хватит половины порции, он спасает даже от яда рыжей мантикоры, что водится в огненной пустыне Рабак. Правда, там ещё нужно успеть выпить, яд действует через пару секунд.

— Берём, что ещё?

— Кольчужная куртка на запахе, — он выложил на стол доспех. — Наложено заклятие, она не звенит при движениях, обновлять нужно не раньше, чем через три года. Защищает от когтей, зубов и холодного оружия, материал — посеребрённая сталь, что очень не нравится тварям.

С одной стороны, хотелось послать его подальше, но нам по-прежнему нужна информация, а выложит он её по мере новых покупок, кроме того, эти драгоценности достались даром, так же и уйдут, а ночью, возможно, нам предстоит драка. Хорошо ещё, размер был большим, на меня, хоть и с трудом, налезла. Надел под куртку, чтобы не мешала.

— Так вот, — продолжил он. — В полночь будет ещё и атака тех самых тварей на место пробы. Они очень хотят в ваш мир, не знаю, зачем, их потом всё равно выкидывает обратно, но, поверьте, ваш переход безопасным не будет. Что-то ещё?

Мы купили ещё одно лечебное зелье, которое, по характеристикам, останавливает кровотечения, потом отдали последнюю драгоценность за две пары очков, вот уж действительно товар нужный. Имеются в виду очки-консервы, что носили лётчики и мотоциклисты, теперь при сильном ветре не будут слезиться глаза.

Тут окончательно пришёл в себя Женя, мозг его включился, и туда немедленно пришла гениальная мысль.

— Могу предложить свою алхимию, — он положил на стол жёлтую капсулу. — Пилюля, вызывает ощущение счастья, прилив сил и бодрости и притупляет чувство боли. Стоит... два серебряных... как вы их называли?

— Данаг, — напомнил он. — Основная валюта — серебряный данаг, а золотые роллы — это для дорогого товара.

— Так вот, два данага за пилюлю.

— Первая бесплатно, я должен проверить действие.

— Хорошо, — не стал спорить Женя. — А как вы проверять...

Договорить он не успел, торговец уже отправил капсулу в рот и проглотил. Потом он зажмурился и принялся о чём-то думать.

— Порвёт старика, — угрюмо сказал Женя.

Но старик очнулся уже секунд через двадцать, никакого наркотического опьянения не было заметно.

— Да, они стоят этих денег, по два данага за пилюлю, стало быть, за двадцать пять пилюль даю золотой ролл.

Тут я услышал самый тяжёлый вздох в моей жизни. Женя вынул из рюкзака пакет и начал отсчитывать капсулы, что лежали там россыпью, с каждой у него едва слеза не падала, но отсчитал целых две сотни, взяв восемь роллов.

— Что-то ещё можете сказать о ночном вихре? — уточнил я.

— Только то, что уже сказал.

— Давайте сверим часы, — предложил я.

Сверили, оказалось, что по местному времени сейчас восемь часов вечера. На всякий случай я завёл золотые часы, которые так и не отдал торговцу.

Попрощавшись с ним, мы вышли на улицу. Картина ясная, часа за полтора до начала мы сходимся в ратуше, готовимся к обороне, а потом ждём. Как только открывается окно, прыгаем туда, последние прикрывают остальных, а потом прыгают сами. А потом? А потом это всё забудется, как страшный сон.

— Ты запомнил, как назад идти? — спросил я Женю, когда мы вышли на улицу, снова налетел ураганный ветер и, кажется, стало холоднее.

— Я ещё кое-что запомнил, — сказал он, указывая куда-то в конец улицы. — Там дом неразграбленный.

— И зачем он нам?

— Видишь ли, если я правильно понял вывеску, это дом местного лепилы.

— И?

— Там есть кое-что... — он вздохнул. — Ну, там, инструменты, перевязочный материал и всё такое.

— И обезболивающие средства, — добавил я.

— Ну, да, видишь ли, я вообще-то партию вёз, а мне потом голову снимут за таблетки.

— Ладно, пошли, только быстро.

Вывеска была своеобразной, надо обладать очень развитым воображением, чтобы определить, что это именно дом врача. Но, когда мы, выломав замок с помощью топора, оказались внутри, в нос ударил осязаемый запах карболки. Точно, медициной здесь занимались.

— А как ты собрался лекарства определять? — поинтересовался я. — Там ведь язык непонятный.

— Если ты заметил, — он сунул мне под нос монету. — Тут в ходу, кроме местного наречия, ещё и латиница.

— И?

— Если есть латиница, то есть и латынь, а на латыни принято писать название лекарств.

Тут бы я поспорил, традиции могут сильно различаться в разных мирах.

— А ты заметил, что барыга с нами на русском говорил?

— Это да, но, подозреваю, барыги тут полиглоты, они с каждым клиентом на его языке говорят, будь он хоть русский, хоть папуас с Новой Гвинеи.

Так, за разговорами, мы прошли в кабинет местного врача. Тут нашёлся и шкаф с лекарствами. Часть лежала просто так, на столе и в многочисленных ящиках, но основное было закрыто на замочек. Повезло нам, что настоящие стальные сейфы тут не в ходу, ворами раздолье. Замочек удалось отломать одним ударом обуха. Женя немедленно зарылся в шкаф по пояс.

— Так, слабительное и рвотное, а это что? Ага, спирт. Держи.

Я забрал у него стеклянную бутылку литра на два.

— Смотри! — он просиял и показал мне склянку, на две трети заполненную порошком непонятного цвета. — Читай, что там написано?

— Morphine sulfate — прочитал я. — Это латынь?

— Да неважно, морфин употребляют в виде двухпроцентного раствора, прикинь, сколько тут доз.

Мне очень сильно захотелось его пристукнуть. Тут он снова полез в шкаф. Минуты через две послышался новый восторженный вопль. В руках у него оказался пакет из плотной бумаги с каким-то порошкообразным содержимым.

— Я миллионер, — заявил он. — Если не убьют, конечно, тут товара на... короче, кокаин у нас — один из самых дорогих препаратов.

— Идём уже, — предложил я.

— Сейчас, — он произвёл окончательный обыск, разжившись ещё двумя бутылками сиропа от кашля с ингредиентами такого свойства, что парой ложек слона свалить можно, потом ещё выудил пузырёк граммов на двести с какой-то настойкой. — Всё, можем валить.

— Вижу, ты в лекарствах разбираешься, — признал я.

— Так я на фармацевта учился, — сообщил он, — не доучился немного, закрыли меня. Потом выпустили, но остался без диплома.

— Ясно всё с тобой, идём дальше.

Глава пятая

— Ну, узнали чего? — встретил нас у входа дядя Паша, который сейчас старательно

пилил ножовкой по металлу стволы огромного ружья. Сталь попалась крепкая, работа продвигалась с трудом.

— Узнали, — я присел на стул у входа, видимо, предназначенный для переобувания хозяев. — Если всё пойдёт правильно, ночью мы попадём обратно.

— Это точно? — из двери гостиной тут же высунулась мамочка. — Вы точно узнали?

— Точного ничего быть не может, — тут же заявил Женя. — Барыга местный так объяснил, мол, в полночь приходите на сеновал... ну, то есть, в ратушу. Там будет... А что там будет?

Он повернулся ко мне.

— Должен открыться портал, не уверен только, — объяснил я.

— Так идёмте скорее, — тут же засобиралась мамочка. — Я сейчас детей подниму.

— Вообще-то, всё случится в полночь, а сейчас пока... — я вынул золотую луковицу и открыл крышку. — Без пяти девять. Успеем, можно не торопиться.

— А ты не забыл, — Женя выдернул зубами пробку из бутылки с сиропом от кашля, сделал глоток, потом продолжил: — что в момент открытия портала будут происходить всякие нехорошие вещи?

— Да, это важно, — сказал я. — Торговец объяснил, что там будут происходить атмосферные аномалии, будут бить молнии, а ещё соберутся твари со всей округи.

— Исходя из этого, — продолжил Женя, — следует пойти туда уже сейчас, а уже там дожидаться прихода... прихода тварей. Держать их проще, когда мы в доме, на улице нас сожрут.

— Именно так, — подтвердил я. — Поэтому собирайтесь и валим в ратушу. Возможно, торговец ещё там...

— Тихо, — перебил меня дядя Паша. — Слышите?

Я замолчал и прислушался, где-то слышался скрежет, или не скрежет. Такой звук получается, если ножом царапать камень.

— Мы готовы, — заявила мамочка, выходя в прихожую, в каждой руке она держала по ребёнку.

Видимо, она сказала это слишком громко, настолько, что притаившаяся в темноте тварь моментально отреагировала на её слова. А может, просто увидела подходящую добычу. Тощая тварь серого цвета с шипением спрыгнула с потолка и, ухватив младшего мальчика за куртку, потащила его в коридор.

Пацан немедленно разразился визгом, достойным корабельной сирены. Рядом так же бодро голосила мама, которая, к счастью, смогла удержать руку ребёнка, а потому тварь, несмотря на всю свою немалую силу, не смогла утащить двойной груз. Я вскинул ружьё, но стрелять не стал, мог зацепить своих. Примерно так же подумал дядя Паша, бросившись наперерез твари, он выстрелил прямо в упор, тварь противно взвизгнула, но добычу не выпустила.

Ситуацию, как ни странно, спас Женя, который подскочил сбоку и с размаху опустил мачете не лапу твари, сил у него было немного, поэтому отрубить сразу не получилось, он ударил ещё раз, потом ещё, наконец, тварь, оставшись без лапы, которая так и осталась на воротнике мальчика, попыталась уползти в тёмный коридор. Но тут я, обнаружив, что препятствий больше нет, вскинул ружьё и выстрелил. В стволе была пуля, которая разворотила живот твари, следом добавил в голову, разметав её в клочья. Тело монстра ещё некоторое время извивалось на полу, потом окончательно затихло.

— Дайте свет, — приказал я.

В коридор внесли керосиновую лампу, а потом ещё два приличных фонаря. Появилась возможность осмотреть место происшествия. Тварь оставалась на месте, без головы трудно куда-то сбежать. Мамочка прижимала сына к груди и плакала навзрыд, мальчик, видимо, пребывал в шоке, а потому молчал и широко раскрытыми глазами смотрел на мать. Насколько я понял, ребёнок физически не пострадал, его спасла тёплая куртка, теперь превратившаяся в лохмотья.

— Евгений, — позвал я, — осмотри существо и выскажись, как доктор.

— Я фармацевт, — слабым голосом отозвался он, пытаясь восстановить дыхание после нагрузок. — Но посмотреть могу.

Он подошел к убитому монстру и, слегка попинав тело ногой, сделал выводы и начал говорить:

— Тварь небольшого роста, весит около сорока килограммов, устройство тела напоминает обезьяну, полностью лишённую шерсти. В пользу того, что это всё-таки не обезьяна, говорит тот факт, что на передних лапах имеются когти, когти, что характерно, аналогичны кошачьим, имеют подушечки и при желании могут втягиваться. Также интересно строение головы, череп... то, что от него осталось, на обезьяний не похож ни разу, скорее, тварь можно отнести к псовым, но... короче, на земле таких существ нет и никогда не было. Сейчас эта тварь сдохла, и хер бы с ней, как я понял, пацана не поранило?

Мамочка стала тут же осматривать ребёнка на предмет повреждений, но оказалось, что всё в порядке, повреждения ограничились одеждой. Это если говорить про тело. Психика его пострадала в полной мере, да чего там, второй ребёнок, тот, что на пару лет старше, тоже спрятался за маму и тихонько плакал, размазывая слёзы по лицу. Сам пострадавший, собравшись в комок, не реагировал ни на что.

— Плохо, — прокомментировал Женя. — Это шок, может навредить во время побега. Вот что, дайте ему вот этой дряни, половину чайной ложки. Просто в рот влейте. Он либо е себя придёт и сможет идти, либо заснёт, тогда мы его потащим.

Он вынул из куртки тот самый сироп.

— Сдурел? — спросил я. — Это же ребёнок.

— От такой порции он точно не умрёт, зато не сойдёт с ума и не выкинет ничего во время бегства.

— Это точно безопасно? — спросила мамочка, с опаской поглядывая на недоучившегося фармацевта.

— Ну, если честно, бывает индивидуальная непереносимость компонент препарата, аллергия на что-то, но чаще всего, проходит хорошо.

В итоге нашли чайную ложку, налили туда несколько капель отравы, после чего, с трудом разжав зубы, влили ребёнку в рот. Пацан, вопреки моим ожиданиям, довольно быстро ожил. Он по-прежнему молчал, но с лица исчезла трупная бледность, а ещё он теперь мог подчиняться командам матери. Уже хорошо, идти сможет, а лечиться будет уже в нашем мире, там для этого условия есть.

Пока спасали мальчика, остальные уже подтянулись, взвалили на плечи мешки и приготовились выходить. Дядя Паша протянул мне отпиленный огрызок ружья. В таком виде ружьё было менее грозным, но отдача всё равно должна быть чудовищной.

Я окинул взглядом отряд. Кого вооружить? Потом, вопреки прежним планам, протянул ружьё Жене. Тут резона два: во-первых, последней линией обороны будем именно мы с ним,

будем отбивать врагов, пока остальные не пройдут в наш мир, я — потому как самый здоровый и хорошо вооружённый, а Женя... что греха таить, человек пропащий, его не жалко. Так и так через пару лет загноётся от передоза. Кроме того, за всё время приключений здесь, Женя зарекомендовал себя, как человек дельный, ни разу не растерялся, не испугался, всегда давал полезные советы. Ещё дядя Паша поможет, но у него оружие есть.

— Владей, — сказал я. — Заряди картечью.

Он переломил стволы, заглянул внутрь, потом просунул туда два патрона, купленных у барыги. Подошли идеально, с калибром я угадал. Всё, можно идти.

На улице нас встретил совсем уж ураганный ветер, который к тому же постоянно менял направление. Меня швырнуло влево, потом вправо, потом слегка приподняло над землёй и едва не размазало по брусчатке. Пришлось остановиться и вернуться назад, благо, отыскалась верёвка, которой смогли связать всех членов группы. Теперь можно идти.

Шли с трудом, цепляясь за любые предметы, вроде столбов, перил и заборов. Первым шёл я, хватываясь за что-то, а потом ждал, пока по верёвке ко мне переберутся другие. Потом уже держались они, а я, напрягая все силы, перебирался на следующий этап. В первый раз дорога к ратуше заняла минут двадцать, притом, что мы не знали дороги, теперь же добирались туда больше часа.

Наконец, дверь была распахнута, мы ввалились внутрь и попытались закрыть, но следом влетело какой-то огромное существо с крыльями, напоминающее летучую мышь, двери я захлопнул, но тварь уже была внутри и всюю пластала когтями Лёху. Ждать было нечего, поэтому я вскинул ружьё и четыре раза подряд выстрелил в спину чудовища. И даже после этого нетопырь не успокоился, продолжая дёргаться и отказываясь отпустить добычу. Только когда голову твари превратили в месиво топорами, лапы разжались, а окровавленный Лёха упал на пол.

Женя бросился к нему и начал осматривать раны, потом повернулся ко мне и покачал головой.

— Холодный груз. Артерии в трёх местах порваны, ещё жив, но через минуту...

Договорить он не успел, в двери ударило что-то тяжёлое, кто-то из мужиков успел вставить в петли засов, но засов тот вряд ли прослужит долго, там просто доска толщиной в дюйм, да и сами двери отнюдь не рассчитаны на штурм крупными тварями.

Ветер на улице поднялся такой, что теперь раскачивалось даже каменное здание ратуши, а ещё сверкали молнии и грохотал гром, кажется, началось. Если барыга не наврал, то ждать осталось недолго. Я успел открыть крышку часов. Долго добирались, без двадцати двенадцать, немного продержаться и...

Додумать я не успел, в дверь снова ударили, на этот раз куда сильнее, там, за дверью, явно бешеный носорог. Решив, что лучшая защита — это нападение, я бросился к двери. Как раз в этот момент в щель между створками просунулись чьи-то пальцы, чёрный, с когтями и, если я правильно рассмотрел, суставов там было больше, чем обычно бывает у людей. Пальцы вцепились в створки и потянули их наружу, куда дверь обычно и открывалась.

Ждать я не стал, когда створки разошлись на достаточное расстояние, просунул ствол между ними и выстрелил. Пальцы мгновенно исчезли, а снаружи донёсся визг, который заглушал даже гром в небе. Молнии сверкали так часто, что внутри здания, куда свет проникал только через маленькие окошки под потолком, стало светло, как днём. Наверху что-то трещало и горело, сыпались искры, само здание вибрировало, словно собиралось взлететь. Сейчас точно что-то начнётся. Я стал запихивать патроны в магазин ружья.

— Там свет! — закричал Сергей, одновременно с этим мощная мохнатая лапа пробила дверные доски и ухватила меня за отворот куртки.

Выстрелить я не мог, не позволяла длина ружья, зато мне на помощь пришёл Женя, несколькими ударами мачете заставивший неизвестного зверя меня отпустить. Но это была только секундная отсрочка, сразу после этого доски разлетелись щепками, а двери перестали существовать. На пороге стоял огромный, метра два ростом человеко-медведь, голова медвежья, шерсть тоже, а фигура как у человека, с огромными мышцами и длинными, до колен, руками-лапами.

Я ещё только дослал патрон в патронник, когда на помощь пришёл всё тот же товарищ. Разумеется, такой калибр не для него, первый выстрел заставил его отступить на пару шагов назад, а после второго он и вовсе сел на задницу. Не удивлюсь, если сломал себе что-то, боли-то он всё равно не чувствует.

Но дело было сделано, медведь рухнул вперёд, а через его тушу полезли твари помельче, напоминающие мелких пушистых чёртиков с длинными когтями на лапах. Тут уже стрельбы было недостаточно, пришлось вступить всем мужчинам в ближний бой, топорами, ножами и тесаками оттесняя чудовищ назад. В это время я оглянулся, в центральной комнате, где совсем недавно сидел торговец, появился комок яркого света, который сейчас разворачивался в подобие окна. Ещё немного, и можно будет прыгать.

— Женщины, к порталу! — прокричал я, пытаюсь заглушить рёв ветра и гром.

Женщины попались сообразительные, а страх стал уже привычным состоянием. Все трое, а ещё двое детей бросились к открывавшемуся порталу. Сейчас они выпрыгнут, тогда и мы сможем отступить. Пока же поле боя оставалось за нами, твари были сильными и наступали бойко, но когти против металла не действуют, а потому всё больше их падало к нам под ноги с разрубленной головой или вовсе без оной. Потом стало труднее, в бой вступили вновь прибывшие двуногие рептилии, которые были вооружены короткими ржавыми тесаками. Сами чуть больше метра ростом, они обладали немалой силой и прытью. Сергей получил рубящий удар в плечо и начал заваливаться вперёд. Я ухватил его за воротник и отбросил назад, туда, где уже начали переход наши женщины. Проход был узким, на одного, да и погружение туда требовало времени. Ещё две или три минуты, и нашим мучениям придёт конец.

Рептилий получилось отстрелять, я расстрелял весь магазин, а следом ещё два раза выстрелил Женя и один раз дядя Паша. Картель просто разорвала странных существ в клочья. А перезарядиться никто не успевал, поскольку следом рванула новая волна всё тех же чёртиков. Первого я встретил ударом топора, второй атаковал сбоку, пришлось вырвать из-за пояса револьвер и выстрелить в упор. Ряды наши становились всё более жидкими, мужики, увидев, что женщины уже прошли, отправились следом, по одному покидая линию обороны. Скоро мы остались втроём, я, дядя Паша и Женя, который забросил ружьё за спину и лихо рубился тесаком. То есть, это казалось, что рубится он лихо, на самом деле удары были слабоваты, спасала только отменная заточка оружия.

Когда в дверь ворвалась очередная крупная тварь, которая напоминала помесь волка с тараканом, старик вскинул ружьё и выстрелил, как я понял, патрон был последний. Я не стал отдавать устный приказов, просто воспользовался преимуществом в силе и массе, толкнув старика так, что тот с разгону влетел в окно. Тварь он, кстати, не убил, но дробь, прилетевшая в морду, заставила отступить на шаг назад.

Увидев, что пенсионер уже погрузился в портал целиком, я крикнул Жене:

— Отступаем, ты прыгаешь, я следом, давай!

Мы успели сделать два шага назад, когда очередной нетопырь сминая наступающую пехоту, прорвался к нам и, ухватив более лёгкого фармацевта, потащил его за собой. Я с ужасом увидел, как портал начал скукоживаться. Если сейчас кинусь туда, успею... Желание жить недолго боролось с совестью, победила совесть. Проклиная всё и всех, я бросился выручать парня.

Револьвер, будь он проклят, самовзводом не стрелял, после каждого выстрела приходилось снова взводить курок. Правда, при этом специальный зацеп сдирал наколотый капсюль, что облегчало последующее перезаряжание. Так, один за другим, я сделал в спину твари пять выстрелов. Мало? Вдогонку прилетело острое топора, разрубившее пополам торчавший сзади острый хребет. Тварь вздрогнула всем телом, а потом рухнула. Потратив ещё секунд десять, чтобы выцарапать тело раненого из-под придавившей его туши, а, не разбираясь, жив он или мёртв, поволок его к порталу. Краем глаза отметил, что рука парня всё ещё сжимала рукоять мачете, клинок которого он успел вогнать в брюхо твари.

Портал закрылся прямо передо мной, оставалось небольшое окошко, сантиметров сорок, но, если бы я, бросив раненого прыгнул рыбкой с расстояния метра в четыре, то точно пролетел бы на ту сторону. Но я его не бросил, а потому видел, как люди, оказавшись на той стороне, подсвечивают себе фонариками, пытаюсь определить своё местонахождение. Что же, попали четырнадцать, выбрались девять, трое погибли, а двое...

А что с нами двоими? И двое ли нас? Я бросил взгляд на вход, твари ретировались почти сразу после гибели второго нетопыря. И ветер, если не стих, то стал вполне терпимым, даже бурей не назвать. И молнии не сверкали, а ночь как будто стала светлее.

Я посмотрел на Женю. Он выглядел живым, но надолго ли? Куртка изорвана на полосы, правая рука вывернута как-то неестественно, как он только мачете держал. Под ним лужа крови, левое ухо разорвано в клочья, а правый глаз не открывается из-за большого кровоподтёка.

— Женя, — я похлопал его по щекам. — Ты живой?

— Да, — произнёс он каким-то чужим голосом, после чего изо рта вытекла струйка крови. Лёгкое повреждено? Или просто язык прикусил от удара.

— Чем тебе помочь?

— Рюкзак, — он указал пальцем на свой рюкзак.

Когда я дал ему в руки, он полез внутрь, открыл его и, вынув настойку, отхлебнул глоток. Нельзя же, наверное, так часто принимать, передоз будет, подумал я, но фармацевт знал лучше.

— Тащи меня в дом лепилы, — прохрипел он, после чего закрыл глаза.

Я облегчённо вздохнул и, подобрав вещи, подхватил его на руки и понёс. Нести было не тяжело, весил он килограммов пятьдесят с небольшим. А то, что в дом врача нести сказал, это хорошо, значит, уверен, что будет жить. Его по-хорошему заштопать нужно, в доме врача наверняка есть операционная и все необходимые материалы. Вот только кто будет это делать?

Когда вышли на улицу, я увидел, что над горизонтом в самом деле поднимается солнце, мёртвый город уже не кажется таким мёртвым, а мир приобретает краски. Вот только полностью небо не очистилось, тучи продолжали кружить, а ветер крепчал с каждой минутой.

В доме врача всё было как прежде, никто сюда не приходил, видимо, лекарства не

заинтересовали даже мародёров, а про спирт и наркотики они ничего не знали.

— Куда дальше? — спросил я, не особо рассчитывая на ответ.

— Вон там, дальше по коридору, — голос его был едва слышен, — операционная, там на стол положи, только раздень сперва.

Раздел я его быстро, кое-где, если одежда не поддавалась, просто разрезал её ножом. Потом положил на стол и попытался рассмотреть раны. От увиденного слегка растерялся. В бедре глубокая колотая рана, левая лопатка располосована тремя параллельными рубцами, очень глубокими, как от ножей. Но главная рана на левом боку, продольный разрез от подмышки до таза, кровь продолжает вытекать, а в районе живота уже начинают выпирать внутренности.

— И что делать? — спросил я у беспамятного товарища.

— Спиртом промой раны, — прошептал он. — Бок зашивать придётся, вон там инструменты, тот ящик, должны быть стерильные, но ты их в спирте тоже прополощи. Нитки, игла, йод, просто зашивай, как умеешь. Края раны стянуть надо.

На этом силы его закончились, он сделал выдох и отключился. А я, отыскав всё необходимое, принялся за работу. Сначала рана на боку. Тут без вариантов, если с ней справлюсь, пациент будет жить. Сначала промыть. Поливать спиртом из склянки было неудобно, поэтому перелил едкую жидкость в небольшую плошку, макнул туда тампон и протёр рану. Потом повторил, добавив спирта. Потом отыскал склянку с йодом и стал намазывать кожу вокруг раны, вот уж не хотелось бы после спасения пациента потерять его от заражения крови.

Потом, вовремя вспомнив наставления барыги, имя которого так и не узнал, вынул пузырёк с лечебным зельем. Вот эта дрянь, зелёная. Кровотечение должна остановить. Нанёс немного на ватный тампон и тщательно смазал рану по всей длине. Надо же, кровь больше не текла. Так, дальше что делать?

А дальше нужно стянуть края раны и зашить. Нитки — вот они. Кривая игла, а ещё можно их йодом пропитать. Я так и поступил. Вспомнил, как мне в детстве зашивали разорванную ногу. Короткие нити продевали с двух сторон, а потом стягивали и завязывали узлом. С великим трудом, дрожавшими от усталости и напряжения руками, я смог проткнуть кожу, продеть иглу и вынуть кончик с другой стороны. Вот, теперь вытянуть нить, ага, есть, теперь взять за концы и завязать. А как? Узлом или бантиком? Впрочем, какая разница, их потом всё равно разрезать. Отлично, ещё осталось раз сорок повторить, и пациент будет в порядке. Поначалу мне казалось, что ему больно, но потом я вспомнил, какая концентрация наркотических препаратов сейчас у него в крови, да он не почувствует, как ему голову ампутируют.

Работа заняла больше двух часов. Но теперь рана выглядела пристойно, внутренности не грозили вывалиться, а неровных швов я насчитал аж сорок семь. Теперь занялся другими ранами. Бедро я просто забинтовал, капнув внутрь лечебного зелья, раны на лопатке стянул несколькими скрепками, что нашлись среди прочего материала. Надо было и на боку их применить, да не увидел тогда. С ухом я понятия не имел, что делать, поэтому просто сшил два обрывка, как куски ткани, встык, надеясь, что срастётся. Если зарастёт рваная рана, то форма будет почти нормальной. Туда же, на ухо, полил оставшиеся капли зелья.

Глава шестая

Я никак не мог разобраться с суточным ритмом. Светлый день сменился ночью, небольшие прояснения на небе почти сразу затянуло тучами, а ветер снаружи снова начал

завывать подобно голодному зверю.

Я уже третьи сутки (если верить золотым часам и моему Жи-шоку) находился в доме местного врача. У него, к счастью, сохранился большой запас керосина, благодаря чему я мог позволить себе сидеть при лампе. Заодно топил камин. До леса было далеко, да и больного я бросать боялся, пришлось сделать набег на соседние дома и притащить мебель. Её тут делали не из плитки, а из настоящего дерева, которое имеет свойство хорошо гореть. Потом ещё нашёл городской парк и спилил там пару молодых сосен. Дрова есть, на неделю мне точно хватит.

Раненый Евгений лежал почти всё время в отключке. Изредка я давал ему воду и лекарства, которые он просил. Он принимал это и снова засыпал. Утром третьего дня он снова открыл глаза и, слегка привстав, посмотрел на меня.

— Пить, — едва слышно попросил он.

— Женя, ты способен воспринимать реальность? — я встал и протянул ему стакан с водой.

— Да, — ответил он в перерывах между глотками.

— Тогда слушай, я не доктор, но даже я понимаю, что если человек не будет есть, то очень быстро умрёт. Твои раны неплохо схватились, но без еды они не заживут, да и сам ты скоро откинешь копыта. Извини, но мне придётся тебя шантажировать.

— Чего?

— Того, всю твою барбитуру я спрятал, а выдам только после того, как ты поешь.

— Не смогу, — он вернул мне пустой стакан и снова рухнул на подушку. — Желудок отвык, еда наружу выскочит.

На него было страшно смотреть, просто череп, обтянутый кожей.

— Бульон выпьешь?

— Ага, — сказал он, глядя в потолок.

Я прошёл на кухню и взял котелок с мясным бульоном, в котором плавали крошечные кусочки сухарей. Сварил из найденной в кладовке солонины.

Пил он долго, часто прерывался, чтобы отдышаться, потом снова пил, и так, пока не осушил котелок до дна. Уже хорошо, значит, жить будет. Солонина у меня ещё осталась, вечером сварю суп погуще.

— Лекарство, — попросил он.

— Ну, да, тебе без дозы никак. Какое давать? Сироп или порошок?

— Там есть маленький пузырёк с раствором, укол сделай, а то внутрь — это только добро переводить.

Я достал из жестяной коробки условно стерильный стеклянный шприц, на всякий случай макнул иглу в спирт, потом проткнул пробковую крышку пузырька и набрал один куб. Думаю, хватит. Осталось решить, куда колоть, тут кругом только кости. Слегка приподняв тощее тело, воткнул в ягодицу. Прижал место укола спиртовой ваткой. На этот раз он не погрузился в сон, как было раньше. Вместо этого решил поговорить:

— Что с ранами? Покраснения нет?

— Заживают, — ответил я. — И покраснения нет. Хорошо заживают, как на собаке. Если бы ты ещё питался, уже бы совсем зажили. Я то зелье применил, что у барыги взяли.

— Не зря платили, — он попытался улыбнуться.

— Надо решить, что делать дальше, — напомнил я.

— Тут варианта два, — он откинулся на подушку и прикрыл глаза. — Либо сидеть

здесь, либо валить отсюда.

— А куда валить?

— Тут снова два варианта, либо валить просто куда-нибудь, либо искать что-то конкретное, например, дорогу домой.

— Подозреваю, время вышло, — я вздохнул. — Фёдор говорил про три-четыре дня.

— Тогда стоит посидеть здесь, пошарить по домам в поисках ценного, а потом, когда запасы начнут выходить, свалим.

— Вопрос исхода из города пока что упирается в тебя, — напомнил я. — Когда сможешь нормально передвигаться, тогда и будем говорить про путешествия. Пока только теории строить.

— Так вспоминай, я плохо помню, что там Фёдор говорил.

— Говорил он, — я напряг память, — что буря — это некая надмировая структура, нечто, что засасывает в себя части миров, а потом они существуют уже в ней. Сюда попадают люди и здания.

— Сразу вопрос: как попадают?

— В смысле?

— Ну, смотри, — Женя ощутимо поплыл, речь стала замедленной. — Вот сюда влетели мы, несколько машин, люди с вещами, но это не главное, в нашем мире люди и машины пропадают часто, а находятся редко. Но влетел ещё кусок дороги и леса. Лес ведь тоже наш был, берёзки родные, по крайней мере, в той части, что к дороге примыкала. Если всё это прилетело сюда, то там должно было исчезнуть.

— Вопрос интересный, опять же, так должно происходить регулярно. И никто не заметил.

— Вот тут снова есть варианты, либо нас скопировали вместе с куском дороги, такое в фантастике есть, либо нас вырвало с мясом, а на том месте сейчас котлован в пару футбольных полей. Тогда явление проходит по разряду необъяснимых, туда приезжают спецслужбы и учёные. Изучают, ничего не находят, котлован засыпают, и на этом всё.

— А ведь люди вернулись, хоть и не все, — напомнил я.

— Людей таскают на допросы, делают проверки на полиграфе, медицинское обследование, показания протоколируют и подшивают в секретную папку. Потом все дают подписку о неразглашении и... на этом всё. Большие дяди в погонах информацию принимают к сведению и ждут следующего случая.

— А ещё варианты есть?

Он задумался, хотя думать в таком состоянии затруднительно.

— Есть ещё вариант полного выпадения куска пространства. Смотри, кусок дороги с машинами, вот он есть, а вот его вырезали, а края пространства сшили. Просто от города до города раньше было сто километров, а теперь девяносто девять. Через несколько лет геодезисты найдут аномалию, почешут репу и ничего не скажут.

— Странно, тогда вообще всё должно измениться, если из земли выдернули километр.

— Ну, возможно, пространство растянется, асфальт станет менее плотным, деревья реже. Всё может быть, механизм этот для нас — тайна за семью печатями, никто никогда такое не изучал, а если и изучал, то с народом не делился.

— Ладно, с этим ясно, — я стал накладывать себе куски солонины на сухарь, не самая здоровая еда, зато сытно. — А что нас может ждать здесь? Навскидку: куча монстров, немного людей, странные природные явления, непонятные населённые пункты.

— Именно так, — он, казалось, уже спал, но при этом продолжал говорить. — Есть монстры, например, упыри, которых мы встретили в лесу. Есть ещё куча тварей поменьше, опасные, но отбиться можно. Тем более с огнестрелом. Есть люди, среди них есть хорошие, вроде Фёдора, есть условно хорошие, вроде барыги, ты, кстати, его имя не узнавал?

— Нет, а надо было?

— Ну, смотри, Фёдор говорил про какого-то Феофана, надо полагать, барыг здесь ограниченное количество, их имена на слуху, и каждый предлагает определённый товар.

— Допустим.

— Ну вот, если есть люди хорошие и не очень, то есть и плохие. Какие-нибудь разбойники, которые встречных любят грабить и убивать. Это стоит помнить.

— Так, — слова его напоминали бред, но я старательно мотал на ус, — что ещё?

— Ещё тут есть населённые пункты, лес, возможно, степь и горы, неопределённый суточный ритм и постоянный ветер. Временами он слабеет, но это не точно.

— Короче, пока сидим здесь, — подвёл я итог.

Ещё через три дня он окончательно пошёл на поправку. Раны, к счастью, не загноились, заживали быстро. Пришлось провести ещё одну неприятную процедуру под названием снятие швов. Как ни странно, но я справился. Процедуру облегчило непосредственное участие пациента, который давал советы. Он, хоть и не хирург, в медицине разбирался в разы лучше меня.

В то время, пока он отлёживался, я почти ничего не делал. В городе была масса полезных вещей, оружия, одежды и драгоценностей, но передвигаться там в одиночку я пока не рисковал. Их моего напарника боец так себе, но это дополнительная пара глаз, которая может предупредить об опасности. Впрочем, драться он тоже умеет, как ни странно, во время схватки в ратуше, показал себя отлично. Может быть, он просто, в силу некоторой неадекватности сознания, лишён чувства страха.

Уже по этим причинам стоило дожидаться, пока он встанет на ноги. Правда, для этого пришлось насильно запихивать в него еду, что несложно было сделать через элементарный шантаж с помощью наркотиков. В будущем неплохо было бы вообще привести его в порядок, полностью лишив препаратов.

Когда пациент стал полноценно вставать на ноги и ходить дальше туалета, встал вопрос одежды. Его собственная после нападения нетопыря превратилась в лохмотья, которые уже невозможно восстановить, придётся ему осваивать местные фасоны. Первым делом добыл ему исподнее, вроде того, что у нас в армии носят, носили раньше, в пору моей молодости, не знаю, что там сейчас. Подошло бельё доктора, рубаха и кальсоны, тот, к счастью, не обладал богатырской комплекцией. Теперь занялись верхней одеждой.

— И что это? — Женя скептически кривился, вертясь перед зеркалом. — Нет, мне на красоту наплевать, ты не подумай чего, но это же, бля, непрактично.

— А что такого? — мне такая одежда тоже не нравилась, но пока ничего лучше не подобрали. — Размер твой.

Камнем преткновения стали штаны без стрелок с подтяжками. Ткань была добротной, сшито качественно, вот только талия находилось на уровне груди.

— Может, лучше галифе? — спросил он, жалобно глядя на меня.

— Попробуй, — я бросил ему обновку.

Галифе подошли лучше, тут и талия не выше пупа, и застёжек поменьше, и даже ремень предусмотрен.

— Только его с сапогами носить положено, — напомнил я. — Примеришь?

Сапоги в доме тоже имелись, а галифе снизу были обшиты кожей, видимо, доктор был не чужд верховой езде, может быть, выезжал к пациентам, типа, скорая помощь.

— Куда на босу ногу? — остановил его я. — Что размер твой и так видно, а ходить без носков или портянок — самоубийство.

— Носков одна пара только, — он развёл руками.

— Сейчас найдём ткань, нарежем портянок.

— Их как-то мотать нужно.

— Я научу, — в самом деле, когда служил в армии, там ещё носили портянки, иногда даже с берцами. Навык остался.

Обучение заняло примерно полчаса, после чего мой напарник стал делать это самостоятельно. Теперь передо мной стоял бравый молодой человек в галифе, рубаше и начищенных сапогах до колена, которые к тому же были подбиты стальными подковами, что обещало долговечность. Пиджак тоже вопросов не вызвал, а на случай холода припасли пальто и шляпу.

— А себе не хочешь сапоги? — спросил Женя, прохаживаясь взад и вперёд. Небольшая хромота присутствовала, но особых неудобств он не испытывал, лекарства напрочь глушили боль.

Я посмотрел на свои ботинки. К ним претензий нет, но это всё же зимняя обувь. А здесь, как я понимаю, не везде зима, в городе, например, что-то, вроде поздней осени. А значит, будут сильно потеть ноги, да и носков у меня нет.

— Хороший вопрос, посмотрю в других домах, глядишь, подойдёт что-то, — размер ноги доктора был меньше моего, причём, ощутимо.

— Идём потрошить город? — Женя радостно потёр руки.

— Сперва в порядок тебя приведём, — тут же заявил я.

— Так я в порядке, — он осмотрел себя со всех сторон. — Даже помылся весь.

Сегодня я нагрел ему два ведра воды и заставил принять сидячую ванну.

— Тебя, как минимум, нужно подстричь и побрить.

— Да мне и так неплохо, — он провёл рукой по щетине, которую уже с полным на то правом можно было именовать бородой. — Перед кем красоваться? Девочек тут нет.

— Женя, — нравоучительно сказал я, садясь на стул. — Пойми одну вещь. Как я думаю, скитаться нам предстоит ещё долго, может быть, всю оставшуюся жизнь. Нам предстоит ещё есть всякую дрянь, пить из лужи, спать в грязи. Но, если есть такая возможность, нужно всегда следить за собой, опускаться нельзя никогда, даже если ты один. Пока поддерживаешь себя в порядке, ты живёшь, как только позволил себе опуститься, всё, считай, тебя нет, это первый шаг в могилу. Сам знаешь, я не одобряю твоего пристрастия к веществам, но с ним я ещё готов мириться. Терпеть рядом с собой немывтого и небритого бича не согласен категорически.

— Ну, допустим, — сказал он и тоже присел на стул.

— А если возражений нет, садись к зеркалу, попробую тебя подстричь, а потом, когда вода нагреется, ещё и побрею. Мне не трудно, зато ты будешь на человека похож.

— Ты когда-нибудь человека стриг? — капризно спросил Женя, когда с головы упала очередная тёмная прядь. — Или только овец?

Причина его недовольства была понятна, ножницы, что мы нашли в доме, были тупыми, а потому через раз дёргали волосы.

— Стриг, но машинкой. В армии ещё.

— Двадцать лет назад, — констатировал он.

— Ну, поменьше, я ведь после института служил, но да, давно. Могу предложить просто бритвой наголо выскоблить, — у меня у самого стрижка была почти под ноль, так что за последние дни я почти не оброс, чего не скажешь о нём, он с самого начала был лохматым.

— Не, холодно будет, стриги уже так, потерплю.

Ещё через полчаса мучений он предстал передо мной с относительно аккуратной короткой стрижкой. Настал черёд бороды. Я поставил перед ним миску с тёплой водой и велел ему намочить щетину. Потом взял мыло, макнул помазок в воду и стал старательно взбивать пену в маленькой полукруглой фаянсовой чаше.

— Голову вверх задери, — велел я, после чего начал намыливать щёки пеной.

Достав бритву я раз десять старательно шоркнул её об ремень, придавая остроту, после чего занёс орудие над жертвой.

— Чё-то мне очково, — признался Женя.

— Не очкуй, я тыщу раз так делал, — со смехом заявил я. — Тебя недавно в лоскуты порвали, а ты порезов боишься.

В самом деле, бояться тут было нечего, прежде чем подойти с бритвой к другому человеку, я её четыре раза опробовал на себе. Так вышло и тут, бритва наточена отлично, поэтому каждое движение оставляло на коже чистую полосу. Под конец всё же немного порезал на шее, но порез был микроскопический, так и безопасной бритвой поранить можно.

— У тебя вич-инфекции нет? — строго спросил я, вопрос был не праздный, нам с ним одной бритвой пользоваться.

— Не, я ведь по вене не любитель. Да и медицинские знания своё берут. Справку не покажу, но сам уверен, что нет.

— Ладно, будем отсюда исходить, смотри на себя, красавец.

Он осмотрел своё отражение (всю процедуру сидел с закрытыми глазами).

— Ну, неплохо, — он повернулся к зеркалу поочерёдно обеими щеками.

— Сам так сможешь?

— Тренироваться надо.

— Вот теперь можно идти на промысел.

Глава седьмая

Промысел начали прямо от дома доктора. Сразу за порогом нас едва не снёс сильнейший порыв ветра. Сейчас, вроде бы, стоял день, но на освещении это сказывалось слабо, небо затянули тучи, а между ними сверкали редкие молнии. Вдобавок начала сыпаться водяная взвесь, временами переходившая в мелкий град.

Быстрыми перебежками мы добрались до соседнего дома, что стоял с распахнутыми дверьми. Тут явно побывали грабители, но они вряд ли унесли всё. Мы заскочили внутрь, захлопнули двери, а потом, за неимением засова (он имелся, но сейчас лежал на полу), я заклинил дверь удачно подвернувшейся ножкой стула.

В доме было прохладно, но отсутствие пронизывающего ветра давало ощущение тепла. А ещё тут царил разгром, повсюду валялись обломки мебели, какая-то разорванная одежда, в одном месте даже имелись следы поджога, но огонь быстро потух.

— Какие выводы? — спросил я своего напарника, который перед выходом вдохнул дорожку кокаина, а потому был необычайно бодр и словоохотлив.

— Выводы простые, тут работала одна группа, небольшая, человек пять-шесть, вряд ли больше. Грабили наспех, а значит, могли многое упустить. А ещё грабили не абы кого, а тех, на кого направлена социальная ненависть. Вывод, в момент, когда с городом случилась беда, большая часть населения просто куда-то пропала, а какие-то маргиналы из рабочего квартала остались тут. Спустя некоторое время они сообразили, что больше нет полиции и законов, и отправились устанавливать социальную справедливость, результат мы видим. Не удивлюсь, если в кровать насрали.

— Понял тебя, работаем по старой схеме: деньги, драгоценности, оружие, еда, одежда и обувь. Вперёд.

— Я наверх пойду, — тут же нашёлся он.

— Нет, мы не в кино, разделяться не будем, осмотрим всё здесь, потом наверх.

Грабители, несмотря на полное отсутствие организации, прошлись тут частой гребёнкой. Почти ничего полезного не осталось, если не считать таковым изорванные штотки и некоторое количество постельного белья, которое я безжалостно пустил на портянки. А вот с едой они погорячились, среди разрухи я откопал на кухне бутылку неплохого белого вина, а вдобавок примерно пол литра какого-то растительного масла. Теперь можно будет что-то жарить на сковороде, например, картошку, которая у нас имелась.

Оружия в доме явно не было изначально, а вот тайники с драгоценностями могли быть. В кабинете хозяина ничего не нашлось, и мы отправились в спальню. Сразу у входа мне захотелось дать Жене в морду. Какого чёрта он всё время прав оказывается? На хозяйской спальне возвышалась изрядно подсохшая куча, по-прежнему издававшая неповторимый запах. Это надо же столько навалить, какой матёрый человечище.

— Глянем наскоро и пойдём, — заявил я, находиться здесь дольше необходимого не было никакого желания.

— Кое-что мы нашли, тут, видимо, у всех привычка хранить ценности в изголовье кровати. Тайник, конечно, победнее, чем в прошлый раз, зато тут нашлись наличные деньги, в золоте и серебре. Всего насчитали тринадцать золотых монет и тридцать две серебряные. Приличная сумма, а мародёры — дураки. Вообще-то, упомянутые торговцем золотые роллы и серебряные данаги выглядят иначе, но вес у них примерно такой, а главное — их точно примут.

После этого мы покинули зловонную спальню, и вышли в прихожую. Чтобы хоть немного перебить запах, я открыл бутылку с вином и сделал несколько глотков. Согласен, дурной тон пить вот так, из горла и без закуски, но хоть небольшое облегчение будет.

— Дай, — попросил Женя, протягивая руку.

— Ты же не пьёшь, — удивился я, но бутылку отдал.

Он отхлебнул немного, поболтал во рту и выплюнул, видимо, тоже хотел немного перебить запах.

Так мы переходили от дома к дому, выискивая то, что не забрали предыдущие мародёры. Улов, надо сказать, был небогатый. Натаскали дров, теперь запаса хватит на неделю, набрали еды, сухарей и солонины, а также спиртного. У нас был спирт, но расходовать его лучше в медицинских целях. А коньяк или ром лучше употребить внутрь, в такую погоду отменно поможет согреться. Как назло, совсем не попало оружие. А ведь должно быть что-то, вроде полицейского участка, или гарнизона, где таковое хранится. Или нет? Не помню, как в таких городах было.

Временами мы возвращались в дом доктора, чтобы свалить добычу. В один из походов, теперь уже в дома победнее, я нашёл для себя сапоги, моего, сорок пятого размера. В отличие от сапог доктора, эти были подешевле, зато очень прочные. Кожа толщиной в палец, толстые нитки, подковы на подошве и пара сотен стальных гвоздей. Тяжеловаты, но зато нога защищена. Я тут же переобулся, но свои зимние тоже выбрасывать не стал, мало ли, в какую погоду попадём.

За день (условный, поскольку за время наших поисков солнце дважды вставало и садилось) мы обошли почти все солидные дома в центре. Добыча по-прежнему не радовала, завтра с новыми силами отправимся на периферию, там тоже есть богатые дома, а следов грабежа там нет.

Потом последовал заслуженный отдых. Женя под моим принуждением поужинал, после чего, закинувшись очередной дрянью, отправился в страну грёз. А сам я ещё долго сидел у камина, отхлёбывая коньяк из большого фужера и глядя на огонь. Хотелось что-нибудь почитать, но, увы, книг на русском языке тут не водилось.

Поспать удалось не так много, как хотел, долго ворочался, постоянно казалось, что меня кто-то зовёт, потом, вроде бы, заснул, а уже через пару часов опять открыл глаза, заметив, что снаружи в очередной раз посветлело. Плюнув на сон, я встал и начал будить напарника. Тот, впрочем, тоже не спал, если не считать его погружения в наркотическую нирвану. В общем, поднял, заставил поесть и потащил на промысел.

Очередной дом нас ничем не порадовал, я уже вышел наружу, а Женя всё ещё пытался найти тайник, который, по его мнению, просто обязан быть в таком доме. Я стоял на ветру и раздумывал, куда отправиться дальше, а может быть, вообще бросить мародёрство, тем более что всё необходимое у нас есть.

Взгляд мой скользнул по улице и упёрся в одинокую фигуру, что двигалась по тротуару неспешным шагом. Человек? Точно. Мужик лет сорока, одет богато, чёрный фрак с галстуком, на голове цилиндр, в руках трость с набалдашником из блестящего металла. Из-под цилиндра выбиваются седые волосы до плеч. Странная причёска, впрочем, откуда мне знать местную моду.

— Здравствуйте, — сказал я, когда он подошёл ко мне на расстояние трёх метров.

— Здравствуйте, — произнёс он в ответ, говорил, немного растягивая слоги, а ещё в речи слышался странный акцент, вроде польского. — Вы здесь один?

Мне он не понравился. Физиономия бледная, глаза странно блестят, усы пёрышками торчат в разные стороны. А ещё его не пугал ветер, словно его и не было совсем, хотя я постоянно старался повернуться так, чтобы в лицо не дуло. Кроме этого, странным было то, что он нисколько не удивился, обнаружив в пустом городе человека, одетого не по местной моде. Не простой это мужик.

— Да, один, — сказал я, делая шаг назад, а он, наоборот, сделал шаг ко мне. — А вы кто?

— Меня зовут Веспер, — он широко улыбнулся, а потом облизнул губы. — Я прибыл сюда, чтобы...

Казалось, он выдумывает причину, чтобы заговорить зубы. Потом я опустил взгляд на землю, в этот момент небо как раз посветлело, настолько, что на земле стали легко различимы тени. Одна тень, а мой собеседник, что стоял рядом, тени не отбрасывал. В другое время я на такую мелочь внимания бы не обратил, но события последних дней сделали меня подозрительным. Когда я снова поднял взгляд, его глаза горели красным. Он

сделал ещё шаг в мою сторону, голос его задрожал:

— Хотел бы... хотел познакомиться с вами поближе, — в этот момент я завёл руку за спину.

Он отчего-то медлил, а мне это было на руку, сейчас я поворачивал барабан револьвера таким образом, чтобы наверху осталась самая последняя камера, где заряжена серебряная пуля. Не знаю, как на него подействует серебро, но нечисти от этого точно лучше не станет. Где там Женья?

Наша игра закончилась в тот момент, когда я наткнулся задом на небольшой заборчик. В этот момент барабан щёлкнул в пятый раз, а человекообразная тварь, распахнув огромную пасть с клыками, бросилась на меня. Сила прыжка была такова, что он сбил бы меня с ног, после чего вонзить клыки в мою шею было бы делом техники. Но меня спас всё тот же заборчик, а я успел выхватить револьвер и упереть его противнику стволом в солнечное сплетение под углом снизу вверх.

Клыки остановились в паре сантиметров от моей шеи, когда я нажал на спуск. Воображение уже вовсю пугало осечкой, которая у такого оружия в порядке вещей, но обошлось. Выстрел прогремел глухо, пуля пробила тело вампира, оставшись внутри, скорее всего, пробито и сердце и лёгкое. Клыки его окрасились кровью, он отпустил меня, сделал шаг назад, а потом солдатиком повалился на спину.

Видимо, серебро оказалось средством действенным, поскольку вампир тут же начал разлагаться, плоть его на глазах усыхала, потом пошла трещинами, из трупа повалил какой-то дым, а потом и вовсе всё осыпалось прахом, где даже костей было не разглядеть.

— Ты убил его!!! — раздался рядом хриплый женский визг.

Женщина в старомодном платье кинулась на меня из-за угла, пасть её точно так же распахнулась сантиметров на двадцать, обнажая клыки, но долететь до моей драгоценной тушки она не успела. Женья, привлечённый выстрелом, вышел на улицу, где и узрел атаку монстра. Что ни говори, а напарник мой, хоть и пребывает постоянно в грёзах, настоящий боевик, который ничего не боится и умеет за себя постоять.

Вот и сейчас он, спрыгнув с крыльца, оказался на пути вампирши, которую тут же встретил ударом бутылки вина. Бутылка разбилась о голову, облив вампиршу с ног до головы кроваво-красной жидкостью, от которой та начала фыркать и отплёвываться. А Женья, недолго думая, врезал ей по оскаленной морде оставшейся в руке «розочкой», срубая нос и большой кусок щеки. Вампирша завывала и отступила на шаг назад.

Но я почти сразу заметил, что разорванная плоть на её морде начинает восстанавливаться, кровь не текла совсем, а уже секунд через пять она стала как новая. Следующим этапом противостояния стала плюха когтистой лапой, от которой мой напарник отлетел обратно в дом (как можно отлететь вверх по крыльцу, не спрашивайте, но так оно и вышло). Вампирша прыгнула в мою сторону, но была остановлена пулей.

Увы, свинец, в отличие от серебра, вампиров наповал не убивал, но и останавливающее действие тяжёлой мягкой пули пошло мне на пользу, получилось сбить атакующий порыв, вампирша просто грохнулась на тротуар, но тут же снова начала вставать.

Тут выяснилось, что напарника своего я рано сбросил со счетов, не обладая выдающимися физическими данными (и вообще никакими не обладая), он в бою вёл себя как настоящий берсерк.

— Убью, сукаааа!!! — раздалось из дома, а потом оттуда вылетел Женья со стулом в руках.

Стул разлетелся об спину монстра, а Женя откатился в сторону. Вампирша отряхнулась, встала и снова двинулась ко мне, а я снова выстрелил, теперь уже в голову. Мелькнула слабая надежда, что вампиры, как зомби, убиваются в мозг. Чёрта с два, дыра во лбу тут же начала зарастать, а вампирша, хоть и ощутимо похудела, слабее не стала. Я снова взвёл курок.

Тут она замерла, лишь немного не дотянувшись когтистой лапой до меня, глаза её закатились, а распахнутая пасть медленно захлопнулась. Только тут я разглядел, что за её спиной стоит Женя с разбитым лбом и каким-то образом её держит. Когда я подбежал, оказалось, что парень при падении удержал в руках ножку от стула, которая обломилась удачно, оставив острый конец, который он использовал вместо кола, вогнав в спину вампирше. Вот только умирать она отказывалась, кол вызвал паралич всего тела, но не смерть, красные глаза по-прежнему моргали, а пасть выталкивала из себя громкие хрипы.

— Почему она недохнет? — спросил Женя, для которого удержание на колу вражины давалось невероятно тяжело, он побледнел и хватал ртом воздух. — Кол ведь.

— Вали её на землю, — скомандовал я, выхватывая топор.

Когда обездвиженная вампирша повалилась на дощатый тротуар, мы в две руки с помощью топора и мачете начали рубить ей шею. Получалось с трудом, разрубленная плоть успевала частично зарости в промежутках между ударами. Но всё же ресурсы её тела были не безграничны, с каждым ударом она всё сильнее худела, плоть покрывалась морщинами и трещинами. Восстановление шло медленно, а потому нам удалось отделить голову от туловища. Женя тут же наподдал ногой, перебросив её на другую сторону улицы. На это ушли все его силы, потом он просто повалился набок и закрыл глаза.

Но это был ещё не конец. Вампирша умирала, тело её стало разрушаться так же, как и у предшественника. Но отлетевшая на несколько метров голова напоследок разразилась гневной тирадой. Понятия не имею, как может говорить голова без тела, в котором остались лёгкие, но она говорила:

— Вам конец, смертные! За меня отомстят! Мать придёт за вами! Она не бросает своих детей!

На последних словах голос стал затухать, а тело окончательно разрушилось, снова из него вышел какой-то дым, который направился в нашу сторону, дымная струя обвила мою руку и быстро впиталась в кожу.

— Ты видел? — спросил я у фармацевта, который, казалось, не видел вообще ничего.

— Видел, — он кивнул, пытаясь отдышаться. — Объяснить не могу.

— А остальное?

— Ты про... вампиров?

— Ага.

— Всё, как всегда. Первого ты серебром завалил?

— Да.

— Разгреби прах и достань пулю. Пригодится. Странно, серебро больше от оборотней, а вампиры от кола должныдохнуть.

— Осинового, — напомнил я.

— Да, — он продолжал копаться в файлах, которыми под завязку была забита его голова, и которые до последнего времени были бесполезными. — Хотя стоп, не просто кол, вампира ещёжелательно обезглавить и сжечь, на тот случай, если кол кто-то вытащит. Значит, кол только парализует. А серебро... ты пулю-то доставай, не тормози.

Я разгрёб носком сапога серый прах, после чего нашёл пулю. Нормальная, почти не сплющилась, впрочем, и не должна, серебро твёрже свинца.

— Чего делать будем? — спросил я, поднимая его на ноги, стоял он с трудом, на драку ушли все силы.

— Сначала — домой, — заявил он. — Потом разберёмся предметно. Я тебе там бутылку вина нашёл, старое очень, какого-то славного урожая, вот только...

— Я видел, чёрт с ним, пошли уже.

Когда мы пришли домой, я усадил его в кресло и обработал несколько мелких ран от когтей.

— Через когти вампиризм не передаётся? — спросил я у него, признавая за ним роль эксперта по монстрам.

— Логика подсказывает, — он отхлебнул из пузырька, — что он и через клыки не передаётся, иначе бы не осталось людей, а только одни вампиры. Чтобы стать таким, как они, одного укуса недостаточно, тут есть какая-то дополнительная процедура инициации, её иногда представляют каплей вампирской крови, которую кандидат должен выпить.

— Ты слышал, что она кричала?

— Слышал.

— И какие выводы?

— Что у них речевой аппарат не зависит от дыхания, — выдал он абсолютно логичный вывод.

— Я не про то, найдут они нас?

— Найдут.

— Так надо валить.

— Не спеши.

— Ты чего-то придумал?

— Пока не уверен, думаю, план побега предусмотреть стоит. Например, собрать вещи, всё, что сможем унести. Потом приготовить оружие и ждать их прихода. У меня есть отличный план защиты, если не сработает, есть план Б.

— И в чём он?

— Будем сваливать, я уже присмотрел пути отхода.

Глава восьмая

Нас действительно нашли. Часа через четыре на улицах появились они. Их было много, они не спешили, старательно обкладывая нас со всех сторон. Издали эти существа выглядели, как люди, если, конечно, не присматриваться.

К тому времени я, не рассчитывая на своего безалаберного напарника, собрал два больших рюкзака. Получилось неожиданно много. Запас еды, по большей части сухари и солонина. Вода в нескольких фляжках. Запас белья и портянок, по два шерстяных одеяла на каждого, спиртное и лекарства. Ещё кое-какой инструмент. Само собой, мой рюкзак был почти вдвое тяжелее, но тут уже ничего не поделаешь, физические возможности хилого Жени я оценивал трезво.

Мы готовились не только к бегству, но и к бою. Зарядил обе серебряные пули в револьвер. Ещё приготовил патроны к крупнокалиберному обрезу, используя имеющиеся бумажные гильзы. В один положил картечь из рубленной серебряной монеты, ещё два зарядил (не смейтесь) деревянными пулями, выстрогал колышки из росшей в городе осины. Заодно приготовил два полноценных кола, а ещё постарался натереть серебром лезвие топора и

мачете. Серебро немного стачивалось о сталь, оставляя светлые полосы. Вряд ли такая доза убьёт вампира, но приятно ему точно не будет.

Но все эти приготовления нас бы не спасли, поскольку вампиров было слишком много. Об этом я прямо сказал Жене.

— Не ссы раньше времени, — надменно заявил он. — Справимся.

— Каким образом?

— Если всё то, что я знаю о вампирах правда... — начал он, но я тут же его перебил.

— А если нет?

— Я присмотрел пути отхода, — равнодушно ответил он. — Так вот, если это правда, то мы сможем держать оборону долго, убивая их по одному. Козырь в рукаве, так сказать.

Вампиры, как мне показалось, ни о каких козырях не слышали, а потому медленно, но уверенно направлялись к нашему дому. Где-то по двое, где-то по трое, постоянно подходили новые. Где-то далеко хлопали крылья летучих мышей, а на улицах прибавлялось двуногих тварей.

— Давай уже, раскрой карты, — предложил я.

— Смотри, в легендах о вампирах, которые почти все родом из Восточной Европы, первыми жертвами всегда становятся близкие люди восставшего упыря. Догадываешься, почему?

— Нет.

— Их проще всего достать. Вампир подвержен ряду ограничений, среди них запрет на вход в дом без приглашения. Пока хозяин его не пригласит, он не может войти и убить его. Только в свой дом он может войти беспрепятственно, поэтому упыри и кусали первым делом собственную семью.

— Ты решил держать осаду?

— Если понадобится.

Я бегал от окна к окну, не везде был хороший вид, пусть сейчас был день, но тучи закрывали солнце. Тем не менее, атаку я проморгал. Дверь вылетела от удара снаружи, а следом просунулась оскаленная пасть вампира, на этот раз тощего и бородатого. Он одним прыжком преодолел расстояние, разделавшее нас, но тут же напоролся на два осиновых кола примерно метровой длины.

Осина подействовала не в пример лучше другого дерева, тварь сразу же начало корёжить, а отрубить голову получилось уже с первого удара. Хотя, может быть, тут сыграло роль серебряное покрытие клинка, или просто вампир попался слабый.

Это был самый нетерпеливый, остальные пока не подтянулись, но нападение было вопросом времени. Женя тут же завис, пытаясь привести свои планы и догадки хоть в какое-то соответствие с реальностью. Процесс этот опасно затянулся, мысли в его голове шевелились медленно, поэтому я решил его поторопить:

— Женёк, оживай, и объясни уже, какого беса он в дом вломился? Он ведь не может без приглашения, а мы его не приглашали.

— Где-то я затупил, — честно признался он, продолжая скрипеть шестерёнками в голове. Потом глаза его широко распахнулись, над головой зажглась условная лампочка, а сам он улыбнулся своим мыслям. — Это не наш дом, бежим!

Я на ходу подхватил оба рюкзака, при этом громко матерился. Ход мыслей у напарника был в целом правильный, только он не учёл щепетильность кровососов в вопросе прописки. Вот если бы мы прописались в этом доме, тогда нас бы не тронули, а так дом принадлежал

какому-то доктору, который неизвестно где, а мы тут просто захватчики. Теперь только бежать, он присмотрел какой-то запасной путь, но не выйдет ли такой же конфуз, как и с домом-крепостью?

— Дорога надёжная, — заверял он, утаскивая меня за рукав в небольшой проход между домами, — если нас сразу не спалят, успеем уйти.

Поскольку вампиры были рядом, матерился я шёпотом, попутно зажимая нос от мерзкой вони. Его тайный путь к бегству оказался не самым комфортным.

— Ты почему сразу не предупредил? — спросил я, спускаясь по вбитым в стену колодца скобам.

— А что бы это изменило? Путь как путь. Запах не очень, согласен, но лучше так, чем к вампирам в лапы.

— Какого хера мы вообще в канализацию полезли, там ведь внизу труба на тридцать? Ты «Побег из Шоушенка» вспомнил? Решил напоследок в говне поплавать?

— Труба там нормальная, почти в мой рост, кирпичная, и говна нет, его дождями вымывает. Просто тоннель, ручеёк по полу бежит, где-то вдали есть выход.

— А ещё крысы, — добавил я.

— Есть немного, не без того, но нас точно не съедят.

Люк над собой мы закрыли плотно, спускаться старались тихо, можно было надеяться, что вампиры не возьмут след сразу. А если у почуют наши следы, тот тут точно собьются, местные ароматы заглушат любые запахи. Когда стало уже невозможно различать что-либо, мы зажгли электрический фонарь. Ага, колодец заканчивается, дальше горизонтальная труба. Вонь усилилась, под сапогами зачавкала грязь, точнее, не грязь, а совсем другая субстанция. Вымыло дождями, ага.

Труба шла в сторону, разветвлялась и делала отвороты. Тут заблудиться можно запросто, а потом просто задохнуться и умереть. Но напарник мой крепко задался целью реабилитироваться за провал с домом. Он тронул меня за плечо и потянул в один из боковых тоннелей.

— Свежаком оттуда тянет, — заявил он, хотя я ничего не различал.

— Веди, — прохрипел я, стараясь дышать через раз.

И мы пошли, несколько раз упирались в тупик, всё же нос был не самым надёжным проводником. Только через два часа действительно потянуло свежим воздухом, что пришлось как нельзя кстати, поскольку я уже начал терять сознание.

— Туда, — снова скомандовал Женя, и тут позади послышались визги и хлопанье кожистых крыльев.

— Догоняют, — я указал назад.

— Ничего, — Женя уже едва дышал и был бледен, как свежепобеленная стенка, что хорошо было видно в свете фонаря. — Нам только наружу выйти, а там оторвёмся.

— От летающих тварей? — скептически спросил я.

— Именно, поднажми!

Нажимать пришлось за двоих, поскольку ближе к выходу он начал просто падать, видимо, свежий воздух ударил в голову. Пришлось подхватить его в охапку. Когда вырвались наружу, навстречу нам выскочил совершенно голый мужик могучей комплекции с кожей трупного цвета и абсолютно лысый, даже бровей не было. За спиной у него складывались небольшие кожаные крылья.

Этот вампир явно был матёрым, поскольку не умер сразу от попадания серебряной

картечи. Женя, находившийся у меня на руках в полуобморочном состоянии, умудрился выпалить из обреза. Отдача повалила нас обоих, но вампиру тоже пришлось несладко. Он схватился за живот, зажимая рану, из которой валил странный белый дым. Валил, что характерно, опять в нашу сторону. Я пытался помахать руками, но дым впитывался в кожу фармацевта. Опять та же дрянь.

— Куда дальше? — я уже начал понемногу впадать в панику.

— К воде, — прохрипел он едва слышно. — Канализация открывается в реку, тут берег. Тут и до меня дошло, что я стою на берегу реки. Вон и вода.

— Ты плавать умеешь? — спросил он.

Я прикинул, в тяжёлой одежде и сапогах проплыву недалеко, но всё же проплыву. Вот только рюкзак придётся бросить. Но тут глаза мои разглядели путь к спасению. Шагах в двадцати ниже по течению стояла лодка, довольно старая, из потемневшего дерева, но, вроде бы, исправная. Кое-как дотащившись, я перебрался через борт напарника и оба рюкзака, а потом начал отталкивать лодку в воду. Река оказалась приличных размеров и глубины, почти сразу ноги мои ушли на глубину, а в сапоги набралась холодная вода. Ветер поднимал большие волны на поверхности, но перевернуться нам не грозило.

— Гребь, — скомандовал Женя, понемногу приходя в себя. — Дальше от берега.

Лодка была довольно большая, человек на шесть, а то и на восемь. Но вот пара вёсел в наличии была только одна. Ухватившись за ручки, я быстро начал грести, стараясь увести лодку подальше от берега. Дно слегка рассохлось, отчего плавсредство пропускало воду, но это не страшно, хватит надолго.

И тут я поднял взгляд. От увиденного даже руки опустились. Грести бесполезно, и нет смысла уходить через реку. Десятки, если не сотни летучих мышей поднялись в воздух. Большие и малые, быстрые и медленные. И все они летели к нам. Нас разорвут минуты через три.

— Ты чего вёсла бросил? — спросил Женя, жадно вдохнув в ноздрю порошок.

— Смотри туда, — я поднял руку и указал на стаю. — Их там сотни, нам не уйти.

— На этот раз я не предусмотрел никакого плана В, — сообщил он, но тут же с улыбкой добавил: — потому что план Б должен сработать.

— Как с домом? — горько усмехнулся я.

— С домом-то я был прав, просто не учёл некоторых тонкостей. План мой прост, канализация обязана куда-то выходить... ты гребь, не останавливайся, чем дальше от берега, тем лучше, — наркотик временно придал ему бодрости, он натурально ожил после напряжения с побегом. — Так вот, канализация должна иметь сток, либо в море, либо в реку. Моря поблизости я не заметил, обычно им пахнет. Значит, есть какая-то река. А тот факт, что на берегу нашлась лодка, только улучшил наши позиции. Я поначалу предполагал, что придётся вплавь убегать.

— Куда убегать, нас сейчас догонят и порвут? — напомнил я, не отрывая взгляда от стаи тварей, что приближалась к берегу.

— Не спорю, порвут, если я ошибся. Так уж вышло, что вампиры имеют массу ограничений... я это уже говорил, да? Неважно. Среди этих ограничений есть и невозможность пересекать текущую воду. Насколько я знаю, только по мосту.

— А где мост?

— А мост вон там, выше по течению, они, конечно, могут пустить погоню по двум берегам, но вряд ли их хватит надолго. У нас есть еда и вода, будем сплаваться неделю, или

две, пока они совсем не отстанут.

Первый вампир поравнялся с берегом, но дальше не пролетел, его прижало к земле неведомой силой, и там он снова принял человеческое обличье. За ним последовали другие. Все они собрались на берегу и стояли, беспомощно потрясая руками. Только тут я позволил себе немного расслабиться. Фармацевт, будь он неладен, оказался прав, текущая вода для них — непреодолимая преграда. Мы спасены.

— Рано расслабился, — заметил напарник. — Видишь вон тут тварь, крупная, больше других в два раза?

— И что?

— Подозреваю, это и есть их мать.

— И что она может сделать?

— Надеюсь, что ничего. Но вампиры, особенно высшие, часто обладают магией. Насколько помню, от магии можно спрятаться в своём доме, но и тогда он может воздействовать иллюзией, предстать в облике соседа, ты откроешь ему дверь, предложишь войти, а он... Интересно, а лодка — это не дом?

— И что с текучей водой?

— Тут мои знания хромают, — признался он. — Будем ждать.

Огромная летучая мышь приземлилась на берег чуть поодаль от толпы соплеменников, а потом обернулась женщиной огромного роста, могучей комплекции и вдобавок с огромными сиськами. Натурально, мать семейства, этой сиськой всех и выкормила. А ещё у неё были длинные чёрные волосы, почти до земли, ветер развевал их, как парус.

Увидев нас в лодке, она закричала, голос был подобен грому, от него даже лодка завибрировала. Как я понял, это был не просто крик, она нараспев читала заклинание, собиралась применить какую-то магию. А мне этого совсем не хотелось, а потому я налёг на вёсла.

— Кастовать будет, — запоздало сообщил Женя.

Но в последний момент что-то пошло не так. Рука её окуталась тьмой, которую она собиралась швырнуть в нас, но потом рука опустилась, видимо, слишком большое расстояние для магии, не выйдет.

— Живы, — констатировал Женя. — Спаслись.

Я оставил вёсла, теперь они не нужны, мы на середине реки, нас несёт течение, можно немного отдохнуть, а заодно хоть как-то отрефлектировать пережитое.

— Какие мысли? — спросил я, откидываясь на борт и залезая в рюкзак. Не зря же я надрывался, четыре бутылки коньяка и две рома сами себя не выпьют. Достав одну, я выдернул зубами пробку и крепко приложился, хотелось напиться вдрызг и попробовать хоть на время забыть об увиденном. Странное ощущение, все стычки были кратковременными, а страх пришёл только сейчас. Это как если бы меня выдернули из-под поезда за секунду до столкновения. Слишком короткое время, чтобы испугаться. Страх придёт потом, когда поймёшь, чего именно только что избежал. Дурацкий запоздалый страх.

— Никаких, — он равнодушно помотал головой. — Всё обошлось, хотя страшно было, не спорю, даже мне, несмотря на слегка искажённое восприятие реальности.

— В очередной раз убеждаюсь, то этот мир создан для таких, как ты.

— Обоснуй.

— В нашем сознании, — я начал пересказывать учебник философии, — отражается реальность. Это как зеркало. А если зеркало кривое? Как у тебя. То отражаться будет кривая

реальность. Или с восприятием всё нормально, а сама реальность кривая? Тогда тебя будет душить чувство неприятия. Как меня сейчас. У меня восприятие нормальное, я материалист до мозга костей, у меня, чтобы ты знал, папа когда-то в компартии состоял, я даже в бога не верю, не то, что в вампиров. Такая реальность до сих пор не улеглась в моём сознании, я её отрицаю и пытаюсь проснуться.

— Интересная идея, — он внимательно посмотрел на меня пьяными глазами и снова их закрыл. — А у меня зеркало восприятия кривое, а здесь в нём отражается кривая реальность, а в результате получаем геометрически точную картинку.

— Как-то так, — согласился я. — Ты не спишь ещё?

— Не совсем, странное состояние, вроде бы, сон, но могу поддерживать связь с реальностью.

— А что насчёт дыма, он ведь в наше тело впитывался?

— Могу только предполагать.

— Так предполагай.

— Это вроде экспириенса, вот мы убили тварь, её душа перешла к нам.

— Это хорошо или плохо?

— С одной стороны, хорошо, по идее, мы от этого станем сильнее, умнее, здоровее, может быть, получим новые способности.

— А с другой?

— А с другой стороны, душа вампира черна, как задница австралийского аборигена, а потому всасывать её в себя может быть опасно. Или нет, тут у меня снова знания хромают.

— То есть, убив кучу вампиров, сам можешь стать вампиром?

— Вряд ли, становление настоящим вампиром — процесс сложный, вряд ли это может получиться случайно. Скорее, станешь кровожадным, может быть, полюбишь кровь, тебе понравится дневной свет, ну, и прочие мелочи. Думаю, тут переживать не о чем.

— Ладно, плевать на это, а куда мы плывём?

— А не всё ли равно? Там, — он указал рукой вверх по течению, — находится куча тех, кто желает выпить нашу кровь. Чем дальше мы окажемся от них, тем лучше. А уже потом будем решать, что делать и куда идти. Лично мне фиолетово, куда-нибудь мы обязательно придём.

— Ага, — я вздохнул. — Алиса не даст соврать.

— Электронная?

— Нет, та, которую Льюис Кэррол придумал. Которая в Стране Чудес и в Зазеркалье.

— Полезный опыт, нужно было больше читать сказочных книг, там, как ни странно, очень много полезного и нужного.

Тут он всё же заснул окончательно, даже храпеть немного начал.

Я, некоторое время посидев, поёжился от очередного порыва холодного ветра, набросил на плечи одеяло и тоже заснул, крепко сжимая в руке ружьё.

Глава девятая

— Юрий Владимирович, просыпайся уже, — Женя активно толкал меня ногой. — Быстрее, пока не влипли.

— Что случилось? — через секунду я уже стоял на ногах, целясь из ружья в пустоту.

— Туда посмотри, — напарник мой был необычайно бодр, явно успел закинуться.

Я посмотрел туда, куда он указывал, то есть, по ходу движения. Ничего, река, разлилась в этом месте необычайно широко и, кажется, обмелела. Впереди поток снова сужается.

— И что там? — я непонимающе уставился на него.

— Водопад, — объяснил он. — Вон там мы упадём вниз. Если, конечно, не свернём в сторону и не причалим.

— Да откуда там водопад? — не унимался я. — Водопад такой грохот даёт, ни с чем не спутать.

— Высота мне неизвестна, но я настаиваю, что там водопад, давай причалим.

Я в его словах сомневался, но решил всё же причалить к берегу. Слишком часто он оказывался прав. Сев за вёсла, я начал грести, стараясь поворачивать к берегу. Глубина тут была смешная, последние несколько метров лодка уже царапала дном камни. Вытащив лодку на берег, мы схватили мешки и отправились вдоль берега, чтобы посмотреть, что находится дальше.

Идти пришлось далеко, километра два, берег стал изгибаться, поток собрался в узкую полосу, а потом... И ведь снова прав оказался. Водопад, самый настоящий, вода срывалась с обрыва и, почему-то относительно тихо падала вниз. У нас получилось подойти поближе, даже выглянуть с обрыва, но внизу ничего не было. Только вода, падающая в пустоту. Чуть дальше висели белые облака, скрывающие от нас бездну. Мне от такого стало не по себе.

— Есть мысли? — задал я уже надоевший вопрос.

— Хороших нет, — он отвернулся и пошёл назад.

— А плохие? — спросил я его спину.

— Здесь конец мира, дальше идти просто нельзя, мы даже с горы не слезем, потому что там ничего нет.

— Но так ведь не бывает?

— Здесь бывает всё. В мире, где есть магия, вампиры, а ещё бесконечная буря и не пойми что с географией, может быть всё. Надо думать, куда дальше идти. Пока ты спал, я видел селение на берегу, вроде, пустое. Как бы то ни было, а крыша над головой.

Пришлось согласиться. Но выбора особого и не было, путешествовать дальше на лодке мы не могли, только пешком, а пешком далеко не уйдёшь. Раз уж попадаются тут селения, нужно использовать. Буря снова усилилась, резкие порывы ветра иногда опрокидывали фармацевта, да и сам я стоял на ногах непрочно. Единственное, что радовало, — здесь было относительно тепло.

Деревня была так себе, домов на двадцать. Обычные рубленые избышки, правда, от российских они отличались отсутствием сеней. О чём это говорит? Правильно, о том, что климат тут тёплый. Был тёплый, пока не началось.

Людей мы не нашли, впрочем, не особо и искали, заглянули в пару изб, никого не увидели, а потому решили дальше не идти. Самый большой дом, видимо, принадлежавший местному старосте, стоял в центре деревни, там мы и решили разместиться. В пользу этого говорил и тот факт, что только в этом доме имелась нормальная печь с трубой, остальные отапливались по-чёрному, что для нас, людей, испорченных цивилизацией, было совершенно неприемлемо.

Дрова нашлись быстро, я положил несколько поленьев в печь и, скомкав кусок берёзовой коры подложил снизу. Поджёг зажигалкой, дрова оказались сухими, а потому схватились почти мгновенно. По дому начало распространяться тепло, а поскольку печная дверь закрывалась неплотно, огонь послужил слабым источником света, что позволило поберечь фонари и прихваченные в городе свечи.

— Надо пожарить сварить, — сказал я, вставая с небольшого чурбака, заменяющего стул.

— Надо, — согласился он, но с места не сдвинулся.

Я только тяжело вздохнул. Проще смириться, чем заставить его приносить пользу. Плевать, справлюсь сам, ещё и его покормлю, если понадобится, насильно. Такой уж достался мне спутник, оставь его без присмотра, он просто умрёт со счастливой улыбкой.

С меню на ужин (или завтрак, какая разница) вариантов было немного. Всё та же солонина, крупа, несколько сухарей. Такая еда скоро надоеет, но голод утоляет хорошо, грех жаловаться. Скидав все ингредиенты в котёл, я подлил воды из фляги и поставил его на плиту.

— Темнеет, — заметил Женя, приоткрыв один глаз.

— И что с того? — спросил я, помешивая потенциальную кашу длинной деревянной ложкой. — тут всё время темно.

— Ночь — время нечистых, — напомнил он. — Кто-то может прийти на огонёк.

— А мы дверь закрём, — отмахнулся я.

Тут он, как ни странно, проявил инициативу, выдвинулся к двери и попытался её запереть. Увы, у двери не оказалось даже самого примитивного засова. Открывалась она наружу, но и там не было запоров.

— Неприятно тебя расстраивать, но мы здесь беззащитны, — он развёл руками.

— Придётся дежурить по очереди, — сказал я, прекрасно понимая, что дежурить придётся мне, на товарища положиться нельзя.

— Да я, в принципе, выспался, посижу тут.

Он сел на пол, прижался к печке и закрыл глаза.

— Хоть одеяло постели, — предложил я. — И ружьё под руку. Помнишь, зачем оно нужно?

— Угу, — он ухватил ружьё и положил рядом с собой.

Но мне этого было мало, я забрал у него ружьё, сменил патроны в стволах. Теперь любой, кто посягнёт на наш покой получит две пули слоновьего калибра. Или не получит, поскольку стрелок имеет проблемы с реакцией.

Сам я уселся у печки и смотрел, как варево начинает обретать нужную консистенцию. У сухих дров есть большой недостаток: они быстро прогорают. Пришлось выйти на улицу, где меня едва не унесло ветром, там я нашёл остатки поленницы. Дров было мало, пришлось выломать ещё две палки из ограды, сойдёт, разломаю, гореть будут не хуже. Уже когда я открыл дверь, почувствовал на спине чей-то взгляд. В обычном мире такое чувство ни к чему не обязывает, но здесь даже секундное промедление могло стоить жизни.

Со смертью я разминулся на пару сантиметров и доли секунды. Когда руки заняты, обороняться сложно, пришлось бросить дрова и упасть самому, чтобы выиграть доли секунды. В тот же момент надо мной пронеслась чёрная тень, я услышал глухой рёв, а потом по доскам крыльца ударили когтистые лапы. Волк?

Ружьё осталось в доме, но револьвер был у меня за поясом. Оставалось надеяться, что порох не отсырел во время плавания по реке. Я выхватил оружие и упёр ствол прямо в могучую тушу с дурно пахнущей шерстью, от чудовища несло псиной так, что глаза слезились. Одновременно с нажатием на спуск в мою сторону метнулась голова с оскаленной пастью, зубы клацнули в сантиметре от моего носа, едва его не откусив. Но в тот же миг пуля ударила в грудь чудовища, нанося рану и отбрасывая его назад. Калибр у револьвера способствовал хорошему останавливающему действию, бил, как конское копыто. А когда он снова ринулся в атаку, оглашая двор глухим рёвом, я успел взвести курок и

выстрелить снова. А потом ещё. Стрелял почти вслепую, ориентируясь на большое чёрное пятно передо мной. После четвёртого выстрела его пробрало, пятый, тот, что с серебряной пулей, добил окончательно. Тварь какое-то время тихо скулила, но через пару минут затихла окончательно.

В этот момент на пороге появился мой товарищ с фонарём в одной руке и ружьём в другой.

— Кто это? — он осветил фонарём на тушу мёртвого волка.

— Сам хотел бы знать, — я поднялся с земли и попытался отряхнуть одежду, двор был далёк от идеалов чистоты. — Волчара какой-то.

— Оборотень?

— Не знаю, — меня снова с опозданием начало трясти. — Может, и оборотень, я последний раз серебряную всадил. Потом он помер.

Женя обошёл труп волка по кругу, пытаясь подробно рассмотреть в свете фонаря. Осмотрел клыки, подёргал за лапу, даже хвост приподнял. Волк был почти обычный, если не считать огромных размеров и чёрной шерсти.

— Не, не оборотень, оборотень после смерти обычно снова в человека обращается, а этот волком остался. Да и раны все одинаково кровоточат. Если от серебра была только последняя, то остальные бы успели зарубцеваться, регенерация у оборотней хорошая.

— Отсюда вывод, — сказал я, — без оружия никуда.

— Согласен, — он сейчас выглядел почти нормальным. — А его есть можно?

— Чёрт его знает. Вообще, волки, насколько помню, условно съедобные, не деликатес, но есть можно. Только это обычные волки, а тут не пойми что. Хотя, вскрывать его всё равно придётся, пулю надо вернуть.

— Иди, ужинай, — вдруг предложил он. — Я вскрыю, мне это знакомо.

— Ты же не хирург, — напомнил я.

— Ну и что, вскрыть труп много ума не надо, а пуля нам нужна. Иди.

— Нет уж, я с тобой посижу, вдруг ещё кто-то придёт.

Надо отдать ему должное, волка он разделал быстро, впрочем, подробное вскрытие и не входило в его планы. Для этого он использовал перочинный нож, который оказался достаточно острым. Минут через двадцать на крыльцо легли все пять пуль. Три свинцовых сильно деформировались, видимо, от столкновения с костями. Одна, засевшая в мягких тканях, оказалась целой, а серебряная сидела в позвоночнике, неудивительно, что зверь после попадания умер, его полностью парализовало. Тем не менее, пуля осталась целой и годилась для повторного использования. Мятые, впрочем, я тоже выбрасывать не спешил, найду, как использовать.

В довершение всех бед начался дождь, а по причине сильного ветра капли падали почти горизонтально, а потому спрятаться под навесом не получалось. Пришлось идти обратно в дом, благо, там было тепло и сухо, а вдобавок поспел ужин.

Напарника снова пришлось кормить насильно, организм его просто не испытывал чувства голода. Тем не менее, даже нескольких ложек, что я в него запихнул, было достаточно. Для того, чтобы не умереть с голоду. Потом за ужин сел и я.

Пока он пребывал в нирване, я в очередной раз напрягал мыслительный аппарат. Что делать?! Мы в каком-то безумном мире, здесь водятся монстры, а сам он напоминает галлюцинацию. И выйти отсюда, скорее всего, не сможем. Тогда что? Куда вообще идти, тем более, что мир этот оказался ограниченным по площади. Вот здесь можно находиться, а там

край мира, заходить за который не рекомендуется. Просто цели нет. Если бы кто-то сказал, что за тысячу километров находится дорога к дому, я бы без проблем пошёл туда, топал бы ногами, пока сапоги не сотрутся, но дошел бы. Хоть полгода бы шёл. Так ведь нет такого. Вообще некуда пойти.

— Думаешь, что дальше делать? — спросил Женя, не открывая глаз.

— Думаю, ничего в голову не лезет, — я достал револьвер и начал перезаряжать, боекомплект, который поначалу казался достаточным, теперь резко уменьшился. Если на каждую тварь тратить по пять зарядов, скоро останусь голым. Впрочем, есть ещё ружьё.

— Нужен источник информации, — сделал он гениальный вывод.

— Ты прям капитан Очевидность, — съязвил я, насыпая порох в камору.

— Вспомни, какие источники нам попадались, — напомнил он.

— Ну, сперва Фёдор, потом барыга тот, не помню, как его звали, — я вставил пулю и с натугой пропихнул её рычагом.

— Вывод: эти люди знают больше нас, и готовы информацией делиться.

— Встречный вопрос: как их найти? — спросил я, прокручивая барабан.

— Надо искать сколько-нибудь значимый населённый пункт. Там будет кто-то из старожилов. С ними завязываем диалог и выясняем то, что нас интересует. В твоём случае — как вернуться взад.

— А в твоём?

— Да мне, если честно, плевать. Тот мир, этот мир, какая в жопу разница.

— Допустим, а что с языковым барьером? — вдавив на своё место последнюю пулю, я достал баночку с воском и начал замазывать торчавшие головки пуль. Потом наживил капсюли с другой стороны и убрал оружие за ремень. Где бы кобуру достать? — Вдруг они не по-русски говорят.

— Это проблема, но, будем надеяться, что хотя бы торговцы нас поймут.

В целом, на этом можно было разговор сворачивать. Для каких-то иных выводов у нас сейчас мало информации. Я подбросил дров в печку, а сам, отставив опустевшую деревянную миску в сторону, прилёг рядом с печкой, предварительно бросив на пол одеяло.

Проспал я часов пять, достаточно, если учитывать, что до этого выспался в лодке. А проснулся от подозрительных звуков во дворе. Помимо привычного уже завывания ветра, слышен был стук, словно кто-то топал ногами. Потом снова наступила тишина, а через минуту стук повторился, только теперь уже стучали в дверь. Я вынул револьвер и взвёл курок, неподалёку, едва видимый в слабом свете от печки, сидел Женя, абсолютно трезвый, в руках он держал обрез, но держал расслабленно, явно не собирался стрелять.

— Заходите, открыто, — сказал я, но тут же осёкся, вспомнив про вампиров. Впрочем, это ведь не мой дом.

Дверь отворилась, после чего внутрь вошла высокая фигура. Как оказалось, на улице сейчас шёл мокрый снег, теперь понятно, что был за стук поначалу. Ночной гость отряхивал ноги.

— Мир вам, — глухо поприветствовал он нас.

Глава десятая

— И тебе мир, гость, присаживайся у нашего очага, отведай ужина, а заодно расскажи нам, кто ты и откуда? — я осторожно снял револьвер со взвода и убрал за ремень.

Чтобы лучше рассмотреть ночного гостя, Женя вынул из мешка свечу, зажёг её с помощью зажигалки и поставил на стол. Сам я встал с пола, отряхнулся и пересел на лавку,

что была приколочена вдоль стены. Рядом на чурбак присел гость. Свеча дала достаточно света, чтобы подробно его рассмотреть.

Это был высокий худой старик, сильно напоминавший Сарумана из известного фильма, разве что одет был в простой длинный плащ, или тулуп, или зипун, я не знаю, как называется эта одежда. У него были длинные седые волосы и короткая, такая же седая борода. Над бородой торчал крючковатый нос, а ещё выше глядели два серых глаза, глубоко ввалившиеся в череп. Старик был безоружен, если не считать кинжала на поясе, но что-то мне подсказывало, что, несмотря на мирный вид и небогатырскую комплекцию, этот человек опаснее нас обоих.

— Присаживайтесь, отдохните, — сказал я, не обращая внимания на то, что гость уже сел. — Сейчас накладу вам каши. Тут ещё много осталось. Если хотите, могу налить кружку спиртного, хорошо помогает от мороза.

В глазах его мелькнуло сомнение, но потом он решился, видимо, в самом деле, неслабо замёрз:

— Если вы составите компанию, и совсем немного.

— Разумеется, составлю, — улыбнулся я. — Мой спутник — человек непьющий, отчего мне немного скучно.

Я поставил перед ним миску с кашей, потом взял из кухонной утвари две глиняных кружки и плеснул в каждую граммов по пятьдесят коньяка. Старик взял кружку, потом чокнулся со мной, а потом мы оба выпили. Он благодарно кивнул, вытер усы рукой и принялся за еду.

Я сидел и терпеливо ждал, пока гость насыщался. Потом он расправился с кашей, облизал ложку и повернулся ко мне, давая понять, что готов к разговору.

— Вы, наверное, желаете знать, кто я и откуда?

— И это тоже, просто мы недавно попали в бурю и многое для нас непонятно. Будем признательны, если вы расскажете.

— Что же, не первый раз встречаю тут новичков, хотя многие не задерживаются. Меня зовут Евстафий, а прозвище моё Сыч.

— Отчего так? Да, я — Юрий, а моего друга зовут Евгением.

— Приятно познакомиться. Что же до моего прозвища, то тут всё просто, окружающие отметили мою тягу к ночной жизни. Я хорошо вижу в темноте и предпочитаю спать днём, а ночью перемещаться.

— Понятно, — кивнул я, хотя было совсем непонятно.

— Что, могу ещё рассказать. Кого вы здесь уже встретили?

— Встретили странника, звали его Фёдор, такой бородатый, с винтовкой. Потом пришли в какой-то город, там был торговец, мы кое-что продали, кое-что купили, а потом он рассказал нам, как вернуться назад.

— Отчего же вы этим не воспользовались?

— Воспользовались, но в тот момент на нас набросилась всякая нечисть...

— Так всегда бывает при проколах, — заметил старик. — Но нечисть можно отпугнуть.

— У нас не получилось, в итоге, все, кто был с нами, прошли обратно, а мы не успели.

— Что же, могу только посочувствовать. Впрочем, я здесь уже давно, могу сказать, что в буре живут только те, кто хочет здесь жить.

— То есть, отсюда можно уйти?

— Можно, только нужно знать, как и куда.

— А вы можете подсказать?

— Я ведь не знаю, откуда вы пришли.

— Тогда просто расскажите о том, что и как происходит в буре? Вот просто всё, что сами знаете. Как попали сюда? Чем тут занимались?

— Что же, слушайте. Не против, если я закурю?

— Да, конечно, курите.

Он вынул трубку, потом кiset с табаком. Неспешно набил её, вставил в рот, а потом удивил нас. Вместо того, чтобы использовать спички или огниво, или, на худой конец, прикурить о головни их печки, он просто поднёс палец к табаку, а тот почти сразу загорелся. Магия?

— Так вот, как я уже говорил, зовут меня Евстафий, если полностью, Евстафий Васильевич Трубников. Я был рождён в богатой семье, потомственный дворянин, не раз отметился на службе государю.

— Дворянин? — я вспоминал историю. — Когда это было? И сколько вам лет?

— В этом мире нет возраста, нет даже понятия времени, если у вас есть часы, можете их выбросить, поскольку пользы от них ровным счётом никакой.

— Но вы можете сказать, когда родились. В том мире есть время. То есть, было.

— Было, родился я в одна тысяча семьсот двадцать седьмом году, в правление императора Алексея Петровича. В его же правление, будучи шестнадцати лет от роду, поступил на службу в кирасирский полк, отметился в двух войнах, заслужил награды, был пожалован... — он вдруг замолчал, попыхивая трубкой. — Не помню уже, чем именно, помню только, что сам государь отметил мои подвиги. А потом... потом всё пошло не так, я был уже немолод, вся жизнь прошла на службе, но одна ошибка стоила мне карьеры. В возрасте пятидесяти лет меня по навету разжаловали их подполковников в рядовые и сослали в Сибирь, на службу в полк линейной пехоты. А в пути, когда мы шли по тракту, началась буря. Сильная снежная буря. Мы никуда не пришли.

— И что потом?

— Потом мы скитались по странным местам, пустыня сменялась густым лесом, потом мы попадали в горы. Переправлялись через реки и сражались с тварями, которым ещё не придумано имя. В итоге, из сорока человек в живых остался только я один. Я попал в дом одного известного кудесника, великого мага, который словом мог ворочать горы. Он был стар, понятно, что здесь нет времени, но есть человек, привыкший во времени жить. И человек этот создан смертным. Он устал жить, но беспокоился о своём наследии. А в качестве ученика подвернулся я.

— И он сделал вас магом?

— Не совсем, он мало чему научил меня сам, главный урок свёлся к обучению грамоте, я стал понимать любые языки. Почти любые, есть несколько диалектов, мне недоступных, а потом он вызвал меня, открыл потайную дверь и показал свою библиотеку. Там лежали книги, много книг на разных языках, содержавших мудрость, накопленную поколениями. После этого он приказал мне его убить.

— И вы убили?

— Разумеется, это был не тот человек, которому можно отказать. Последними его словами было указание, чтобы я обучился всему по книгам, а уже потом передал это знание. С тех пор я учусь, денно и нощно, овладевая этим искусством. Но иногда мне надоедает, тогда я выхожу в мир, как сейчас, путешествую, а потом снова возвращаюсь к книгам.

Возможно, когда я сам стану старым, даже древним, мне тоже захочется умереть, тогда я найду ученика и передам дело ему.

— Лучше умереть, когда хочется жить, чем дожить до того дня, когда захочется умереть, — добавил из своего угла Женя.

— И ты активно стараешься, — проворчал я.

— Угу, — ответил он и перевернулся на другой бок.

— Вы продолжайте, — попросил я. — Магию можно изучить по книгам?

— Можно, хотя с живым учителем это сделать гораздо проще. Опять же, магические трактаты написаны очень путано, кое-где применяется иносказание или шифр, часть знаний утеряна, где-то автору приходилось восстанавливать утраченный фрагмент более древнего труда. Я учился долго, теперь многое знаю, но даже так мои знания охватывают едва десятую часть того, что можно изучить.

— Что, например? Я видел, как вы делаете огонь.

— Огонь — первое, чем следует овладеть магу. Огонь дал жизнь миру, огонь сделал человека таким, каков он есть. Управлять огнём должен каждый маг.

— А разве не бывает стихийных магов? — спросил Женя, не поворачиваясь. — Например, магов воды? Или земли?

— Может быть, где-то есть и такие, но человеку доступно всё, зачем себя ограничивать? Тем более если хватает времени. Я изучал создание огня в любых видах, например, огненный шар, который можно метнуть в любую нечисть, или огонёк, способный светить в темноте, — с этими словами он щёлкнул пальцами, с руки его сорвался небольшой огонёк и повис под потолком. — На создание этого крошечного огонька ушло совсем немного магической силы, а на обучение этому волшебству... сложно сказать, наверное, года три.

— Ясно, значит, вы маг, умеете творить волшебство. Но нам хотелось бы услышать о самом мире. Что это за буря, что здесь есть, как она устроена и как отсюда можно выбраться?

— Странно, но большинство этих вопросов либо не имеет ответа, либо ответ будет слишком пространным. Буря — это буря. Нечто, что бушует над мирами, крайне редко соприкасаясь с их материей. Иногда всё же соприкасается, тогда в бурю попадаем мы. Иногда поодиночке, иногда большими группами. Иногда попадает только человек, а в другой раз — кусок местности. Иногда людей бури выбрасывает в один из миров, но потом почти всегда они попадают обратно. Здесь есть почти всё. Города, большей частью пустые и заброшенные, хотя кое-где люди пытаются выжить, пустыни и горы, реки с мостами, моря и корабли, дворцы и крепости. Что же до того, кто здесь живёт, то тут, опять же, полный простор. Живут здесь отшельники, вроде меня самого, живут странники, вроде встреченного вами Фёдора, я его знаю, добрый и спокойный человек, помогает странникам, иногда выводит людей из беды. В последнюю нашу встречу я отметил на нём печать смерти, удивлён, что он всё ещё жив. Ещё тут есть торговцы, вот уж кто бывает всегда и везде. Не знаю, кто они на самом деле, не знаю, в чём смысл их мелочной торговли, самая правдоподобная версия в том, что они — часть самой бури, порождены ею, и через неё свободно перемещаются, как им того хочется. Последнее умение отчасти доступно и мне. Ещё здесь живут монстры. Есть дикие твари, ничем не лучше и не хуже зверей из обычного мира, они убивают, когда хотят есть. Бывают монстры разумные.

— Вроде вампиров?

— Вы уже встречались с ними? — маг удивлённо вскинул брови.

— Да, убили двоих, от остальных убежали. Ещё нас видела их мать...

— Не упоминайте о ней, — он взмахнул погасшей трубкой. — Редкостная мерзость. Она была единственной вампиршей, что попала в бурю, уже здесь наплодила своих вечно голодных детей, а теперь... не знаю, что с ними делать. По-хорошему следует убить мать, тогда остальные погибнут или потеряют силу. Но справиться с ней сложно, даже я не возьмусь. Хотя нет, возьмусь, ради такого готов рискнуть, вот только она меня знает и откажется сражаться.

— Она хотела нас заколдовать, какое-то заклинание, но применить его не успела, — сообщил Женья.

— Ей доступна примитивная магия, но она целиком завязана на кровь, чем больше она выпьет крови, тем сильнее её магия. Думаю, она постоянно напитана силой и способна на одно заклинание чудовищной мощности. Вы убили кого-то из её детей?

— Да, двоих.

— И она вас запомнила?

— Думаю, что да.

— Плохо, она не забудет. Считайте, что обзавелись смертельным врагом, она будет искать вас.

— Запомним, — вздохнул я. — А вы как-то можете помочь?

— Я мог бы побыть рядом с вами, поджидая её, но она не так глупа, скорее всего, не поддастся на мою уловку.

— А вы, как маг, можете делать амулеты? — снова спросил Женья.

— А это мысль, — задумчиво проговорил маг Евстафий. — Кое-что могу.

Он погрузился в раздумья.

— Давайте сделаем так, я займусь этим завтра, а вы пока поспрашивайте о другом.

— Кто ещё живёт здесь?

— Изредка попадаются тени, люди, которые живут слишком давно, но не смогли вовремя умереть. Они как бы сливаются с бурей, их можно различить в воздухе или воде. Иногда слышны их голоса, иногда они могут о чём-то предупредить. Но чаще просто смотрят на нас, смертных, завидуют, вспоминают себя. Ну и, наконец, здесь есть боги. Понимаю, вам, привыкшим верить в единого бога, такое слышать странно и отвратно, но боги здесь есть. Всего их двенадцать, но в мире бури можно встретить двоих. Они, если верить легендам, сотворили бурю, с тех пор живут в ней, подпитываясь её силой и творя всё, что захотят. Они создали самые древние и могущественные артефакты, они же дали людям магию, которую люди развили и сделали наукой.

— Старый, — попросил Женья. — Ты бы нам какой квест дал. Чтобы выполнить и вернуться домой.

— Квест? — не понял старик.

— Такое задание, — объяснил я. — Знающий человек находит героев, а потом просит их выполнить что-то. Убить монстра, принести какую-то диковину, разведать какую-то тайну. А потом, когда задание будет выполнено, он награждает героев. Так обычно делают в сказках.

— Хорошая традиция, — одобрил маг, — я что-нибудь придумаю.

— Ещё вопрос, — Женья соизволил повернуться, — когда мы убивали вампиров, от них шёл какой-то дым. Что это такое?

— Тут стоит погрузиться в философию, — старик вздохнул. — Что такое жизнь, как она

даётся, и что с ней можно сделать? Жизнь в буре — понятие важное, все жизни, что в неё попали, остаются здесь. Вот только жизнь разумная имеет то, что принято именовать душой. Если эту жизнь отнимают, то она не исчезает, переходит к убийце, сливается с ним, становясь его частью.

— И я теперь частично вампир?

— Разумеется, нет. Вы лишь впитали его душу, поглотили её и сделали частью своей. Это, как ни прискорбно, пойдёт вам на пользу. Тот, кто убил много разумных существ, становится сильнее и быстрее. Заметить это сложно, станет бросаться в глаза после сотни или двух. Впрочем, если убить убийцу, погубившего много душ, то можно зараз получить много силы. Вампиры в этом отношении — идеальный вариант, убийство — смысл их жизни, они убивают постоянно, выпивая не только душу, но и кровь. А ещё их не жалко.

— Допустим, так что с квестом? — напомнил я. — Ну и вообще, вы ведь давно здесь, видели многих людей, в том числе новичков, думаю, многие хотели попасть домой. Как-то ведь этот вопрос решали?

Он задумался, поглаживая бороду.

— Да, но, насколько мне известно, ничем хорошим такие решения не заканчивались. Боги, те да, могут вернуть человека обратно, так же легко, как выдернули его сюда.

— А как богов задобрить?

— Им молятся, им приносят жертвы и воздвигают храмы, их постоянно просят о защите и проклинают в случае неудачи. Но сделать так, чтобы бог поговорил с вами... не знаю. А если и снизойдёт до разговора, то не уверен, что захочет выполнить просьбу. Боги капризны, их логика не имеет ничего общего с человеческой, а напугать их нечем. Разве что, «Убийца богов» поможет.

— А кто такой «Убийца богов»?

— Не кто, а что. Так называли легендарный меч, сделанный древним магом, который хотел... плохо помню, чего он там хотел, но он поссорился с богами, а потому, чтобы стать равным им, выковал или каким-то другим образом сделал меч.

— И убил бога?

— Нет, — Евстафий покачал головой. — Бог убил его. Меч он, скажем так, не доделал. Оставалось напоить его волшебной силой, вот тогда им можно было бы сразить бога.

— Вот и квест, — резко сказал Евгений, вставая. — Давай, старый, расскажи нам, где этот меч найти, как его починить и как найти бога, который его боится?

Я уже хотел дать ему подзатыльник за хамство по отношению к старому человеку, но старик тут расхохотался. Хохотал он минут пять, в процессе пытался что-то сказать, но не мог, только указывал пальцем на меня и на моего спутника, потом он, наконец, успокоился, утёр слёзы и начал заново набивать трубку.

— Что вас так рассмешило?

— Вы — отличные люди, давно таких не встречал. Вот серьёзно, очень мне понравились. Настолько, что я бы даже рассказал вам всё об этом мече, вот только ничего не знаю.

Я вздохнул. Мелькнувшая надежда сразу и погасла.

— Впрочем, я подумаю, как вас вознаградить. При наличии бесконечного запаса времени, человек смелый и целеустремлённый может достичь всего. Думаю, с вами произойдёт так же. Вот что мы сделаем. Завтра я отправлюсь к себе, туда, где лежат магические книги. Вы в это время сможете поохотиться на оленей в соседнем лесу. Там есть

олени и нет охотников. Разве что, волки иногда забредают, но они близко не подходят к моему дому, а потому олени легко скрываются в его окрестностях.

— А в книгах есть ответ?

— Думаю, в книгах есть всё, только нужно уметь искать.

— Тогда мы согласны.

— Что же, завтра и отправимся туда. Пока же попробую сделать для вас амулеты. Для этого мне понадобятся материалы. Молодой человек, как я понимаю, не чужд делу врачевания?

— Я фармацевт, — с гордостью заявил Женя, потом, решив, что человек, родившийся в восемнадцатом веке, да ещё в параллельной реальности (у нас-то не было императора Алексея Петровича, у нас потенциального императора Алексея казнили ещё при жизни отца), может не знать такого слова. — Аптекарь.

— Что же, для вас есть работа. Снаружи я видел мёртвого волка, да не простого волка, а чёрного, который, как это странно ни прозвучит, отлично годится для магических и алхимических дел. Для создания амулета мне нужна его лопатка, лучше правая, проведите вскрытие.

— Да легко, — он подхватил мачете и пошёл на улицу.

— Нож возьми, — я вынул из ножен и протянул ему охотничий нож.

— Так справлюсь, — гордо заявил он и открыл дверь.

— Клыки мне тоже нужны, — сказал вдогонку маг.

Вернулся Женя довольно быстро, руки в крови, но вид боевой. В одной руке он держал окровавленную кость, а в другой четыре выломанных клыка.

— Отлично сработано, — усмехнулся Евстафий. — Давайте сначала лопатку.

Взяв в руки кость, он подул на неё, потом ткнул пальцем, и кость охватило пламя. Пламя, правда, опало уже через пару секунд, но следом с кости осыпалась и вся органика, превратившаяся в пепел. Потом всё стало ещё интереснее. Немного подержав в руке голую кость, он очертил ногтем небольшой овал, потом легонько стукнул по нему пальцем. Остальная кость рассыпалась пылью, а сам овал он ловко поймал на лету. Дальше он провёл по нему ладонью, сначала с одной стороны, потом с другой. Теперь у него был почти идеальной формы костяной жетон. Тут же, одним движением пальца сделал дырочку для верёвки, а потом занялся магической накачкой амулета.

Пробормотав пару нечленораздельных слов, он дунул на заготовку, отчего та засветилась синеватым светом.

— Золото у вас есть? — спросил он.

Я молча протянул ему монету. Он взял её в руку, тут я увидел, что пальцы его тоже светятся. Монета начала плавиться, словно воск, а второй рукой он в это время выжигал бороздки на кости, которые складывались в замысловатый иероглиф. Когда бороздки были готовы, он взял на палец немного расплавленного золота и втёр его в кость. Получилась золотая инкрустация.

— Держите, — он протянул получившийся амулет Жене. — Не самый лучший, какой-то другой маг смог бы справиться с этим куда легче, но уж что могу.

— И что он может? — спросил Женя, прикидывая, на что бы повесить украшение.

— Много чего, например, делать вас невидимым для низших тварей.

— Это каких?

— Бесов, нетопырей, вурдалаков, леших, кикимор, василисков. Они не то. Чтобы вас не

увидят, просто не обратят внимания, если не лезть им под нос. Ещё вас минуют заговоры и всевозможные проклятия.

— Вроде того, что вампирша накладывала? — спросил я с интересом.

— Она накладывала заклятие?

— Вот бы знать, — я развёл руками. — Хотела что-то применить, какая-то чернота на руке, но бросить не успела.

Старик переменялся в лице.

— Чёрная плесень.

— Мы бы плесенью покрылись? — спросил Женя.

— Плесенью покрылись бы ваши органы, когда вас вскрывал бы лекарь, — старик серьёзно нахмурился. — От этого проклятия никакой амулет не спасёт. Человек, получив его, сходит с ума в течение двух-трёх дней, опознать его не получается, ибо он до последнего момента выглядит почти нормальным. А потом глаза его наливаются чернотой, тогда он начинает убивать всех, кого встретит. Силы его удесятерятся, тело просто сжигает себя. Если от такого убежать или спрятаться, он сам себя убьёт, просто умрёт от истощения. А потом, когда вскрывают его труп, видят, что все органы, сердце, мозг и всё прочее покрыто чёрным налётом, напоминающим плесень. Очень страшное проклятие, а защиты от него нет. Можно только убить вампира, прежде, чем он его наложит.

— Так от чего амулет защищает? — с лёгкой обидой в голосе спросил фармацевт.

— От заговоров, проклятий, наложенных обычным колдуном, отвода глаз, иллюзии, грубо говоря, колдун очень мало средств может применить к владельцу такого амулета. Ну, или колдун должен быть чудовищно сильным, сильнее меня. Ещё есть места, где такие амулеты не действуют, но тут уже ничего поделать не смогу. Кстати, наличие этого амулета может пробудить кое-какие стихийные свойства человека, мелкая магия, которую человек делает неосознанно.

— А для меня что-то есть? — спросил я.

— Разумеется, — он взял клыки волка, не все, а только два, те, что побольше, видимо, верхние, вдавил их в комок золота, что так и держал в руке, потом придавал золоту форму диска, в котором просматривались утопленные клыки, а в самый центр приложил большой палец. Когда он убрал его, на поверхности золота отпечатался чёрный знак в виде двустороннего топора, обведённого в круг.

Он протянул золотой диск мне, предварительно проделав в верхнем краю дырочку.

— И что он может? — я с опаской взял диск в руку, он был тёплым, но не горячим.

— Это амулет воина, даёт силу и выносливость, даёт быстроту движений, а ещё, каждая убитая душа не просто делает человека сильнее, польза от неё удваивается.

— А почему мне не такой? — капризно спросил Женя.

— Потому что толку от него мало, пока мало. Он, амулет, учится вместе с хозяином. Учится сражаться и убивать. Он как бы запасает энергию воина, чтобы отдать её в самый критический момент. А ещё он обладает своим разумом, не как у человека, но может определять, нуждается ли человек в его помощи. В самом крайнем случае, когда будет совсем безвыходная ситуация, он просто взорвётся, отдав всю накопленную силу. И владелец его станет непобедим. Ненадолго, четверть часа, может, чуть больше. Но этого обычно хватает.

— Тогда спасибо, — сказал я и занялся поисками шнурка для амулета.

— А теперь давайте спать, — сказал старик.

Я подбросил в печку поленьев, а потом улёгся на одеяло и закрыл глаза. В кои-то веки можно было ничего не бояться, с нами настоящий маг, который не даст в обиду.

Глава одиннадцатая

С рассветом мы вышли. Рассвет, понятно, был условный, какое-то солнце взошло, но нам его было почти не видно. Путь лежал на условный север. Условный, поскольку направлений тут не было, даже компас не работал, но старик отчего-то регулярно упоминал эти направления, видимо, какая-то разница есть.

— А долго идти? — спросил Женя.

— Поначалу долго, — путано объяснил маг. — А потом быстро. Главное, чтобы я вас не уронил.

— Эммм?

— Увидите, — сказал он и, опираясь на посох, бодро зашагал по широкой поляне.

И мы действительно увидели то, что старый маг не хотел объяснять словами. Евстафий остановился, подозвал нас и указал посохом на приближающийся вихрь, не просто вихрь, а какой-то совсем плотный сгусток воздуха, что вращался с бешеной скоростью, вырывая из земли траву и мелкие кусты.

— Держитесь за меня, — скомандовал он. — Крепко держитесь, а то потерю по дороге.

С этими словами он сгрёб нас в охапку, а потом, дождавшись, пока вихрь подойдёт поближе, просто прыгнул в него. Я почувствовал, как ноги оторвались от земли, потом меня куда-то понесло, правда, разглядеть что-то вокруг себя я не мог, слишком плотная завеса висела перед глазами. Несло нас быстро, старик крепко держал меня за подмышку, а я от страха изо всех сил вцепился в его плащ.

Не знаю, сколько всё это продолжалось, нас нещадно мотало из стороны в сторону и переворачивало, в лицо летели комья земли, камни, трава и палки, но потом вихрь куда-то исчез, а мы втроём повалились на широкую лесную поляну, которая одним своим краем упиралась в каменную стену. Посмотрев вверх, я понял, что это не стена, а крутой склон горы, которая уходит далеко ввысь.

Женя, поднявшись на ноги, выплюнул изо рта пучок травы, потом отряхнулся и, оглядевшись вокруг, спросил:

— И где мы теперь?

— У меня дома, почти. В дом не приглашаю, уж извините, войти туда сложно простому человеку, но и тут тоже можно неплохо устроиться. Вон там, где конец поляны, проходит черта. За неё волки никогда не заходят. Зато заходят олени. Можете застрелить одного и приготовить жаркое. Я сейчас удалюсь, а обратно приду дня через три-четыре. Постарайтесь никуда не уходить.

С этими словами он просто шагнул вперёд, прямо в каменную стену, сквозь которую свободно прошёл, словно она состояла из тумана. Теперь понятно, почему нас с собой не взял, мы действительно к нему не сможем войти.

Женя тут же подскочил, с видом знатока потрогал стену и уважительно поцокал языком.

— Платформа девять и три четверти, — заявил он.

— Чего? — не понял я.

— Это из фильма. И из книги. Гарри Поттер называется. Не смотрел что ли?

— Нет, — я развёл руками. — Вообще фильмы редко смотрю. Теперь вот совсем не буду.

— Почему?

— Мне в жизни потусторонней херни хватило. А если делать задел на будущее, то такое попадалово с человеком редко случается дважды. Думаю, знания не пригодятся.

— Может, и так. Чего делать будем, Юрий Владимирович?

Я огляделся, поляна была довольно уютной, тут даже ветер почти не ощущался. Хотя видно было, что, стоит отойти метров на пятьдесят, как снова окажемся в вихре.

— Он про оленей что-то говорил, — я указал на кромку леса, обрамляющую поляну. — Можно поохотиться.

— Еда ведь ещё есть, — лениво сказал Женья, укладываясь рядом с мешком.

— На такой еде мы быстро ноги протянем, — напомнил я. — К тому же мяса почти не осталось. Пойдём, глянем.

Он проворчал в ответ что-то невнятное, но всё же встал с земли, оставив мешок лежать, вскинул обрез и потопал за мной. Я, собственно, на оленей никогда не охотился, но тут, надо полагать, зверьё непуганое, к тому же слабо знакомое с огнестрельным оружием. Думаю, сегодня удача нам улыбнётся.

Отойти от поляны мы смогли метров на сто, потом ветер наваливался с утроенной силой, грозя вырвать оружие из рук, а нас самих приложить о деревья. Но даже этого хватило, чтобы увидеть зверя. Не оленя, правда. Волка. Но волк был солидный, высотой около метра в холке, серый с какими-то рыжими подпалинами. Странный волк. А ещё мне запомнились его глаза. Они горели странным красноватым светом, хотя по идее должны быть жёлтыми.

Возможно, этот волк никогда раньше не видел людей. Он не атаковал, просто стоял на расстоянии метров десяти и смотрел на нас, словно оценивая, выясняя, кто тут добыча, а кто хищник.

— И что с ним делать, — Женья указал стволом в сторону зверя.

— Не знаю, — честно сказал я. — Может, уйдёт?

— А как же экспа?

— Экспу за разумных дают. И то довольно странную, хер пойми, как её использовать.

— Всё равно, лучше застрелить, — уверенно заявил он, — а то, пока здесь волк, олени точно не придут.

— Ну, стреляй, — согласился я. — У тебя что заряжено?

— В душе не ебу, — честно признался он, посмотрев на меня невинными глазами. — Ты ведь заряжал.

— Так открой и проверь, — раздражённо сказал я.

Он переломил ружьё, но вынуть патроны не успел. Волк, сообразив наконец, что его собрались убивать, решил не тянуть и атаковал первым. А наш главный калибр оказался не готов. К счастью, моё ружьё было заряжено, причём, пулей. Помпа имела относительно короткий ствол, но на таком расстоянии это не принципиально.

Стрелял я с упреждением, когда зверь уже прыгнул в нашу сторону. Попал, хотя и не сбил прыжок. Огромная серая туша просто снесла моего напарника и подмяла под себя. А я выстрелил во второй раз, картечью, прямо в серый шерстяной бок. Если это просто волк, а не очередное магическое чудо-юдо, должен непременно помереть.

Собственно, он и умер, издав напоследок нечто среднее между воем и визгом.

Оставалось понять, жив ли мой невменяемый друг. Я попытался сдвинуть тушу волка, но получалось с трудом.

— Евгений? — осторожно позвал я. — Ты жив?

Снизу раздалось невнятное бурчание.

— Чего?

— Сними, — проворчал он. — Воняет.

Волк в самом деле благоухал так, что рядом стоять невозможно. К запаху псины теперь добавился запах крови и внутренностей, бок ему разворотило прилично, оттуда торчали кишки и обломки рёбер. Радовало, что это всё-таки обычный волк, а не оборотень или что-то похуже.

С третьей попытки, едва не сорвав себе спину, я смог стянуть тушу волка с человека. Человек привстал и начал отплёвываться.

— Вот же вонючка, — прохрипел он, досталось ему, похоже, неслабо. В звере том килограммов восемьдесят, да с разгона, тут и кости сломать можно. — Лучше бы тигр был, кошки обычно чистые.

— Это ты ещё медведя не нюхал, — с усмешкой сказал я, помогая ему встать. — Тот обычно в говне весь, воняет так, что глаза слезятся.

Встав на ноги, он оглядел себя, потом подобрал горсть прошлогодних листьев и начал вытирать кровь со штанины.

— Чего делать будем? — спросил он. — Волков есть можно?

— Да чёрт его знает, — ответил я. — Вроде бы, можно, но я не пробовал. Может, лучше оленя поискать...

Я хотел сказать что-то ещё, как упомянутый олень вырвался из чащи и пронёсся в сторону поляны. Зверь был перепуган и не выбирал дороги. А на пути его оказались мы. Я успел увернуться, а напарник мой отлетел кубарем в кусты. Хорошо хоть на рога его не подняли, отделался лёгким испугом. Пришлось снова его поднимать.

— Не, я охоту не одобряю, — заявил он. — Дело хлопотное и опасное. Куда он побежал?

— Если я правильно понял, то на поляну, там безопасно и трава есть. Вопрос в другом: от кого он так резво убежал?

— Не хочу знать, — заявил я. — Пошли за оленем.

Олень нащёлся на поляне, местные травоядные, видимо, уже запомнили, что тут можно безнаказанно пастись, не опасаясь хищников. Правда, человек тоже хищник, а на него магические ограничения не распространяются. Животное уже успокоилось и мирно щипало траву и листочки с кустов по краям поляны. Оставалось только застрелить.

— Так что у тебя заряжено? — снова спросил я.

Женя так и держал в руках переломленное ружьё.

— Посмотри.

Заряжена была пуля, если правильно рассмотрел, жакан, отлично на крупного зверя, хотя, с учётом калибра, даже перебор.

— Закрывай, — скомандовал я. — Теперь взводи курки. Вот эти, которые сверху, ага, молодец, теперь приклад упирай в плечо и целься.

— А тут мушки нет, — растерянно заявил он, повернувшись ко мне.

— Конечно нет, это ведь обрез, — я вздохнул. — Тут расстояние метров десять, а то и меньше. Попробуй уже без мушки. Вот по этой линии горизонтально.

— А куда целиться?

— В шею, — сказал я, но тут же поправился, вспомнив о стрелковой подготовке моего спутника, точнее, о полном её отсутствии: — лучше в грудь, тогда точно убьёшь.

Выстрел, снап пламени и дыма, отбитые напрочь перепонки, Женя, летящий спиной вперёд в сторону леса, и олень, летящий в другую сторону с выпадающими внутренностями. Вот это ружьё, с длинными стволами можно пять слонов зараз пробить. Прошлый хозяин, видать, крепкий был.

Я помог стрелку встать, после чего мы пошли осматривать добычу. Олень был крупный, столько мяса мы не съедим точно. Впрочем, оно ведь тут не портится или портится очень медленно. Вот и будем постепенно подъедать, кто знает, сколько времени волшебник будет с книгами возиться. У него ведь гугл-поиска нет, придётся все книги перебирать, а некоторые в процессе пролистывать. Если вообще не забудет про нас.

— И как его разделать? — спросил Женя, нарезая круги вокруг труп животного.

— Сначала надо спустить кровь, — с важным видом сказал я.

— Так вон она, — он указал на лужу крови, пуля прошла точно через сердце, оставив дыру, в которую можно просунуть кулак, даже два кулака. — Думаю, там крови не осталось.

— Ну, тогда давай снимать шкуру, — сказал я, вынимая нож.

Свежевание и потрошение оленя отняли у нас около двух часов. Потом мы, измученные работой, принялись за готовку. Наломали дров, благо, их тут достаточно, разожгли большой костёр, а через полчаса там уже булькал котелок с наваристым супом из потрохов. Отдельно нанизали на деревянные прутья куски свежей вырезки, которые пожарим чуть позже, когда будут угли.

Попутно встал вопрос об источнике воды. Еды, допустим, у нас хватит на неделю и даже больше, а воду нам где брать? С другой стороны, старик не стал бы жить в засушливом месте. Или у него в пещере есть родник? Пришлось потратить время на разведку местности, но оно того стоило. Если пройти дальше вдоль склона, то там с горы спускался небольшой ручеёк. Достаточно, чтобы умыться и наполнить фляги. Единственным недостатком был ветер, который здесь бушевал с прежней силой. Ну и отлично, есть мысль здесь задержаться.

Когда наступила ночь, которая в этот раз пришла почти вовремя, мы валялись на подстилке из веток. Женя, разумеется, валялся в эйфории от укола, а я просто разомлел от обильной сытной еды и небольшой порции коньяка, который решил не экономить. Оленина оказалась слегка суховатой, но даже так удовлетворила бы вкус любого гурмана.

Когда начал наваливаться сон, я подбросил дров в костёр, а потом повернулся набок. Не знаю, что с нами будет завтра, а потому буду ценить редкие моменты счастья.

Поляна у дома волшебника была местом безопасным, если уж волки сюда не заходят, то всевозможная нечисть точно не сунется, у них на белую магию аллергия. Но даже так полностью расслабиться я не мог, ружьё лежало рядом, а револьвер я спрятал под подушку, в роли которой выступил вещевой мешок.

Волки, кстати, никуда не делись, несколько особей болталось где-то за пределами поляны. Но к нам они попасть не могли, поэтому сейчас активно жрали то, что есть. Перед сном я отнёс в лес всю оленью требуху, которую мы есть точно не станем. Вот и пусть поедят, что бог послал.

В последний раз глянув на ночное небо, я увидел луну. Вот только луна была не такая, рисунок был другой, а цвет вместо жёлтого был серебристо-голубой. Впрочем, стоило мне перевернуться на другой бок, как в глаза стала светить другая луна, теперь уже привычного

вида, правда гораздо меньше земной, зато более яркая.

Наплевав на астрономию, я прикрыл глаза воротником куртки, покрепче прижал к себе ружьё и спокойно заснул.

Глава двенадцатая

На поляне мы прожили, вопреки заверениям старого мага, не три дня, а целых пять. Я уже стал подумывать, что у старика склероз обострился, а потому он про нас благополучно забыл. Уже стал прикидывать, что через пару дней стоит собирать вещи и валить отсюда, глядишь, что-то ещё интересное найдём.

Но к вечеру пятого дня (условно, день тут был понятием растяжимым, время измеряли с помощью сна), когда мы отдыхали в шалаше (пришлось построить, поскольку погода тут переменчива, и временами начинался противный мелкий дождь), из скальной стены вышел Евстафий, который выглядел довольным собой, а под мышкой держал толстую книгу в кожаном переплёте.

— Добрый вечер, — сказал я, вставая. — Вы что-то узнали?

— Да, кое-что узнал, — он осмотрелся, отыскал взглядом ствол поваленного дерева и присел на него. — Пришлось, знаете ли, повозиться, но оно того стоило.

— Мы слушаем, — тут же подключился Женя.

— Так вот, начну издалека. Когда-то давно, точнее сказать не могу, жил да был один маг, не такой, как я, но тоже довольно сильный. Это был маг-артефатор, только он, помимо магической начинки, в вещах ценил красоту и надёжность. Из его рук выходили настоящие шедевры, которые при этом выполняли и магическую функцию. Например, в источнике описан чайник, который выпускал из себя воду, которая давала человеку невидимость. Простая вода, но, стоит её вскипятить в этом чайнике, человек, выпивший хотя бы кружку, становился невидимым на полчаса. Тот, кто покупал эти вещи, знал об их свойствах, но потом люди умирали, вещи терялись, меняли хозяев, а об их магических свойствах забывали, что приводило к многочисленным конфузам.

— Интересно, — сказал я, пользуясь паузой.

— Более чем, — согласился старик. — Так вот, под конец своей жизни он по каким-то причинам поссорился с богами. Не знаю, в чём была причина, возможно, он сам хотел оказаться среди них, источник этот вопрос освещает как-то невнятно. Но боги его, что называется, поставили на место, заключив в подземелье, где не было ничего, кроме камня и тьмы.

— А питался он чем? — тут же спросил Женя.

— Сложный вопрос, источники обычно это не освещают. Так вот, сидя взаперти, он не оставил своих планов на победу, а потому захотел создать оружие. Мы ведь помним, что он умел делать любые вещи и начинять их магией.

— А из чего делать оружие, если вокруг ничего нет? — спросил я.

— Вот именно, как говорится в книгах, он несколько лет просидел во тьме, размышляя над этим вопросом. А потом придумал. Он создал оружие, настолько мощное, что им можно сразить бога. Это был меч, не знаю точно, как он выглядит, знаю только, что материалом послужила сама тьма. А потом он занялся его магической зарядкой. Как оказалось, этот меч приобретёт свою мощь только тогда, когда напитается душами. То, что вы назвали странным словом экспа. Той силы, что была дарована мечу изначально, хватило, чтобы с его помощью разрушить стены темницы и сразить стража ворот. Страж этот описан по-разному, где-то это великан с двумя головами, которые спят по очереди и не отвлекаются от охраны, в других

источниках он описан, как огромный змей с крыльями, также есть упоминания о тёмной фигуре в плаще, под которым клубилась сама тьма. Но это, в общем, неважно. Важно то, что маг вырвался на свободу. Оставалось только закончить подпитку меча.

— Но не дали, — сказал я.

— Именно, боги выследили его и убили, по другой версии он убил себя сам, а душу заключил в меч. Боги пытались уничтожить артефакт, но не смогли. Тогда они спрятали его в одном из дворцов, где его стерегли верные слуги.

— И не устерегли? — уточнил я.

— Разумеется, да и сами боги со временем потеряли интерес к такому оружию. Мир бури слишком велик, чтобы обращать внимание на всё, тем более что меч в своём состоянии был им не опасен. Потом, некоторое время спустя, сроки я не указываю, потому что полноценного измерения времени у нас нет, этот меч похитил один человек, прославленный герой, который хотел приобрести оружие, с которым можно охотиться на драконов.

— У вас драконы есть? — с испугом спросил я.

— Где-то есть, — расплывчато ответил старый маг. — Я, сказать по правде, ни одного не видел, но старинным книгам склонен доверять. Так вот, он украл этот меч, нашёл нескольких драконов и сразил их. Понимаете, к чему привело?

— Меч зарядился? — сказал Женя.

— Не совсем, но был близок к тому. Драконы — разумные существа, при этом хищники, а живут они очень долго, соответственно, их души напитали собой меч, а узоры на его клинке налились огнём. Тут бы богам заинтересоваться событиями, да только они не успели. Вместо них это сделали люди. Нашлись завистники, которые подстерегли охотника ночью, когда он спал, убили и забрали оружие. Но оказалось, что для того, чтобы быть героем, недостаточно одного меча, нужно также воинское умение и храбрость. В итоге меч сменил нескольких хозяев, им временами кого-то убивали, сложилось мнение, что меч, оказавшись в руке человека, слабого духом, начинает им управлять, сводит с ума или даже убивает. А потом меч, как говорится в источниках, пропал бесследно.

— Как-то не обнадёживает.

— Не спешите падать духом, — старик улыбнулся в бороду. — Следующие источники вспоминают об этом мече, но уже как о легенде, говорят некоторые, что когда-то давно был такой меч... Но вот что узнал я. Одна из книг, которая вообще непонятно как оказалась в моей библиотеке, описывает странный случай. В оазисе Чёрное Солнце завёлся призрак, который пугал гостей и крал вещи, говорили, что это дух умершего вора, который и после смерти не оставил своего любимого занятия. Так вот, его пытались изгнать, но даже маги оказались бессильны (подозреваю, это были плохие маги, или они не хотели его изгонять), тогда правитель оазиса отправил своего сына, чтобы тот поймал призрака и убил его, а в качестве оружия выдал ему некий меч.

— Тот самый?

— Сложно сказать, известно, что меч был чёрным, сделан из непонятного материала, а на клинке имелись узоры, некоторые даже называют их письменами. Они были словно золотые, но в момент убийства наливались огнём. Думаю, признаки очень красноречивые. Так вот, парень убил призрака этим мечом, тот как будто всосал в себя его душу. После этого он вернул меч отцу и тот снова его спрятал. История эта забылась бы, но сын правителя впоследствии покинул родной оазис и стал путешественником, обошёл кучу мест и оставил подробные записки. Среди них упоминается и этот эпизод.

— Ну, тогда всё ясно. — сделал я вывод. — Где находится этот оазис?

— Если бы я знал, где находится этот оазис, — грустно улыбнулся старик. — Сам не поленился бы туда сходить. Пусть я больше книголюб, чем воин, но магический артефакт такой силы достоин всестороннего изучения, вряд ли ему место там, где он находится сейчас.

— Так, — я вздохнул, но сдаваться пока не хотелось. — А есть какие-то способы разузнать? Может быть, есть люди, которые что-то знают.

— Люди, разумеется, есть, думаю, кто-то из торговцев может что-то знать, или же путешественники, вроде вас. Думаю, если постоянно задавать один и тот же вопрос всем, кто-нибудь на него обязательно ответит.

— А в каком состоянии меч? — спросил Женя. — Скольких ещё им нужно убить, чтобы он пришёл в кондицию?

— Этого я не знаю, думаю, что убивать им следует не людей, а какие-то иные сущности, которые для него более полезны. Вот, к примеру, уже известные вам вампиры. Или призраки, или некие великие воины.

— Допустим, мы найдём его, — предположил я. — А потом что? Боги ведь к нам не явятся. Их как-то вызвать нужно.

— Боги... — он помолчал. — Боги — это такие сущности, которые почти не появляются в мире, они сидят где-то, уставшие и равнодушные, их тоже нужно будет искать. Тут я вам ничего подсказать не смогу, нужно искать служителей культа, тех, кто поклоняется этим богам. Они есть, есть храмы и алтари, есть и служители, и сектанты.

— А как богов зовут?

— Имена богов произносить нельзя, — развёл руками Евстафий. — Но вы можете использовать прозвища. Те боги, которых можно найти в мире бури, зовутся обычно Дромон и Волот. Что же до их облика, то тут полный простор для фантазии, первый чаще бывает в облике крылатой ящерицы, некоторые называют его василиском, но нет, василиска я видел, он другой. Просто ящерица с крыльями. Второй, Волот, появляется чаще всего в виде огромного человека, вид у него дикий, одет в шкуры, а в руках дубина. Люди не узнают в нём бога, не может бог быть таким страшным, косматым и могучим. Как бы то ни было, а плотское воплощение у них есть, а значит, их можно и убить.

— Осталось только найти, — подвёл я итог. — А это что за книга?

Я указал пальцем на толстый том, что он так и держал при себе.

— Ах, это, — он взял книгу в руки. — Это я хотел подарить вам. Хвастать не хочу, но эту книгу написал я сам. Дело в том, что путешественники в буре часто гибнут от встречи с неведомыми существами, просто потому, что не знают способов им противостоять. Так вот, я создал справочник, где перечислены почти все чудовища, опасные и не очень. Там же описаны способы борьбы с ними.

— Вы всех монстров повидали? — восхищённо спросил Женя.

— Нет, что вы, я ведь книголюб, моё дело — сидеть в библиотеке и листать книги. К счастью, всё это было изучено до меня. Я просто почерпнул знания из других источников, каковых нашёл более двадцати. Всё это собрал в одном томе и описал понятным языком. Думаю, вам это пригодится. И ещё: если у вас всё получится, то, прошу вас, когда меч станет ненужным, отдайте его мне, с удовольствием изучил бы сей артефакт.

— Ну, спасибо вам, — я взял книгу из его рук. — Не уверен, что у нас вообще что-то получится, но рад уже и тому, что имею надежду. И ещё вопрос: куда нам идти теперь? Тут

поблизости что-то есть? Города, деревни, может быть, реки?

— Если пойдёте... — он запнулся, вспоминая стороны света, в результате решил не умничать и показал пальцем, — вон туда, то попадёте в поле кристаллов, огромные кристаллы, больше человеческого роста, там немудрено заблудиться, часто бывают всякие световые иллюзии, часто можно увидеть то, чего нет. Старайтесь не расставаться и идите всегда в одном направлении.

— А обойти его никак? — уточнил я.

— Обойти можно, да только с одной стороны к полю примыкает непролазное болото, где водятся очень неприятные существа, а с другой оно упирается в горную гряду, частью которой является и мой дом. Лучше идите напрямик.

— А дальше что?

— Дальше будет река, а через реку мост. На мосту, кстати, могут быть разбойники, помните об этом. А там, если идти по дороге, будет постоянный двор, там вы сможете отдохнуть, поспать, и, может быть, узнать что-то полезное. Что находится дальше, я точно сказать не могу, тут часто всё изменяется.

— Что же, спасибо вам за всё, Евстафий Васильевич, — я неглубоко поклонился, Женя повторил мой жест. — Мы отправляемся в путешествие, вы подарили нам надежду.

— Желаю вам, чтобы на вашем пути было больше света, — он поклонился нам в ответ и пропал. Осталась только книга, что так и лежала на стволе дерева.

— Пошли, — кивнул я своему спутнику.

— Пошли, — он не стал спорить, схватил книгу и сунул в свой мешок.

От логова старого мага мы отошли километров на десять. Снова налетел ветер, а небо, которое ещё пару часов назад было чистым, затянуло тучами. Сейчас был день, но солнца не было, а потому вокруг стояли сумерки.

Поле кристаллов издали выглядело, как странное стеклянное сооружение. Отдельных фигур там было не рассмотреть, просто серое стекло. По мере приближения стало возможным рассмотреть фигуры. Представьте себе столб из прозрачного материала, гранёный кристалл высотой метра три, торчащий из земли. Вот только классический кристалл торчит вертикально и не имеет выступов. Иногда расширяется кверху. Здесь же они ветвились, напоминали человеческие фигуры, иногда срастались между собой. А ещё в них наблюдалась какая-то невероятная игра света. Думаю, даже хорошо, что мы зашли сюда в пасмурную погоду, луч, попавший в это поле, начинал жить своей жизнью, переламывался десятки раз, расщеплялся на семь цветов и собирался снова, попадал в глаза и уходил вдаль.

Я огляделся вправо и влево. Да, обойти вряд ли получится, столбики кристаллов уходили вдаль, насколько хватало глаз.

— Не нравится мне тут, — жалобно проговорил Женя. — Не нравится, и всё. Чую какую-то засаду.

— Мне тоже не нравится, — согласился я. — Но идти надо. Думай, как отдохнём на постоялом дворе.

— Мне и на поляне неплохо отдыхалось, — сказал он равнодушно, а потом шагнул вперёд.

Я тут же потерял его из вида. Пришлось срочно двигаться за ним, к счастью, он не успел пропасть окончательно, я догнал его за следующим кристаллом и ухватил за рукав.

— Давай разделяться не будем, — предложил я. — И направление надо выдерживать.

Дальше мы шли, держась друг за друга. А вот с направлением тут было сложно.

Кристаллы выросли хаотично, без какой-либо системы. Грунт под ногами был каменистый и имел серьёзные перепады высоты, до метра туда-сюда. При этом не было ни одного прямого пути, постоянно приходилось обходить, пригибаться, перепрыгивать. Через несколько минут я уже не мог с уверенностью сказать, в ту ли сторону мы идём. Если выйдем с другой стороны, хорошо, если вернёмся обратно, тоже здорово, сможем попробовать ещё раз, а если мы сейчас двигаемся вдоль поля, то можем с успехом блудить ещё неделю, пока не упрёмся в скалу или болото.

— Ты понимаешь, куда мы идём, — спросил я своего спутника, останавливаясь.

— Ну... туда, — он ткнул пальцев вперёд.

— А это правильное направление?

— Не уверен, — он пожал плечами. — Но идти-то надо.

Пришлось согласиться, но тут события приняли неожиданный оборот. Внезапно прекратился ветер, что в данных условиях могло означать только одно: мы оказались в центре очередного вихря. А вдобавок на небе появилось солнце, свет которого отчего-то имел зеленоватый оттенок. Солнечные лучи, попав в кристаллы начали такую игру, что впору было закрывать глаза, чтобы не ослепнуть. Так мы и поступили, о том, чтобы двигаться вперёд, речи уже не шло. Потом, к счастью, набежали облака, яркость убавилась, мы попытались двигаться вперёд, но тут я заметил, что в кристалле, стоявшем передо мной, что-то происходит. Его словно чернилами изнутри заливали. А потом чернила стали расплываться и приобретать форму. Тут я увидел себя, стоявшего на мосту. Мост был огромным, по нему ходили поезда, а внизу клубилась тёмная бездна.

Потом показали Женю, он выглядел плохо, лежал на земле и извивался от боли. Потом снова его, но уже с красными глазами и клыками, как у вампира. Потом налетела стая летучих мышей, я отшатнулся и упал на спину.

— Что, глюки? — спросил Женя, помогая мне подняться. — У меня тоже.

— Тоже? — удивился я.

— Конечно, каждый второй кристалл кино показывает, правда, херню всякую, но мне не привыкать.

— Что, например? — спросил я, когда мы снова двинули вперёд, теперь уже старался не смотреть на кристаллы.

— Ну, кровь, трупы, верёвка с петлёй, всё такое... весёлое, — объяснил он. — Ещё каких-то солдат видел, старого образца, с мушкетами. Видел костры до неба. Неважно.

И тут мы замерли. Кристалл, что встретился нам, был самым большим, в объёме метров десять, одна грань шириной в полметра. И на этой грани мы увидели то, что заставило нас остановиться.

Сначала это были всё те же летучие мыши, потом они разлетелись в стороны, а нашему взору предстало бледное тело матери вампиров. Огромная нагая женщина, которую, при других раскладах я посчитал бы сексуально привлекательной, стояла перед нами. Кожа бледная, как мрамор, а на ней выделялись кроваво-красные губы. Глаза горели красным из-под огромной гривы чёрных волос.

— Ты видишь? — спросил я.

— Вижу, — шёпотом проговорил он. — И мне это не нравится.

— А чего? — я попытался шутить. — Красивая ведь.

— Не люблю брюнеток, — отмахнулся он.

Тут до нас стало доходить, что кристаллы не просто показывают кино, это ещё и связь с

другими местами. И вампирша эта здесь неспроста, и не только мы видим её, видит и она нас.

Я поднял взгляд на неё и понял, что Женя прав. Она нас видит. Сама где-то далеко, но через эти кристаллы мы можем общаться, как через скайп. Она смотрела прямо на меня. Потом внезапно улыбнулась, убрала клыки и откинула волосы с лица. Нормальное лицо, даже красивое, несмотря на бледность, да и фигура у неё, если, конечно, не обращать внимание на общие габариты, сиськи по ведру, но на большом теле смотрятся пропорционально. Талия довольно узкая, жопа на месте. Внезапно я осознал, что хочу к ней, сделал шаг вперёд и протянул руку.

Тут мой напарник толкнул меня плечом, сбить не получилось, я вдвое тяжелее, но внимание отвлек, а когда я снова взглянул вперёд, то увидел оскаленную харю вампира, рот, запахнувший сантиметров на двадцать и клыки размером с мой палец. Она бросилась вперёд, но кристалл потемнел и треснул, а видение исчезло.

— Что это было? — спросил Женя.

— Ну, — я не знал, что ответить. — Она поманила меня, стала такой красивой, мне вдруг захотелось...

— Вампирский зов, — уверенно заявил он. — Ты прямо слюни пускал, так хотел к ней попасть.

— А на тебя не подействовало, — заметил я.

— Так она сразу на тебя нацелилась, а даже если зов по площадям бьёт, у меня ведь амулет. Старикан хорошо нам помог.

Он вынул и показал костяную пластинку.

— Ещё вопрос, — продолжил я. — А какого беса меня звать? Она ведь не здесь? Или можно через кристалл к ней улететь?

— Всё может быть, а может, это задел на будущее, как увидишь её, сразу встанет, и забудешь обо всём. А может, она умеет на расстоянии энергию выпивать. Может быть, посадила тебе ментального слизня, он тебя на расстоянии контролировать будет.

— Ладно, забыли, пока, — сказал я, стараясь поскорее вытряхнуть из головы воспоминания о прекрасной женщине. — Пойдём уже, направление не забыл?

— Я его и не помнил, — честно ответил Женя, но вперёд пошёл с энтузиазмом.

Как ни странно, а на ту сторону мы всё же выбрались, хотя и потратили на это целых три часа. Снова навалился пронизывающий ветер, а вдобавок ощутимо похолодало, впереди была река, то есть, мы её пока не видели, но она должна быть. Скоро под ногами появилось подобие дороги, по которой мы и пошли.

Глава тринадцатая

От поля кристаллов до моста оказалось не так уж и близко, протопали мы часа два, прежде, чем услышали негромкое журчание реки. Дорога упиралась прямиком в мост. Осталось только перейти его и искать постоянный двор.

— Мне это напоминает компьютерную игру, — сказал Женя. — Сюжетный квест мы уже получили, теперь долгая дорога к цели и обязательный экшен на каждом перекрёстке. Чтобы, значит, экспы набить. Волки уже были, вампиры были, а вот разбойников пока не видели.

Разбойники, если это были они, ждать себя не заставили. Река была шириной около тридцати метров, не очень глубокая, но вброд точно не перейти, если только на перекате. С быстрым течением, что тоже затрудняло переправу. По всему выходило, что путникам мимо

моста пройти никак. А на мосту вертелся подозрительный тип. Небольшого роста, в просторных полотняных штанах и коротких сапогах, которые, совершенно очевидно, просили каши. На голый торс была накинута овчинная душегрейка, тепла от которой явно не хватало, поэтому он не оставлял попытки закутаться в неё целиком. Особо опасным он не выглядел, комплекция хилая, но за поясом торчал небольшой топор. Топор, кстати, явно не рабочий, таким головы разрубать.

— На мосту стоял прохожий, на... кого-то там похожий, — продекламировал Женя в задумчивости.

— Вдруг откуда ни возьмись появился кое-кто, — закончил я. — Что делать будем?

— Этот дрищ тут неспроста стоит, — доверительно сообщил Женя, — там рядом засада, он только провокатор.

— Тогда ружьё под рукой держи, — посоветовал я, проверяя, легко ли вынимается револьвер.

Мы зашли на мост, поравнялись с мужиком в душегрейке. Он вскинул голову в какой-то облезлой тубетейке, встопорщив тонкую козлиную бороду. Явно готов задираться.

Вот только нарваться на оплеуху он не успел, Женя, прекрасно знающий, что сейчас будет, не стал дожидаться и решил ускорить развитие событий. Мужик только открыл рот, как тощий кулак фармацевта влетел ему в переносицу. Удар, что характерно, был так себе, легковес работал, куда больше впечатление неожиданность, мужик охнул и сел на жопу. Из носа потекли две тонкие кровавые струйки.

И. разумеется, реакция не заставила себя ждать.

— Вы почто убогого обижаете?! — из-под моста вывернулся огромный мужик с топором в руке, был он на голову выше меня, косматый и с большой, чёрной, как у цыгана, бородой. На широченные плечи была наброшена просторная шуба из неизвестного зверя, не первой свежести, но явно дорогая.

— А ты чего лезешь? — окрысился Женя, выдвигаясь вперёд с ружьём, смотреть было смешно, мужик тот был втрое тяжелее, а на фоне хлипкого фармацевта смотрелся просто гигантом. — Адвокат его? Вали отсюда...

Бородач слегка растерялся от наглости мелкого фармацевта, впрочем, в атаку лезть ему и не следовало, поскольку сила перестала что-то решать с тех пор, как изобрели огнестрельное оружие. Из-под моста вылезали и другие участники предстоящего веселья, было их всего семь, да их могучий предводитель, да мелкий дрищ в душегрейке, который так и сидел на досках моста, размазывая по лицу кровавые сопли.

События стали развиваться стремительно. Мужик замахнулся топором, Женя сделал шаг назад, вскинул ружьё и спустил курок. То ли эти люди никогда не сталкивались с огнестрельным оружием, то ли решили показать свою лихость, то ли просто были дураками. Грянул выстрел, Женя уже привычно кубарем откатился назад, мужик сложился пополам и рухнул лицом вниз, из прорехи в шубе торчали окровавленные рёбра.

В атаку кинулись остальные, но тут начал стрелять я. Картечь по плотной толпе, а они стояли именно плотной толпой, хотя ширина моста позволяла рассредоточиться, даёт отличный результат. Шесть выстрелов вынесли четверых, ещё двое были ранены. Перезаряжать некогда, поэтому я выхватил револьвер и стрелял почти в упор.

Женя зачем-то бросил ружьё и выхватил мачете, дрался он плохо, но храбро, смог отогнать мужика с кистенем, который едва меня не достал. Стальной шар разминулся с моей головой всего на пару сантиметров. Револьвер, что характерно, дал две осечки, но и

оставшихся выстрелов хватило, чтобы покончить с бандитским беспределом на мосту.

— Готово, — выдохнул я и опустил пистолет, наблюдая. Как в нашу сторону тянется едва заметный дымок от мёртвых тел. Но не о всех, тот, что стоял дальше всех, определённо был жив.

— Вон тот живой, — сказал я Жене, указывая пальцем.

— Вижу, — весело отозвался он, его всё происходящее явно забавляло. — Сейчас будет мёртвый.

— А ты почему второй раз не выстрелил? — спросил я, когда мы склонились над телом.

— Я стрелял, только патрон остался старый, которым оленя убил.

У меня опустились руки. Он даже патрон не заменил. Никакой дисциплины, безалаберность, возведённая в Абсолют, надо всё самому проверять.

Мужик был ранен, пуля из револьвера пробила ему предплечье, кровь текла обильно, но он терпел и старательно притворялся мёртвым. Женя присел рядом и достал складной нож. Открыл лезвие и тихонько ткнул его в щеку.

— Слышь, мужик, ты не прикидывайся, а то сейчас резать начну.

Он открыл один перепуганный глаз и посмотрел на нас.

— Для начала вырежу тебе глаз, — сообщил Женя доверительно. — Потом воткну острие под ноготь, а ногтей у тебя целых десять. Если будешь упираться, то придётся развести костёр, а вот тогда...

— Не губи, — заскулил мужик, это явно был не самый авторитетный бандит, комплекцией мало отличался от первого провокатора, одет в какие-то лохмотья, и с такой же точно козлиной бородой. — Чего тебе надо?

— Мне?! — фальшиво удивился фармацевт, — ничего, мне просто нравится людей мучить, прикинь.

Раненый снова закрыл глаза и заплакал навзрыд.

— Если тебе интересно, — добавил я, — я могу его остановить. Только ты должен нас заинтересовать.

— Чего?

— Выдай нам, где ваше добро хранится, тогда, глядишь, просто уьём.

— У атамана, в поясе, — он распахнул глаза, полные слёз. — Там всё, он себе забирал, не губитеееее...

— Проверь, — скомандовал я.

Пояс у атамана был солидный, широкая кожаная лента в палец толщиной, пряжка весом чуть ли не в килограмм, поизучав его в течение нескольких минут, мы выяснили, что пояс непростой. Материал распадался на две полосы, между которыми имелся тайник. Видать, не доверял своим атаман. Что у нас тут?

Раненый, воспользовавшись тем, что наше внимание было отвлечено на пояс атамана, попытался уползти, но Евгений тут же пресёк, воткнув с размаха нож ему в бедро. Мужик завыл противным голосом и отключился. А в поясе всё было дорого-богато десятков золотых монет, тридцать две серебряных, несколько цепочек, браслет, какой-то амулет, тоже золотой. Пара тяжёлых колец-печаток с непонятными иероглифами, а ещё серьги, золотые и серебряные, с камнями и без. Пояс, сам по себе немалый, с таким грузом весил килограмма три.

— Думаю, будет на что в кабаке гульнуть, — сказал я, ссыпая ценный груз в мешок.

— Амулет сразу не продавай, вдруг волшебный, — предложил Женя.

— Да я и монеты серебряные не отдам, — сказал я. — Если получится, пули отолью.

— Точно, — сказал он, серьги тоже из серебра отбери, можно прямо так засыпать, как картечь.

Больше мы ничего ценного не нашли, оружие у бандитов было дрянным, одежда — изношенной, а сапоги на глазах разваливались, по правде говоря, содержимого пояса атамана явно хватило бы на новый гардероб для всех, но, видимо, возникла проблема с реализацией награбленного. Раненый разбойник всё-таки умудрился сбежать. Отполз к краю моста, а потом плюхнулся в воду и поплыл. Стрелять вдогонку не стали, патроны нужно экономить. Может, потом в кабаке купим, мне, собственно, только порох нужен и капсюли.

Пришлось потратить время, чтобы перезарядить револьвер. Делать это на ветру очень неудобно. Это с ружьём просто, только патроны засовывать, а тут приходится сыпучий порох пересыпать в каморы, а он того и гляди разлетится по ветру.

Дальше шли по дороге, больше ничего опасного не встретили, даже местность стала напоминать обжитую. Вот какие-то избышки стоят, но на постоянный двор не похоже, просто избы местных крестьян. Самих крестьян, правда, не видать, но тут всё время так.

То, что можно было назвать постоянным двором, обнаружилось в десятке километров от моста. Мы в пути дважды присаживались отдохнуть, но есть пока не стали в надежде, что там подадут горячего. Дорога сильно изгибалась, огибая небольшой лесок из тонких молодых деревьев, а сразу за поворотом обнаружилось интересное строение.

Я бы назвал это деревенькой. Обширное пространство, обнесённое довольно серьёзным частоколом. Явно защита от кого-то нехорошего. Ну, мы-то хорошие, нас пустят. Внутри несколько зданий, одно, самое высокое, видимо, и есть гостиница, а рядом конюшня, баня, бордель и кабак. Ну, я так думаю.

Дорога отчего-то упиралась в глухой забор, а вход пришлось поискать. Вот он, две большие створки на столбах. Хорошо поставлены, так просто не вынести, даже тараном придётся долго стучать. Встав у ворот, я осторожно постучал. На уровне глаз открылось окошко.

— Кто такие? — в окно высунулось крысоподобное лицо привратника.

— Путники, — спокойно сказал я. — Хотим согреться, отдохнуть и перекусить, открывай ворота.

— Путники? — он пошевелил губами, пробуя произнести это слово. — Да, путники, проходите.

Одна створка подалась вперёд, ровно настолько, чтобы мы смогли протиснуться внутрь. Внутри, как по заказу стих ветер, более того, откуда-то выглянуло солнце, которое сейчас клонилось к закату. Так и есть, большие рубленые избы, вон там явно кормят, нос безошибочно ищет вкусные запахи. Мимо проехала лошадь с сидящим на ней молодым парнем, одетым в кожный плащ. На плече висела какая-то винтовка очень древнего вида, а на голове была ковбойская шляпа. Прямо с Дикого Запада сюда нагрянул. Хотя, может и нагрянул.

Следуя за вкусным запахом, я распахнул двери харчевни. Пахнет в самом деле неплохо. Тут и мясо, и специи, и квашеная капуста. Ещё и пивом несёт, с удовольствием бы выпил свежего. Внутри царил полумрак, пришлось подождать, пока глаза привыкнут.

— Странно, — сказал Женя.

— Что странно? — не понял я.

— Я думал, тут как в салуне, все водку жрут, баб лапают, и дерутся так, что в окна

вылетают. А тут тихо.

Внутри действительно было тихо. Народ есть, но никто никого не бьёт, никто не блюёт под стол и не стреляет в потолок. Все сидят чинно, едят, пьют что-то из больших кружек, беседуют. Вон, прямо у входа сидят три мужика и баба, по виду крестьяне. Я бы сказал, конца девятнадцатого века. Но явно из зажиточных, голодными не выглядят, одежда целая, без заплат, на ногах сапоги, да и стол богатый. Откуда в буре крестьяне? А чуть дальше трое явно современных людей, в нормальной одежде, джинсы, свитера, плащи. Последние сейчас висят на спинках стульев. У одного там же висит автомат, точнее, пистолет-пулемёт странной конструкции, но явно не кустарщина. У второго винтовка болтовая к стулу прислонена, тоже серьёзная, явно в двадцатом веке сделана. Чуть дальше сидят четверо мужиков, похожих на пиратов. Одежда пёстрая, у одного глаз с повязкой, другой выбрит наголо и с кинжалом за поясом. Дальше сидели ещё какие-то, но я не рассмотрел.

Переступив порог, мы отправились к стойке, за которой стоял солидный мужчина лет пятидесяти, с бородой и коротко стриженный. Волосы седые, но сам ещё крепок, руки такие, что кочергу узлом завяжет. Смотрит смело, никого не боится, но и на скрагу не похож.

— Добрый вечер, — сказал я.

— И вам того же, путники, — ответил он спокойным глуховатым голосом.

— Здравствуйте, — немедленно влез в разговор фармацевт. — Вы не в курсе, где находится оазис Чёрное Солнце?

Я попытался его осадить, но было поздно. Ладно, раз уж спросил, то нужно ответ выслушать, вдруг трактирщик что-то скажет.

— Чёрное Солнце? — он задумался на полминуты, потом выдал ответ: — когда-то давно один из наших постояльцев говорил, что бывал там, а ещё сказал, что ему не понравилось. Сказал, что оазис этот у чёрта на рогах, кормят там плохо, какие-то разбойники везде снуют, да и местность там такая, что пожить нечем. Впрочем, человек тот сам недалеко ушёл от разбойника.

— Ясно, а потом он куда направился?

— Да кто же знает, давно это было, думаю, его уже и на свете нет.

— Ясно, тогда скажите, что у вас можно делать?

— Это корчма, здесь едят, пьют, отдыхают. Постоянно здесь живёт совсем немного народа, всё больше пришлые гости. Мы принимаем всех, даже тех, кто не может заплатить, даём работу и кров. Здесь запрещено драться, сквернословить, воровать, мусорить и поджигать дома. Всё остальное можно, цены умеренные, еда вкусная, выпивка добрая. Присаживайтесь за стол, места хватит всем.

Мы и присели. Немедленно появилась красивая девушка лет двадцати, скромно одетая, но привлекательная. Вообще, тут явно не Средневековье. Сам трактирщик, которого, как мы узнали у официантки, звали Николай, одет в брюки и белую рубашку, не новую, но чистую и застёгнут на все пуговицы. Девушка в свободном платье серо-зелёного цвета, длиной чуть ниже колен, ей очень идёт, фигуру не скрывает. Ну а посетители одеты, кто во что горазд, тут уже полный простор для творчества. Интересно, а как трактирщик драки пресекает? Он, конечно, силен, но посетители-то с оружием, таких попробуй угомони, особенно, если напьются.

— Что посоветуете? — спросил я.

— Советую жаркое из оленины, — сказала она, — сейчас как раз готовим.

Мы с Женей переглянулись, он покачал головой. Оленина — это хорошо, но, если есть

её без малого неделю на завтрак, обед и ужин, это немного надоедает.

— Рыба есть?

— Да, сом печёный, тоже неплохой, в молоке вымочен.

— Вот и принесите, а на гарнир... картошка есть?

— Есть, варёная.

— Несите, зеленью присыпьте сверху. Ну и выпить чего-нибудь.

— Водки?

— А пиво есть?

— Да.

— Кувшин и две кружки.

Девушка ушла, как-то неоднозначно стрельнув глазами, а я повернулся к своему собеседнику.

— О чём задумался?

— Тут как-то странно, ты не находишь?

— А что именно?

— Ну, смотри. Нам тут оленину предложили, сома печёного, картошку и ещё что-то. А ты вокруг фермы видишь? Сомневаюсь, что в этом климате вообще что-то может расти. И рыба тут не ловится. Откуда всё?

— Согласен, странно.

— Второй вопрос: а почему все такие тихие. Трактирщик запретил морды бить и матом ругаться, смотри. Все пьют, как на поминках, никто не орёт и соседа не задирает.

— Может, просто народ такой попался?

— Ага, ты на рожи их глянь, головорезы лютые, а ведь присмирели. Что-то не так с этим местом.

— Ну, Евстафий рекомендовал, вряд ли нас на убой пошлёт.

— А я и не говорю, что здесь логово людоедов, просто отмечаю странности.

Тут мы прекратили беседу, поскольку снова подошла девушка с кувшином тёмного пива. Я тут же с благодарностью взял кувшин и налил в обе кружки.

— Или ты не пьёшь? — уточнил я.

— Отчего же, пиво пью, хоть и нечасто. Тёмное?

Я отхлебнул и поболтал напиток во рту. Неплохо, газа, разумеется, почти нет, но в остальном очень приятный напиток.

— Да, отличная штука.

Пока дожидались заказа, я успел переговорить с соседями. Начал с тех, кто сидел слева от нас. Это были современные люди с современным оружием. Их было трое, а стульев четыре.

— Не возражаете?

— А если возражаем? — спросил один, молодой, крепкий и со странной причёской, волосы были выбриты по бокам головы, а сзади имелся длинный хвост.

— Тогда я сейчас уйду, просто поинтересоваться хотел.

— Ну, интересуйся, — сказал второй, постарше, хорошо за сорок, худой, жилистый и с бритым наголо черепом. Напоминал матёрого уголовника, разве что классических татуировок на пальцах нет.

— Мне в одно место нужно, называется оазис Чёрное Солнце. Не слыхали про такой?

— Ты в людном месте не говори такое, — посоветовал бритый. — Не самое хорошее

место, не все любят людей оттуда.

— Но где-то оно есть?

— Есть, но соваться туда не советую.

— А может, направление показать сможете?

— Там направление показать мало, знаешь, давай позже поговорим, часа через четыре мы снимаемся, перед этим побеседуем без свидетелей.

— Понял, — кивнул я и ретировался обратно за столик.

На столе уже стоял чугунок с картошкой, явно только что сваренной, а рядом на большой тарелке официантка выложила большие куски сома, хорошо пропечённые и с зеленью.

— Вы сейчас заняты? — спросил я у девушки.

Она осмотрелась вокруг, все посетители были заняты едой и выпивкой, никто ничего не просил.

— Что вы хотели?

— Если не трудно, можно задать пару вопросов?

— Я не всё знаю, можете спросить у отца.

— Не хочу его отвлекать, — я развёл руками.

— Хорошо, — она присела, — спрашивайте.

— Про оазис Чёрное Солнце слышала? — тут же влез Женя.

— Слышала, но только что-то плохое, теперь уже не вспомню. Что-то про колдунов и некромантов.

— Даже так?

— Ну, я плохо помню, это обрывки разговоров.

— Ладно, это неважно, — я махнул рукой. — Расскажи нам об этой корчме. Что здесь происходит? Откуда продукты, выпивка? Отчего здесь так спокойно, притом, что посетители натурально бандиты?

— Спокойно здесь оттого, что мой батюшка не разрешает буяннить.

— А... как? — не понял я. — Они ведь с оружием.

— И что? Это ведь его корчма, тут его законы. Тут оружие не стреляет, а он может любого вытряхнуть наружу, и тот ничего не сможет ему сделать. А продукты у нас свои. Тут... — она задумалась, явно попало что-то, что не заложено в программу, — они тут просто есть.

— То есть, появляются прямо здесь, а вы только готовите? — уточнил я.

— Да, кое-что привозят, например, воду. А продукты местные, берём со склада, где они никогда не заканчиваются.

Она говорила об этом так спокойно, словно речь о чем-то само собой разумеющемся.

— Так, с этим ясно. А что ещё. Вот здесь, в буре, кто живёт?

— Разные люди, они путешествуют, на месте никто не сидит, а путникам нужен отдых.

— А деньги куда деваете?

— Деньги нам особо не нужны, мы просто складываем их, никогда не накапливается много.

— Ясно, — Женя сделал какие-то выводы, — самоподдерживающаяся система. Бесконечные запасы, деньги потом перераспределяются искусственным образом.

— Ничего не понял, — честно сказал я.

— Это не люди, не здания, не постоянный двор, это функция. Самоподдерживающаяся.

— Это оазис, — сказала девушка. — Вы разве не знаете, что такое оазис?

— Объясни, — попросил я.

— Остров спокойствия в буре. Остров, на который не распространяются её законы. В буре есть много разных мест, есть места, где человеку не выжить, есть города, новые и старые, есть такие, что обратились в руины, есть и те, что выглядят покинутыми вчера, они из разных миров, разных эпох и даже измерений...

Она говорила дальше, а я понимал, что это не она, да её и самой-то, скорее всего, нет. Есть функция, есть явление природы бури, островок спокойствия, а она, как и её отец, — только внешние проявления. А теперь я нажал на кнопку «получить информацию», мне включили магнитофонную запись.

— Спасибо большое, — сказал я, когда она перестала говорить. — Теперь мы знаем больше. Подскажите ещё, а баня здесь есть?

— Баня?

— Да, место, где моются.

— Лучше с девками, — подсказал Женя.

— С девками?

— Да, такие женщины, которые с мужчиной ходят в баню и... помогают ему мыться.

— Я скажу отцу, он отправит банщицу, — сказала она и удалилась, нужно было нести новый заказ.

После обильной трапезы мы отправились в баню, девок никто не прислал, пришлось мыться самим. Баня была большим деревянным зданием в дальнем углу оазиса. Рядом была будка, где сидел толстый мужик в фартуке, как я выяснил, это цирюльник, может подстричь, побрить и пустить кровь. Мы дружно отказались, справимся сами.

Внутри было жарко, стоял котёл с горячей водой, котёл с холодной и одинокий ковш на полке. Была и каменка, а в предбаннике под потолком висели берёзовые веники. Женя вёл себя странно, постоянно дёргался, наскоро помывшись и побрившись (на этот раз справился сам, без моей помощи, научился), быстро оделся, а потом сбежал в номер, который уже должны были подготовить.

Сам же я решил расслабиться. Оторвал веник, запарил его в широкой деревянной шайке, а потом поддал ковш кипятка на каменку. Струя горячего пара ударила с такой силой, что пришлось пригнуться. Сейчас залезу на полку и отдохну душевно.

В этот момент дверь открылась. На пороге стояла женщина, не девка, а именно женщина. Лет ей было за тридцать, скорее даже к сорока. А ещё она была высокого роста, почти с меня, чем напомнила ту самую мать вампиров. Впрочем, разница была очевидна. Вампирша была могучей, как мужик, а эта наоборот, женственная и мягкая. Одета в рубаху без рукавов, которая во влажном воздухе бани сразу намокла и прилипла к телу, обрисовывая красивые формы и полное отсутствие нижнего белья.

— Банщица нужна? — спросила она весёлым игривым тоном.

— Нужна, — немедленно заявил я.

Впрочем, мои надежды на немедленные любовные утехи оказались беспочвенными. Банщица оказалась именно банщицей, она немедленно перевернула меня на спину, взяла веник и, поддав ещё, принялась парить. Парила, надо сказать, грамотно, не хлестала, как садистка, а просто гоняла пар. Но даже так температура моего тела быстро приблизилась к точке кипения, а потому пришлось кубарем скатиться вниз. Сама она стояла рядом, глядя на меня с улыбкой, на неё пар как будто совсем не действовал, только слегка покраснела,

отчего стала ещё красивее.

Дотянувшись, я плеснул на себя ковш холодной воды, ожидая услышать громкое шипение. Немного полегчало, сердце застучало ровнее, а мысли снова перетекли в нужное направление.

— Ты чего напряжённый такой? — спросила она, указывая мне ниже пояса.

— Давно без женщины, — виноватым тоном сказал я.

Она снова усмехнулась, показав ровные белые зубы, потом стала стягивать мокрую рубашу, которая и так ничего не скрывала. А потом села на пол рядом со мной и обняла.

Прошло всё хорошо, но как-то быстро, скомкано, даже не успели толком насладиться друг другом. Потом она снова загнала меня на полок, напомнив, что в такую погоду (а другой здесь не бывает) просто необходимы тепловые процедуры. А когда закончила, уже я потянул её к себе, и мы ещё раз познали друг друга. Теперь уже всё прошло вдумчиво, без суеты, ей тоже всё понравилось. А потом она оставила меня и ушла, посоветовав хорошо отмыться.

Вот так, даже имени её не спросил, отчего-то совсем не хотелось говорить. Закончив мытьё, я переоделся в свежее исподнее и отправился в номер.

Глава четырнадцатая

Женя, как обычно, спал, хотя нет, не спал, а валялся в наркотических грёзах. Рядом на столе лежал неубранный шприц и пузырёк с раствором наркотика. Я вздохнул.

— Ну, как всё прошло? — спросил он, не открывая глаз.

— Хорошо прошло, — сообщил я. — Женщина приходила, мы с ней...

— А не стрёмно было?

— А почему должно быть стрёмно? — не понял я.

— Ну, например, потому, что женщина не настоящая, симулякр, морок.

— С чего ты взял?

— С того, что вся эта локация — мираж, созданный, чтобы путникам было, где остановиться.

— Стоп, давай будем последовательны, — возразил я, присаживаясь рядом. — Тот факт, что в локации нарушаются некоторые законы природы, ещё не говорит, что локация иллюзорна. Ты вот поел, неплохо поел, а ведь сытость настоящая, значит, всё это не иллюзия.

— Так то сытость.

— А сексуальное удовольствие чем отличается?

— Если не заморачиваться личностью партнёрши, то ничем.

— А зачем интересоваться, если я её больше никогда не увижу?

— Незачем, — он не стал спорить.

Мы немного помолчали, потом он добавил:

— Вообще, я сейчас видел, как охотники притащили в корчму тушу убитого оленя, а ещё там разгружалась телега с какими-то товарами. Значит, здесь не стопроцентный симулякр, кое-какой, скажем так, обмен веществ с внешней средой есть.

Я промолчал, но тут за окном послышались звуки, кто-то выводил лошадей, седлал их и вообще собирался выезжать. Я вспомнил разговор с лысым, четыре часа ещё не прошли, но это явно они.

Натянув штаны, я отправился во двор. Точно, та самая группа бойцов. А вот и лысый, седлает коня.

— Доброй ночи, — сказал я, сейчас, вроде бы, ночь. — Ты обещал кое-что рассказать.

— Да, сейчас поговорим, — согласился он. — Нам пока торопиться некуда, парни ужрались, ждём, пока в норму придут.

Коня он оставил у ворот, умное животное встало на месте и меланхолично пережёвывало овёс из торбы. Парни его болтались рядом, пытаясь хоть немного протрезветь. Мы вдвоём отошли в дальний угол огороженного пространства, где заготавливали дрова и прямо сейчас лежали несколько древесных стволов. Он присел напротив меня, вынул сигарету, потом взглянул на меня и протянул пачку.

— Куришь?

— Да, спасибо, — я взял сигарету и торопливо прикурил, табак был крепкий, но именно табак, не солома, как это бывает обычно. Сигарета была без фильтра, марка неизвестна, надписей на бумаге нет.

— Ты чего хотел узнать? — спросил он, теперь выглядел он иначе, не как уголовник, военная рубашка с закатанными рукавами и кобура на поясе делали его похожим на старого наёмника.

— Всё, что можно узнать про оазис Чёрное Солнце. И заодно объясни, почему об этом нежелательно интересоваться?

— Встречный вопрос: что тебе там понадобилось?

— Один человек сказал, что интересующую меня вещь последний раз видели именно там, правда, очень давно, поэтому хочу добраться и стырить её. Ну, или уговорить отдать.

— Не советую туда вообще соваться.

— Объясни, — попросил я.

— Смотри, буря — такое место, где всякой твари по паре. Ты давно здесь?

— Меньше месяца.

— Тогда понятно. С магией сталкивался?

— Да, маг и надоумил туда идти.

— Смотри, маги бывают разные, очень разные. Есть такие, кто очень силён, но магия их держится на крови и смерти. Например, некроманты, которые поднимают мёртвых. Таких, само собой, не любят и боятся. Более того, часть людей не прочь такого привалить при первой возможности. А оазис под названием Чёрное Солнце — это место, где вся эта шушера собирается, обменивается опытом, ставит эксперименты, продаёт и покупает свои материалы, ну, там, ногти висельника, член прокажённого, ухо утопленника и другое из списка. Там, в их среде, крутятся огромные деньги, материалы могут стоить дорого, стало быть, найдутся люди, которые за умеренную плату могут всё это принести.

— А я слышал, что там однажды завёлся дух, которого не могли изгнать, — сообщил я.

— Фигня, — уверенно заявил он. — Дух там если и мог появиться, то только с подачи одного из посетителей. А владельцы оазиса покрывают своих гостей, сам знаешь, в оазисе никого достать не получится. Так вот, — он вернулся к начатому, — людей, которые таскают материалы для некромантов, не любят ещё больше, чем самих магов, а убить их легче. А потом появляется человек, который спрашивает туда дорогу. Кто он? Правильно, а потому тебе ответят и улыбнутся, а потом за ближайшим углом получишь нож под лопатку.

— Теперь понял, — я кивнул.

— Так что спрашивай осторожнее, — снова сказал он. — А дорогу вкратце описать могу, это очень далеко, да и место там такое, что постороннему человеку лучше не показываться. Помню как-то два мага схватились из-за того, что один людей другого пустил

на мясо.

— Это я понял, но мне очень нужно.

— Слушай, а лучше записывай. Объяснить путь на карте я не смогу, да и карт здесь нет. Мир бури — это не плоская карта, а трёхмерная. Есть перепады высот, есть двухуровневые места и даже трёхуровневые. При этом часть мест изменяется, появляются новые, старые смещаются и исчезают. Поэтому просто запоминай последовательность действий. Есть места, которые стоят постоянно, например, оазисы. Вот этот оазис тут всегда. С ним ничего не происходит уже тысячи лет, по крайней мере, так говорят старожилы. По ним нужно ориентироваться.

— Понял, отсюда куда?

— Отсюда идёшь к реке, собственно, ты пришёл оттуда, так ведь?

— Да.

— Река эта впадает в другую реку, гораздо больше. На той реке, если спуститься от устья вниз по течению, стоит порт. Старый разрушенный порт, но пристань там есть. Рядом есть какой-то город, но соваться туда не советую, твари там серьёзные, кто-то считает, что выведены они искусственно, какой-то маг-вивисектор развлекался. Лучше окопаться на пристани и ждать. По реке вверх и вниз ходит корабль, пароход, старый, но довольно большой. Там команда человек восемь и капитан такой же старый, как и сам корабль. Все они немного двинутые, но честные, разбоем не промышляют. С ними нужно как-то договориться, заплатить и попросить отвезти вас до гавани Борисфен.

— Это Днепр, — я сверкнул эрудицией.

— К Днепру отношения не имеет. Там река разливается так, что похожа на море, а рядом порт. Порт нужно пройти и отправиться по большой дороге в горы. Горы там специфические, идти придётся не вверх, а вниз. Тем не менее, это горы, кое-где даже снеговые шапки есть. Если пройти через них, окажешься в болотах, болота имеют несколько трудно произносимых названий, но они не имеют значения, просто болота. Там придётся найти тропу — она там точно есть, но поискать придётся — которая ведёт на другую сторону. А уже на другой стороне, почти по самой кромке болот проходит старый караванный путь. По нему можно добраться до оазиса Чёрное Солнце.

— Опасно это?

— Как и всё здесь, — он пожал плечами. — В порту могут загрызть твари, в горах хищные птицы и нетопыри, в болотах обитают вовсе жуткие существа. На караванной тропе шалют разбойники, поэтому лучше прибиться к каравану. Впрочем, караваны стараются в Чёрное Солнце без нужды не заходить.

— Ясно, — я, не доверяя своей памяти, старательно записал все названия в блокнот. — А вообще о мире рассказать можешь?

Он вздохнул и с тоской посмотрел на свою команду.

— Пойдём в зал, посидим там, время пока есть.

В зале я хотел заказать выпивку, но мой собеседник, который только сейчас представился, отказался, заявив, что в ближайшем будущем ему понадобится ясная голова. Звали его Петер, был он немцем, а отсутствие языкового барьера объяснил там, что языки в буре либо закладываются в голову каждому попавшему, либо выучиваются в течение короткого времени. Получалось, что я буду понимать примерно четверых из пяти встреченных мной людей.

— Так вот, — продолжил он, когда официантка принесла кофе в двух больших кружках,

напиток был горячий, крепкий и с большим количеством сахара. — Мир бури — это... мир грёз, это как будто снимки с разных миров. Но снимки не настоящие, а в электронном виде, вроде, есть изображение, но оно только в виде информации, а ещё их перемешали и наложили друг на друга. Сам плохо понимаю, мне это мой коллега объяснял. Здесь есть города, иногда пустые, а иногда и с людьми. Некоторые пытаются жить, как раньше. Некоторые наполнены чудовищами, ожившими мертвецами или призраками. Кое-где остаются люди, которые продолжают цепляться за жизнь. Такая странная форма сумасшествия. Например, команда на корабле. Они всю жизнь возили грузы по реке, а потом попали в бурю. Но остановиться не могут, буря встроила их в себя. Они так и курсируют вверх и вниз по течению, не пытаясь остановиться. Уверен, что двигатель у них не ломается, а топливо бесконечно. Ну, или просто топят дровами.

— Как в оазисе? — уточнил я.

— Да, только оазис стоит на месте, а корабль подвижен. Что же до обычных людей, которых судьба занесла сюда, то большая часть их гибнет или сходит с ума. А остальные... часть находит себе занятие. Главное при этом не то, какую прибыль оно приносит, главное — чтобы оно приносило тебе удовлетворение, не давая превратиться в кадавр. Нужна цель, без которой ты умрёшь. Не умрёшь, а просто растворишься в мире бури, потеряв себя. Слышал от разных сектантов (а их здесь до чёрта), что этот мир — это ад, ну, или один из его филиалов. И иногда я склонен им верить.

— Что нужно, чтобы собраться в дальний путь? И сколько займёт дорога?

— Здесь нет времени. Даже часы толком не могут описать, сколько дней или лет прошло. Тут никто не стареет, никто не болеет, если болезнь не вызвана искусственно, даже смерть иногда обратима, но не советую экспериментировать. Запаситесь едой, сколько сможете унести, ещё понадобится вода, не везде есть источники, и не всю воду можно пить, лучше иметь небольшой запас. Остальное добудете по дороге, а ещё понадобится оружие.

— А где можно оружие взять, — я кивнул на его ствол.

— Людям, вроде нас, зарабатывающим деньги рискованными делами, оружие всегда нужно, но достать его очень сложно. Видишь ли, куски миров, что попадают сюда, приходят отовсюду. Таких миров, где развиты технологии, очень мало. И даже если тебе повезёт найти автомат, очень скоро закончатся патроны, а пополнить запас будет нелегко. Поэтому оружие здесь ценится очень дорого. Защититься от пуль может только очень сильный маг, да и то всего от двух или трёх. У некоторых торговцев изредка попадаются нормальные стволы, а также патроны, хотя с калибром никогда не угадаешь.

— Ясно, значит, лучше обыскивать руины.

— Лучше завести себе подходящий ствол. Некоторые специально таскают кремневый мушкет, чтобы не было проблем с боеприпасами. А другие обзаводятся арбалетами, а стрелы изготавливают сами. Также полезно иметь холодное оружие, саблю, меч, копьё. Оно, в отличие от огнестрельного, никогда не подведёт.

— Если не секрет, как давно ты здесь? — спросил я, но тут же поправился: — понимаю, что времени тут нет, но ты ведь помнишь, какой год был там, откуда ты прибыл.

Он почему-то улыбнулся.

— Я прибыл сюда с войны.

— Войны? — не понял я, в истории моего мира войн было много.

— Вьетнам, — сообщил он, сделав большой глоток кофе.

— Германия воевала во Вьетнаме? — я попытался вспомнить историю.

— Французский Иностраннный Легион там воевал. Я и мои люди отправились на разведку, было это в начале пятьдесят четвёртого года. А в пути нас застала буря, а потом... думаю, ты знаешь. Поначалу мы обрадовались, что узкоглазых вокруг нет, а потом выяснили, что нет и всего остального.

— И чем с тех пор занимались?

— Тем, чем привыкли, я ведь воевал всю сознательную жизнь. Не надо так хмуриться, на восточный фронт я тогда не попал, когда всё пошло плохо, нас взяли в плен американцы, а оттуда я перешёл в Легион.

Ну, да, всё правильно, если он не изменился, то в момент попадания ему было слегка за сорок, значит, в Великой Отечественной участвовал и, даже если он наврал про восточный фронт, но на нациста не похож, а может, просто жизнь в этом мире выбила из головы всю дурь.

— Сначала мы охраняли одного солидного мага, он был богат, но с причудами. Постоянно боялся, что мы сами его убьём. А мы боялись его опытов. Потом получилось так, что мы вступили в бой со свитой другого мага, с той стороны оказались такие же люди с таким же оружием. В ходе схватки оба мага погибли, а выжили всего трое, я, мой товарищ, а ещё один боец противника. Его мы взяли к себе. Потом занимались перевозками ценных грузов, заказными убийствами, охраной, воровством, ну и просто шарили по руинам. Странное занятие, но делать тут больше нечего. Очень мало мест, где жизнь течёт так, как мы привыкли.

— Я понял тебя, а ты не думал о том, чтобы вернуться?

— Слышал, что есть способы, что кому-то это даже удалось, но, откровенно говоря, меня в том мире ничего не держит.

— Мир изменился, — сообщил я. — Прошло уже семьдесят лет.

— Не факт, мы могли быть из разных миров, — напомнил он. — И неизвестно ещё, в какое время я вернусь.

— Может быть, но можно попробовать вернуться в мой мир, страна твоя живёт хорошо, ты сможешь завестись здесь золотом, а там продать его и разбогатеть. Женишься, заведёшь детей.

— Вещи, о которых ты говоришь, бесконечно далеки от меня, — он улыбнулся, но в голосе сквозила грусть. — Может быть, когда-нибудь, если вдруг представится такая возможность, я и вернусь. А ты?

Я решил быть откровенным.

— То место, Чёрный Оазис, — это то, что даст шанс мне и моему другу вернуться. Не вернёт нас, но даст некоторый шанс, мало отличный от нуля. Думаю, такая цель лучше, чем никакой.

— Без цели тут вообще не выжить, — сказал он, допил кофе и встал со стула. — Ладно, всего тебе хорошего, если где-то свидимся, стрелять друг в друга не станем. Меня зовут Петер Кёлер, мои парни — Йохан и Матье, глядишь, когда-нибудь снова увидимся.

Старый вояка ушёл, оставив меня в раздумьях. Картина складывалась непростая. Впереди нас ждёт много всего, очень может быть, что домой мы вообще никогда не вернёмся. При этом главную опасность составляют отнюдь не монстры или разбойники, а сумасшествие. Петер — человек с очень крепкой психикой, его буря не сломит и за тысячу лет, а я? Изо дня в день совершенно бессмысленное существование, и продлится это целую вечность. Справедливости ради, даже мой спутник Женя в лучшем положении,

сумасшествие для него — нормальное состояние, он этот мир принял сразу и без оговорок.

Я отогнал от себя плохие мысли и отправился обратно в номер. Парни выезжали наружу, там стояли сумерки, буря завывала с утроенной силой, а три лошади с седоками покинули тихий уголок и отправились в неизвестность.

Когда я вернулся, Женя был в сознании и мог здраво оценивать ситуацию. Я коротко изложил ему всё, что узнал сам. Его трудности не смутили, как и раньше, он был готов к чему угодно, лишь бы его заветный пузырьёк никогда не пустел. Нужно в поход? Идём. Монстры? Ну и плевать, как-нибудь отобьёмся. И дальше в таком духе.

— Ты не боишься сойти с ума? — спросил я напрямую.

— Нельзя сойти с того, чего нет, — философски заметил он, подтвердив мою точку зрения. — Ты пойми, Юрий Владимирович, что там мне было плевать на себя. Здесь то же самое. Вся моя жизнь — сон, так я её привык воспринимать. Если сон изменился, так что с того?

— Так, может, ты и возвращаться не захочешь? — уточнил я.

— Если бы прямо сейчас передо мной открыли дверь, я, пожалуй, задумался бы. Но впереди нас ждут годы скитаний, испытания, ранения, болезни, смерть. Где гарантия, что я доживу до заветного момента? А если и доживу, буду ли это всё ещё я? Через катарсис создаётся новая личность, она будет не лучше и не хуже старой, просто другая.

— Понесло тебя, — фыркнул я. — Так что, выступаем?

— Давай сегодня отлежимся, а завтра уже...

— Ясно, лежи, я пойду посмотрю, что ещё здесь есть.

Обход территории постоянного двора, или, как тут говорили, оазиса, обогатил меня некоторой информацией. Например, тут имелся торговец, вроде того, с которым мы разговаривали в ратуше пустого города. Выяснив его местоположение, я отправился прицениться.

— Добрый... вечер, — сказал я, перешагнув порог условного магазина, представлявшего собой небольшую каморку в рубленом доме, надвое разделённую прилавком.

— Здравствуйте, — торговец имел вид лысого старика, одетого в просторный халат, чем-то напоминал восточного бая. — Хотите что-то купить?

— Для начала, хотел бы узнать, какой товар предлагаете? — объяснил я, и тут же спросил без особой надежды: — Оружие огнестрельное есть?

Из складок халата высунулась пухлая рука, нырнула под прилавок и вынула два кремневых пистолета.

— Зря морщитесь, — сказал он, видя мою реакцию. — Да, они одноразовые, перезарядка долгая, но человека и не требуется убивать дважды. Зато вы будете избавлены от проблем с патронами. Порох есть почти у всех торговцев.

— Нет, спасибо. — категорически отверг я. — А ещё что-нибудь.

— Ну, если для вас не принципиально, чтобы в оружии использовался порох, могу предложить вот это, — та же рука ловко смела со стола пистолеты и выложила небольшой арбалет с причудливым натяжным механизмом. — Для меткого стрелка отлично подходит. Дальность поражения — около двухсот метров, сила натяжения кронакином — почти триста килограмм, стрелы в комплекте, лёгкие, со сменяемыми наконечниками.

Я взял изделие в руку и осмотрел. Точно не средневековая поделка, материалы современные, пластик и нержавеющей сталь, лук из какого-то многослойного композита, явно очень тугой, хотя и габариты невелики, удобный рамочный приклад. А натяжной

механизм (как он его назвал?) довольно специфический, ручка, которую требуется крутить.

— При наличии минимальной сноровки, можно пускать стрелу каждые шесть секунд, — сообщил продавец. — Осмотрите ещё стрелы, в комплекте тридцать штук, но пополнить запас можно у любого оружейника.

Стрелы, или, как их ещё называют, болты, были из дерева. Относительно лёгкие, с резьбой на конце. На эту резьбу навинчивался наконечник, которых тоже хватало. Вот листовидный, чтобы рана была пошире, вот игольчатый трёхгранный — это чтобы броню пробивать. А вот и с зазубриной, чтобы застревал в цели.

— А серебряные наконечники есть? — уточнил я.

— Разумеется, — торговец широко улыбнулся. — Стоят, правда, вчетверо дороже, зато многие твари, боящиеся серебра, будут обходить вас десятой дорогой.

— Сколько стоит? — я перешёл к делу.

— Наконечник? Стрела? Арбалет?

— Всё вместе, арбалет с тремя десятками болтов и, скажем, пять серебряных наконечников.

Он закатил глаза, как будто производил подсчёты в голове, потом выдал результат:

— Сорок золотых роллов за арбалет со стрелами, а за серебряный наконечник по половине ролла.

Я едва не подавился. С разбойников взяли неплохой куш, да только и его вряд ли хватит. А если и хватит, останемся голыми.

— А на обмен?

— Смотря что у вас есть?

— Ружьё, двустволка, калибр четвёртый, слегка укороченное.

— А есть к нему патроны или хоть образцы таковых?

— Да, есть. Три... нет, четыре патрона. Ну и пустые гильзы.

— Тогда так, — он сцепил обе руки и шевелил большими пальцами. — Вы приносите мне ружьё и гильзы, если оно исправно, я могу обменять на него арбалет и стрелы. А серебряные наконечники вам придётся покупать отдельно.

— Идёт, — выдал я. — Сейчас принесу.

Вернувшись в номер, я растолкал Женю.

— Евгений, вставай, дело государственной важности.

— Ну что такое? — ему явно не хотелось покидать мир грёз.

— Тебе ружьё твоё очень дорого?

— Дорого? Ты сдурел? Я из него ещё пару раз выстрелю, и можно будет гипс накладывать. Хотя там только пару раз и получится, патронов-то нет.

— Тут предложили сменить на арбалет.

— Арбалеты — говно, там напрягаться надо, ногой вставать и тянуть, я не атлет, если ты не заметил.

— Не надо напрягаться, — заверил его я, — там ручка есть, крутишь её, тетива сама взводится. И стрел аж тридцать штук.

— Ну, тогда бери, — сказал он, перевернулся на другой бок и снова заснул.

Я прихватил ружьё, прибежал к торговцу и положил на прилавок.

— Отменная штука, — сообщил он. — Жаль, что стволы отпилены, тогда бы дал больше.

— А кому нужна такая дура? — удивился я. — Тем более, длинная.

— Иногда людям приходится охотиться на крупную дичь, есть огромные твари, к которым нежелательно подходить близко. А тут один выстрел — и готово, даже если не убьёт наповал, тварь умрёт от внутреннего кровотечения минут за пять. Стрелами такого не сделать, они и шкуру не всегда пробьют.

— Согласен, итого: арбалет, к нему тридцать стрел, так, вижу, а в нагрузку ещё дайте шесть серебряных наконечников.

— Разумеется, — он выложил всё необходимое на стол. — Что-то ещё?

Я задумался, еда у нас есть, что-то соберём по дороге.

— Порох, если есть, и капсули.

— Порох есть, отменного качества, мелкое зерно. А вот капсули остались в количестве двух штук. Извините, товар ходовой, разбирают быстро.

Пополнив свои небогатые запасы, я отправился в номер. На улице начало светать, но мои внутренние часы говорили, что сейчас глубокая ночь. Надо выспаться, а завтра отправимся в путь.

Глава пятнадцатая

Мы шагали по натоптанной тропе, что шла по берегу реки. Тропа была узкая, справа и слева нависали деревья, которые наверху смыкались, образуя сплошной коридор. Здесь было темно, зато ветер почти не ощущался, завывал где-то снаружи, а нас не доставал. Шли уже долго, река всё не кончалась. В итоге, окончательно выбившись из сил, устроились на отдых. Костёр разводить не стали, просто перекусили сухомяткой. Пара кусков ветчины и ломти относительно свежего хлеба, которыми мы запаслись в корчме.

— Знаешь, в чём затупили? — сказал Женя, осматривая арбалет.

— Не знаю, расскажи, — предложил я.

— Стрела, в отличие от пули, имеет большую площадь, — он продемонстрировал мне стрелу. — Плюс оперение. А здесь постоянный ветер, её сносить будет в полёте.

Я об этом как-то не подумал. Парень-то ещё и в физике рубит.

— Придётся поправки брать, — я пожал плечами.

— Без тренировки не смогу. Опять же, в какую сторону поправки? Против ветра, как у винтовки? Или по ветру, как гранатомёт?

— А ты и в военном деле разбираешься? — с удивлением спросил я.

— Не то, чтобы разбираюсь, общался с воевавшими людьми, вот и запомнил. Думаю, как у гранатомёта. Ветер дует вот отсюда, — он ткнул пальцем в стрелу, — хвост легче, стрела поворачивается, а запас энергии большой и кончик тяжёлый, стало быть, летит дальше, но уже иначе, короче, пробовать нужно.

Мне он нравился всё больше. Свою пагубную страсть он не бросил, но теперь стал воздержаннее, делал себе укол утром и вечером, отчего большую часть времени был вполне адекватен.

— Попробуй, — предложил я. — Всё равно делать нечего.

Он зацепил тетиву, начал вращать ручку. Про шесть секунд барыга, разумеется, наврал, для этого нужно быть фокусником, но секунд двенадцать вполне хватило. Он положил на направляющие стрелу с листовидным наконечником, встал и упёр приклад в плечо.

Стрелять было куда, коридор в деревьях длинный и почти прямой. Женя выбрал в качестве цели толстое дерево метрах в пятидесяти. Тщательно прицелился и нажал на спуск. Я думал, арбалет — оружие бесшумное, но оказалось, что при стрельбе он издаёт щелчок, громкость которого сопоставима с выстрелом. Впрочем, звук на выстрел не похож, на

большом расстоянии его не услышать, да и вспышки нет.

Стрела вонзилась в дерево, а потом раздался звук, напоминающий рёв раненого слона. Мы оба, не сговариваясь, бросились к дереву. Нет, здесь определённо что-то не так. Стрела вошла в дерево сантиметра на три-четыре, но не это было главным. В месте попадания сочилась настоящая кровь, а дерево активно двигалось, размахивая ветвями и пыталось дотянуться ими до нас.

— Валить надо, — сказал Женя и тут же захрипел, ветка соседнего дерева дотянулась до него и обвила шею.

Я выхватил топор и с размаху рубанул по ветке. Результат не порадовал, попробуйте перерубить ветку толщиной в два пальца, пусть даже топор острый, да только ветка не лежит на колоде, а свободно висит в воздухе. Топор отпружинил и едва не прилетел мне в лоб. А в это время другое дерево, внезапно придвинувшись, стало оплетать меня своими ветками.

К счастью для нас, деревья были медленными и ветки куда хуже подходят для хватания добычи, чем руки. Мне удалось вырваться, а Женя, извернувшись, выхватил мачете и в несколько ударов смог перерубить ветку наискосок. Из обрубка точно так же полилась кровь.

Но и сбежать сразу не получилось, корневище ухватило меня за ногу, я смог его перерубить топором, но потратил на это пару секунд. Теперь следующий ствол перегородил дорогу, а два десятка ветвей и лиан стали обхватывать меня со всех сторон.

Женю повалили на землю, но он продолжал отчаянно рубить тесаком во все стороны. Но время было упущено, за первыми деревьями подходили следующие, их было не меньше десятка, даже если обрубить все ветки, нас задавят стволами.

— Спирт! — крикнул Женя, отдирая лиану, обвившую его ногу, объяснить подробно он не мог, поэтому просто добавил: — Огонь!

Выскочив на единственный свободный пятачок, я рванул крышку рюкзака, засунул руку и вынул большую бутылку со спиртом. Молодец фармацевт, быстро соображает. Быстро плеснул на ближайшие деревья, часть вылил на сухие листья под ногами. Поднёс зажигалку. Пламя вспыхнуло и побежало по стволам и веткам. Деревья завывали ещё громче, но поняли, что с огнём бороться сложно, а потому стали расступаться. У меня загорелась штанина, но на такие мелочи некогда было обращать внимание.

Подхватив с земли фармацевта, я потащил его дальше по растительному коридору. При этом удалось закинуть на плечо рюкзак, а бутылку со спиртом, где ещё оставалось больше половины, я по-прежнему держал в руке.

Бежали мы долго, минут пять, а потом, когда пламя и крики живых деревьев остались позади, получилось остановиться и перевести дух.

— Что это за херня? — спросил я, хватая ртом воздух.

— Ну, типа энты местные, друиды... или дриады, не помню точно. Короче, они с виду как деревья, и спят всё время, а если разбудить... Короче, зря я в него выстрелил.

— Теперь будем знать, — сказал я и подозрительно осмотрел стоявшие рядом деревья, нет, все они были обычными деревьями и стояли тихо, не проявляя ни малейшего интереса к нашим персонам. — Ты хоть арбалет сохранил?

— Обижаешь? — он перекинул арбалет из-за спины и продемонстрировал мне. — Всё на месте. Идём дальше?

— Идём.

Шли мы ещё часов восемь, несколько раз присаживались на отдых, а потом лесной

коридор закончился, снова открыв нас пронизывающему ветру. Но нас это даже обрадовало, поскольку впереди точно была большая река. Та, маленькая, вдоль которой мы шли, резко поворачивала и вливалась в широкую полноводную реку, сопоставимую с Нилом, Дунаем или Волгой. Вот и пришли, осталось найти порт.

— Затупили мы крепко, — сказал Женя, изучая берег.

— А что не так? — не понял я.

— Смотри, — он указал на устье. — Нам, как я понял из твоих рассказов, нужно спуститься вниз по большой реке. Так?

— Ну, да.

— Если присмотреться, или даже проверить, — он подошёл к берегу новой реки и бросил туда охапку сухих листьев, часть тут же унесло ветром, а несколько упали на поверхность воды. Потом они медленно поплыли вправо. — Видно, что течение направлено туда, и идти нам следует туда. А тут маленькая река, а мост остался позади, и второй раз к энтам я не пойду. Не понравились они мне.

Я нахмурился. Откуда мне было знать, что эта река течёт в другую сторону. Если бы знал, то перешли бы по мосту и двигались по другой стороне. А теперь перед нами река, не такая большая, метров сорок-пятьдесят, но явно глубокая. А лодки у нас нет, а вода холодная, да и припасы мочить нежелательно.

— Ты плавать умеешь? — спросил я на всякий случай.

— Умею, но не хочу, — сразу заявил он, потрогав рукой воду. — Вода холодная, да и неизвестно, кто в ней живёт.

— Попробуем плот сделать, — я указал в сторону леса, — стволы подходящие, надеюсь, это просто деревья.

Пришлось проверить. Я подошёл к крайнему дереву, которое выглядело, как берёза, но почему-то имело коричневую кору. Встал подальше, чтобы доставать топором на вытянутой руке, размахнулся и ударил по стволу. Ствол ответил звоном, полетели щепки, но никакой крови не было, да и дерево не спешило возмущаться. Просто дерево.

За пару часов у нас получилось свалить несколько толстых стволов, из них получился бы приличный плот, да только скрепить было нечем. Гвоздей нет, да и подходящих верёвок не наблюдается. Попробовать что-то соорудить из коры?

В итоге (не смейтесь) обошлись обычным скотчем. У меня в рюкзаке лежал небольшой моток. Сучки с деревьев обрубали не полностью, а потом с помощью этих сучков скрепили между собой, зацепляя одно бревно за другое. А скотчем только зафиксировали в нескольких местах. Конструкция получилась, само собой, хрупкая и убогая, но площадь была вполне достаточной, чтобы разместить двух человек с вещами. Нам ведь не через океан на нём плыть, тут всего несколько десятков метров. Под конец я выстрогал из тонких жердей два подобия весла, одно вручил своему спутнику, а второе взял сам.

Тяжёлый плот медленно сполз в воду. Так, сразу не утонул, это уже радует. Осталось на него залезть. Осторожно наступил, стараясь ставить ногу подальше от края. Вроде, держит. Помог забраться Евгению, мы аккуратно присели в центре и оттолкнулись от берега.

Сидеть было страшно, конструкция норвила рассыпаться, а грести было неудобно. Тем не менее, мы очень медленно приближались к середине реки. При этом нас сносило течением, которое здесь, в устье, усилилось.

Получилось преодолеть две трети расстояния, когда Женя схватил меня за рукав.

— Остановись, смотри, — он указал на другой берег.

Я присмотрелся, ага, кто-то есть, сейчас как раз рассвет, но тучи никуда не делись и создают вечные сумерки. Кто это? На противоположном берегу быстро перемещались странные серые тени. Волки? Очень может быть.

— Чего-то я не хочу туда плыть, — сказал Женя, поднимая весло.

Он был прав, даже если это обычные волки, а не исчадия ада, встречаться с ними нежелательно. Их слишком много, десятка три, точно не отобьёмся, даже огнестрел не поможет.

Тут один из волков дополнительно нас «порадовал», он выскочил на берег, к воде, уставился на нас красными, как угли, глазами, завыл так, что у меня в животе похолодело, а потом превратился в облако серого дыма, которое снесло ветром на пару метров в сторону, где из дыма снова получился волк.

— Я тоже не хочу, — согласился я. — Поворачиваем.

Выход у нас был, выплыть на большую реку, а уже по ней на плоту добраться до пристани. Правда, были и трудности. Буря никуда не делась, а сильный ветер создавал большие волны. Если на небольшом водоёме с этим можно было как-то мириться, то в большой реке нас просто перевернёт. Но выхода не было, пришлось грести вниз по течению.

— Не нравятся они мне, — проговорил Женя задумчиво, подозрительно косясь на волков.

— Думаешь, мне нравятся? — огрызнулся я, стараясь грести как можно аккуратнее.

— Это не простые волки, — продолжал он.

— Да, я заметил.

— Дело не в этом, — он поморщился. — Не могу объяснить.

— Что-то чувствуешь?

— Скорее, да. Смотрю на них, и вижу, что их глазами на нас смотрит кто-то ещё.

— Например?

— А помнишь, мы с одними ребятами зацепились, теперь мамка их на нас сильно злая.

— Думаешь?..

— Не исключаю.

Я замолчал. Не знаю, как там у напарника с экстрасенсорными способностями, но здешние волки определённо ведут себя странно. Они не пытались атаковать, хотя плавать точно умеют. Просто смотрели и о чём-то думали. Может быть, в самом деле, транслировали картинку хозяину. Или хозяйке.

Когда вышли на большую воду, началось самое интересное. Волны поднимались метра на два, с такой же амплитудой мотало наше хлипкое судно. Оставив вёсла, мы вцепились в края плота, преследуя сразу две цели: не выпасть самим и не дать развалиться брёвнам. А самым неприятным было то, что нас постепенно выносило на середину реки.

Пришлось снова ухватиться за вёсла, притом, что цель была близка. В паре километров ниже по течению виднелась большая каменная пристань. Чуть дальше стоял город, но мы, следуя предупреждению немца, туда не пойдём, будем сидеть на пристани и ждать корабля. Главное, чтобы твари туда не пришли.

Мы работали вёслами всё активнее, река постепенно уступала, а плот наш по сантиметру приближался к берегу. Если всё рассчитать правильно, то высадимся либо на саму пристань, либо рядом с ней.

Вот только рассчитывать приходилось в условиях постоянно меняющихся вводных. Когда до пристани оставалось метров пятьдесят, мы разглядели под водой нечто тёмное.

Какая-то большая рыба проплыла под нами. И вряд ли она питается водорослями. Пришлось налечь на вёсла с удвоенной силой.

Двадцать метров, снова рядом проплывает чёрная тень, а над водой показывается чешуйчатый горб. Десять метров, нас подбрасывает и едва не опрокидывает вверх дном. Пять метров, от очередного удара брёвна стали разъезжаться в стороны, пришлось держать их руками.

В конечном итоге получилось спастись. Женя прыгнул вперёд, ухватившись руками за края пристани, а я, стоя на последних двух брёвнах, что каким-то чудом держались вместе, держал его за ноги. Он перебирал руками, медленно проползая вперёд, а я тянул за него, как за причальный канат.

В последний момент, когда я выкатился на пристань, а брёвна ушли из-под ног, вода позади разверзлась, а огромная пасть сомкнулась в нескольких сантиметрах от моих ног. Вот это было чудовище. Я бы вспомнил гигантскую акулу, но это было пресноводное чудо-юдо, пасть такого размера, что, если Женю сложить вдвое, он легко там поместится. Зубы в виде кинжалов, слегка загнутые внутрь, чтобы удобнее было добычу держать. Чешуя серая, покрыта отвратительными наростами, глаза по бокам, большие, смотрят на меня.

Пасть распахнулась снова и ухватила за край пристани, даже камень начал крошиться. А потом из воды показался плавник. То есть, это был не плавник, а почти настоящая рука с когтями.

— Кистеперый, — выдал фармацевт, отползая по пристани на спине. — Сейчас вылезет.

Он безуспешно пытался вытащить из-под себя арбалет. Я иллюзий не питал, скорее всего, стрела такой твари вреда не причинит. А тварь уже вылезла едва не на половину своей необъятной туши. Я откатился и вскочил на ноги. Встретился взглядом с чудовищем и, не увидев в его глазах ничего хорошего, потянул из-за ремня револьвер.

Всё же нам повезло, тварь не додумалась сразу опрокинуть плот и сожрать нас в воде. А на суше, как ни крути, у нас преимущество. Впрочем, чудовищу было всё равно, а потому оно ползло вперёд, вытаскивая на пристань уже метров шесть толстого тела.

Я поднял револьвер и прицелился. Пробьёт шкуру? Надо попробовать. Тут Евгений из-за спины крикнул:

— В глаз стреляй!

— Легко сказать, — я сместился в сторону, пытаюсь поймать на мушку глаз.

Глаз был размером с яблоко, но тварь постоянно дёргалась, ползти по твёрдой поверхности, даже с помощью «рук», было нелегко, туша весила не одну тонну. Поймав момент, я нажал на спуск. Револьвер выплюнул облачко дыма, пуля ударила чуть выше, в условное веко. Но глаз повредил, рыба, хоть и не умела орать, но явно высказывала неудовольствие. Хвост начал бить по пристани, грозя разрушить строение.

Я повторно взвёл курок и выстрелил ещё раз, теперь уже целился в пасть, может быть, пуля сможет нащупать мозг. Не смогла, а чудовище, напрягая все силы, смогло продвинуться ещё на пару метров. Выстрелил я ещё трижды, последний заряд был с серебряной пулей, тратить не хотелось. К этому моменту фармацевт всё-таки достал арбалет и послал стрелу в голову.

Мы отбежали дальше. Тварь лишилась одного глаза полностью, второй заливало кровью, но при этом она продолжала ползти вперёд, пусть и медленно. Пришлось ретироваться ещё дальше, мы упёрлись в небольшое здание, какой-то склад. В сторону

отходила мощеная досками дорожка, что вела в город. Отступить можно было только туда, а в город соваться немец категорически не рекомендовал. Впрочем, все обитатели города и так уже знают, что мы здесь.

Я взялся за ружьё. Знать бы, куда выстрелить, но Женя положил руку на ствол.

— Он нас не видит, подождём.

Ждать пришлось долго. Тварь, истратив все силы, не могла уползти назад, просто лежала на камнях и умирала. А мы, выломав небольшой замок, спрятались внутри здания. Если это был склад, то его давно разграбили. Ну, или просто здесь ничего не хранили. Внутри стояли несколько столов, лавки, валялись обрывки канатов, а в одном углу были навалены доски, пропитанные какой-то вонючей гадостью.

— Дрова, — сказал Женя, указав на кучу пиломатериала. — Пол земляной, не загорится.

Я хотел сказать, что не стоит привлекать внимание, но, после того, как мы тут стреляли, это прозвучало бы глупо. При этом, во время высадки оба успели вымокнуть, а теперь замёрзли. Пришлось взять топор и начать заготовку дров. Через полчаса внутри здания уже горел костёр, вонючий дым вытягивало в небольшое оконце под потолком. Мы сидели рядом, стараясь держать под контролем вход, а перед костром разложили на просушку свои сапоги и штаны.

— Как думаешь, скоро корабль подойдёт? — спросил я.

— Думаю, ходит с интервалом в неделю или около того, — предположил фармацевт, копаясь в своей аптеке. — Если исходить из длины реки и скорости парохода.

— А ты знаешь, какая у неё длина?

— Могу прикинуть, полноводность реки зависит от количества притоков, а если притоков много, то и река длинная.

Я вынул из рюкзака своё пороховое хозяйство и занялся перезарядкой револьвера. Боеприпасы расходовались слишком быстро. Капсюли заканчивались, пули тоже. Быстро насыпал порох в камеры и начал задавливать пули.

— А как думаешь, что в городе?

— Судя по тому, что я смог разглядеть, — Женя вынул из коробочки шприц в условно стерильной тряпочке. — Там такие же трущобы, как и в первом, где мы были. Девятнадцатый век, может быть, самое начало двадцатого. С другой стороны, есть, что взять. Не похоже, что его уже грабили.

— Если нам тут сидеть неделю, — начал я рассуждать, — то было бы неплохо сходить туда и посмотреть.

— Тебе же фриц прямо сказал: не лезь туда, сожрут нахер.

— А про живые деревья ничего не сказал, и про сома этого тоже.

— Это не сом, — авторитетно заявил Женя, набирая в шприц раствор. — Больше на окуня с руками похож.

— А его есть можно? — я приоткрыл дверь и выглянул наружу, тварь лежала неподвижно.

— Я бы не стал, рыба обычно съедобная, но у этого какие-то бородавки стрёмные, могут потом глисты завестись.

Он принял своё «лекарство», после чего закутался в одеяло и лёг поближе к костру. А я ещё некоторое время сидел на лавке, размышляя, что следует делать. По всем вводным выходило, что напарник мой прав, есть небольшое крепкое строение, есть кое-какая еда и

запас дров. Пока то и другое не закончилось, то и за пределами делать нечего. С другой стороны, в городе можно было разжиться оружием и патронами, а ещё — едой, которой у нас отнюдь не вагон. С третьей стороны, лучше поголодать, чем самому быть съеденным. В крайнем случае, корабельщики покормят.

Ещё немного подумав, я решил пока никуда не идти, в конце концов, пусть сперва одежда высохнет. Я завернулся в одеяло и лёг с другой стороны костра.

Глава шестнадцатая

Хватило меня на полтора дня. Не замечал раньше за собой такого исследовательского зуда. Сидим в складе, питаемся сухарями и солониной, скучно, но делать нечего. Женя от скуки изучает справочник монстров, искал рыбу с руками, но не нашёл, хотя в справочнике том много сотен наименований.

А я тем временем прикидывал, чем можно разжиться в городе. Вот мы сидим здесь, нас до сих пор не сожрали. А рядом город, в полусотне метров от пристани стоят неплохие двухэтажные дома, где точно есть, чем поживиться. И никаких монстров на горизонте. Если я сейчас прогуляюсь и просто загляну в окна, то ничего не случится.

Страдал так часа, два, потом, приказав спутнику оставаться здесь и держать наготове арбалет, отправился на разведку. Сразу запланировал от порта далеко не уходить, потому как корабль можно пропустить. Сразу моё внимание привлекла лодка, что стояла неподалёку, вытасенная на берег. Лодка небольшая, но вполне исправная, правда, вёсел нет, но это не беда, нам, если что, нужно идти вниз по течению. Надо запомнить на крайний случай.

Осмотрев лодку, я подвинул её ближе к берегу, чтобы при необходимости можно было быстро ретироваться. Ещё бы весло найти. А я отправился дальше. Тротуарчик из досок влился в широкую мостовую, вымощенную булыжниками. Углубляться в строения я не стал, направился в ближайший дом.

Два этажа, двери из тёмного дерева, блестящие латунные ручки, которые должны были уже позеленеть, но тут, как известно, время идёт иначе. Потянул за ручку. Закрыто. Но вряд ли тут мощный запор. Вставил лезвие топора в щель между створками, навалился, изнутри раздался негромкий треск, посыпались щепки, а потом правая дверь открылась наружу.

Внутри стоял типичный запах квартиры, в которой уже давно никто не живёт. Ещё немного попахивало странной химией. Полумрак внутри позволял рассмотреть почти всё. Просторный холл, оттуда выход в кухню. Первым делом направился туда. Как знать, вдруг там не все продукты испортились.

Надежды не оправдались, продуктов почти не было, только несколько сухарей, сильно изгрызенных крысами. Столовая утварь была простая, серебра не обнаружил. Жаль.

Я присел на стул и попробовал прикинуть, где бы я хранил припасы. По-хорошему, должен быть погреб. Произвёл небольшой обыск, обнаружил дверь в подвал. Ага, уже неплохо. Пришлось снова поработать топором, дверь заперта надёжно, но, как известно, против лома приёма пока не придумали.

Вниз вела лестница, но, если в доме было относительно светло, свет проникал через многочисленные окна, то здесь царил полный мрак. Нехорошо. Снова пришлось искать, в одном из шкафов нашлась половинка свечи в подсвечнике. Поджёг фитиль. Горело плохо, материал свечи неизвестен, но вонял он отвратительно.

Впрочем, это неважно. Светит немного, этого достаточно. Я начал спускаться, положив свободную руку на револьвер. Ступени жалобно скрипели под ногами, если внизу сидит бабайка в засаде, то уже приготовился к нападению, выпустил когти и разинул пасть. Внизу

вдоль стен шли ряды полок, на которых стояли ящики, банки и бочонки. Ага, что-то съедобное точно есть.

Увы, большинство ящиков оказались пустыми, а в бочонках нашлось немного солёной рыбы, так себе еда, да и срок годности явно вышел. Единственное, что меня обрадовало — это огромный свиной окорок, копчёный, а потому вполне приличного качества. Единственный минус — твёрдый, как дерево. Ещё нашелся круг сыра, килограммов на шесть, который тоже переключал в рюкзак. Когда прошёл чуть дальше, на полках обнаружили бутылки со спиртным. Вина было много, но его я брать не стал, не тот здесь климат. Куда больше пригодится виски и джин. Набив рюкзак, я отправился наверх.

Первый этаж меня больше ничем не обрадовал, пришлось подниматься выше. Тут, как я уже знал, находится спальня хозяина, рабочий кабинет и, возможно, комнаты членов семьи. А где-то там и сейф с драгоценностями, а ещё, если повезёт, револьвер в ящике стола.

Тайник в спальне нашёлся, вот только он был открыт и почти пуст, если не считать нескольких бумаг с печатями. Может быть, в этом мире бумаги чего-то и стоили, но в буре торговцы принимали только серебро и золото, а потому я остался ни с чем.

После этого я отправился в кабинет хозяина. Тут ничего ломать не пришлось, дверь была открыта. Просторное помещение, книжный шкаф во всю стену, массивный деревянный стол, на котором разбросаны бумаги, а за ним не менее массивное кресло, что стояло спинкой ко мне. Я поставил на стол свечу и начал обходить стол.

Тут кресло начало разворачиваться, а через секунду мне предстал сам хозяин помещения. Был он, судя по седым волосам, уже немолод, комплекцией богатырской не отличался, но в кресле сидел уверенно. Определить какие-то ещё особенности было сложно, поскольку старикан был давно и бесповоротно мёртв. Кожа его ссохлась, обтягивая череп, скрюченные руки мумии торчали из рукавов белой рубахи. Глаза напоминали варёные яйца, но они, как мне показалось, смотрели точно на меня.

— И что? — спросил я, присаживаясь на небольшой табурет со своей стороны стола. — Будем в гляделки играть?

Месяц назад, встретив такое чудовище, ходячего мертвеца, я бы от страха обделался жидко, а теперь просто сидел и ждал его реакции. То, что какая-то реакция будет, сомнению не подлежало, не само же кресло развернулось.

Мертвец поднял голову и посмотрел на меня внимательно. В мёртвом мозгу происходили какие-то процессы, результат которых появился через полминуты. Мёртвый старик начал вставать, суставы так закрипели, что я втайне понадеялся, что он сейчас заклинит или развалится на части. Но старик оказался крепким, он встал на ноги, потом начал обходить стол. Оружия нет, но руки ко мне тянет.

Нет, дядя, в ближний бой не пойду, вдруг ты заразный. Я дождался, пока он подберётся вплотную, резко отскочил в сторону, подхватывая табуретку, на которой только что сидел, а когда мёртвые руки схватили пустоту, размахнулся и ударил табуреткой прямо в лоб.

Вот ведь вопрос: что твёрже, табурет из дерева, или лобовая кость мёртвого старика, из которого и при жизни песок сыпался? Как думаете? Нет, не угадали. Табурет рассыпался, оставив у меня в руке одну ножку, а старик, помотав головой, продолжил меня преследовать. Кожа на голове лопнула в нескольких местах, обнажив кость, но его это не смущало.

К счастью, особой прытью дедушка не отличался, мешали древние суставы, которые просто отказывались гнуться с нужной скоростью. Поэтому загнать меня в угол не получилось, я проскользнул у него под рукой и перебрался на другую сторону стола. Не

хочется пулю тратить.

Перехватив поудобнее топор, я широко размахнулся и ударил его обухом в лоб. Это сработало лучше, чем табуретка, кусок лобовой кости вмялся в череп сантиметра на два. Но и это не остановило мертвеца. На меня потихоньку начала накатывать паника. А попробуем острием.

Теперь я старался действовать быстрее, старик гонял меня кругами по кабинету, пытаюсь ухватить. В какой-то момент я бросился вперёд быстрее и оказался у него за спиной. Топор у меня острый, да и силой природа не обделила. Удар по шее сзади вышел удачный, голова слетела с плеч и покатила по полу. Победа.

Как бы не так! Старая сволочь и без головы попыталась меня схватить. Правда, отсутствие глаз накладывало свой отпечаток на его действия. Он махал руками вслепую, но теперь был почти безопасен. Голова, лежавшая на полу, продолжала моргать глазами и разевать рот. Осторожно подняв её за волосы, я открыл створку окна и выбросил туда. Потом несколькими толчками выгнал из кабинета остальное тело и закрыл дверь. Всё, теперь можно мародёрствовать.

С мебелью я не церемонился, прекрасно понимая, что возвращаться сюда уже не буду. Просто выламывал топором всё, что не открывалось сразу. Документы, какие-то векселя, снова документы, все на гербовой бумаге, с кучей подписей. Да что такое? А ценности где? Оружие?

В итоге, разломав стол до основания, я остался ни с чем. Пришлось идти на выход. Распахнув дверь, я столкнулся с безголовым мертвецом, который так и стоял, облокотившись на перила. Пришлось поддать ему пинка, отчего перила сломались, а сам он полетел вниз. Раздался хруст ломающихся костей, после чего мертвец стал полностью безопасен. Уже внизу, проходя мимо, я нагнулся и вынул из кармана жилета золотые часы. Часы, само собой, давно встали, а вот золото нам пригодится.

В следующий дом я не пошёл, нужно было отнести добычу. Фармацевта я обнаружил на прежнем месте, погружённого в наркотические грёзы.

— Просыпайся, — сказал я. — Вот, мяса принёс, поешь.

— Я не голоден, — спокойным голосом возразил он, не открывая глаз.

— Да ты никогда не голоден, — сказал я и добавил пару крепких выражений. — Тебя ветром качает, а потому нужно есть.

— Хорошо, — он не стал спорить, вместо этого достал складной нож и, отрезав ломоть копченого мяса начал его жевать.

— Сыр тоже бери, — сказал я, открывая бутылку. — Вот, вискаря прими для аппетита.

— Не стоит смешивать, — отмахнулся он.

— Это ты так о здоровье заботишься? — усмехнулся я.

Сам я о здоровье не заботился, да здесь и умереть сложно. А потому взял бутылку и налил в стакан едва не доверху. Хотелось согреться, перекусить и завалиться спать. Будем надеяться, что пароход при появлении хотя бы загудит.

Спал я довольно долго, проснулся отдохнувшим и бодрым. Евгений сидел у костра, завернувшись в одеяло, что делало его похожим на индейца, и о чём-то сосредоточенно думал.

— Корабля не было? — спросил я, потягиваясь.

— Не было, — ответил он, и в голосе не слышалось привычного расслабления. Он что, приём дозы пропустил?

— Что-то не так? — спросил я.

— Что-то не так, — повторил он. — Только не знаю, что именно. Чувствую что-то. Как будто кто-то зовёт. И амулет нагрелся.

Он расстегнул воротник и показал мне костяную пластинку.

— Думаешь, вампиры? — спросил я.

— Не факт, но похоже, — он пожал плечами. — Ты, пожалуйста, не ходи больше никуда.

— Не пойду, — сразу согласился я. — Еда есть, будем тут сидеть, по нужде только выходить.

Но посидеть спокойно нам не дали. Очень скоро мы стали замечать поблизости от склада подозрительные тени, кто-то перебежал через улицу, кто-то перепрыгивал по крышам. И все они постепенно приближались к нам. Теоретически можно дать бой здесь, встретив их в дверях. Но, во-первых, тварей может быть больше, чем у нас припасено патронов, а во-вторых, склад отнюдь не производил впечатления неприступной крепости, просто четыре стены из толстых досок, я сам, если мне сильно понадобится, легко такое разломаю.

Они думали так же, а потому даже не полезли в бой. Задняя стенка начала трещать, я вскинул револьвер, чтобы стрелять сквозь доски, но Женя потянул меня наружу. Выход был только один: прорываться к лодке. Пусть далеко мы без весел не уплывём, но отбиваться на воду гораздо проще. Подхватив мешки, бросились на прорыв.

Увы, твари, хоть и были условно дикими, умели действовать в команде. Нас сразу отрезали от лодки, а потом принялись загонять в угол. При этом они особо и не атаковали, просто создавали решающий перевес с одной стороны, заставляя нас свернуть.

Твари были на любой вкус. Тут и знакомые нам нетопыри, тут и мелкие бесы с когтями. Ещё какие-то скользкие твари, вроде утопленников, только ростом в метр. А один человекоподобный монстр оказался двухметровым, он был покрыт серой шерстью, поэтому я посчитал его снежным человеком.

Кончилось всё тем, что нас загнали в угол, а кольцо начало сжиматься. Мы стояли с оружием, готовясь принять последний бой. Шансы у нас есть, хотя и не самые большие. Тут тварей гораздо больше, чем во время боя в ратуше. Но и мы уже не те, опыта набрались, да и оружия побольше. Главное — завалить шерстяного бугая, он тут самый опасный. Можно даже всех не валить, просто пробить себе дорогу к лодке.

Я взял в правую руку топор, а в левую револьвер, пробьёмся, уверен. Но толпа монстров атаковать не спешила, выжидая чего-то. А потом, когда где-то вдали раздался пронзительный вой, стали раздаваться в стороны, освобождая место.

— Это то, что я думаю? — спросил я, не поворачивая головы.

— Они самые, — сказал Женя, указывая на небо, где уже видны были летучие мыши размером с человека. — Валим!

И мы разом бросились в сторону, прекрасно понимая, что против этих тварей у нас ещё шансы есть, а против вампиров почти никаких. И единственное, что может нас спасти — это текущая вода. В этом мы уже смогли убедиться.

Часть потусторонней мелочи всё же попыталась преградить дорогу. Мелкий бес вцепился мне зубами в сапог, пришлось его растоптать. Шерстяной верзила нарвался на удар топора, не насмерть, но достаточно, чтобы этот недопримат откатился в сторону с воем, поливая землю струями крови.

Мы прорвались. До спасительной лодки оставалось всего метров пятьдесят, да ещё

придётся потратить несколько секунд, чтобы столкнуть её в воду. А потом придётся чем-то грести, но это уже мелочи, метров на десять отплывём и, считай, в безопасности.

Но наперерез нам уже летели два рукокрылых создания, спикировали, шлёпнулись об землю, прокатились и встали уже в человеческом облики. Один даже одежду сохранил, высокий худой франт в пиджаке, правда, пиджак был грязный, явно не стирали его уже лет сто. Вторым вампиром была женщина, эта была голой, если не считать крошечной набедренной повязки. Её можно было бы назвать красивой, если бы не трупный цвет кожи с просвечивающимися венами и выступающие изо рта клыки.

Оба смотрели на нас безумными глазами, но почему-то не стали атаковать сразу, возможно, ждали свою мать. А нам ждать было некого, а потому мужик тут же сложился пополам, получив стрелу в живот. Женя не сплоховал, выбрав ту самую, с серебряным наконечником. Сразу и кол, и серебро. Разогнуться вампир уже не смог, разложение началось от живота, распространяясь по всему телу.

Его подруга, громко взвизгнув, метнулась к нам, но была остановлена. Пуля из револьвера ударила в переносицу, сбила с ног и частично лишила зрения. Рана тут же начала заживать, но я прервал этот процесс. Придавив вампиру ногу, я рубанул топором по шее. Приём опробован ещё на мёртвом старике. Шея оказалась не такой уж прочной, одного удара хватило, чтобы отделить голову от туловища.

Не зная, каковы пределы их регенерации, я решил перестраховаться, а потому пнул голову посильнее. Голова красиво полетела вперёд и попала в двери того самого склада, где мы прятались. Думаю, в околофутбольных кругах такой удар оценили бы по достоинству.

Ещё один смельчак получил стрелу в полёте, а на землю упал уже горсткой праха. Но отвлекаться уже было некогда. Мы побросали мешки в лодку и начали отталкивать её от берега. Летучие мыши летели густо. Я попытался их подсчитать, но смог сделать это весьма приблизительно. Голов пятьдесят или шестьдесят. И мамки их что-то не видно.

Лодка оказалась на воде, фармацевт прыгнул внутрь и принялся взводить арбалет, а я, прыгнув в воду, начал отгонять судно от берега. Только бы родственники рукастого окуня на явились. Когда вода дошла мне до пояса, я тоже перевалился через борт. Всё, оторвались, теперь только магией достать смогут.

На берегу выстроились уже полтора десятка тварей, мужчин и женщин, одетых и раздетых, похожих на людей и натуральных мумий, вроде недавно обезглавленного мной дедушки.

Один, который среди остальных выделялся более высоким ростом и мощной комплекцией, делал какие-то попытки колдовать, но Евгений тщательно следил за этим. Стрела с серебряным наконечником вошла ему прямо в сердце, разом прекратив всю магию вместе с его недожизнью. Ещё минус один.

— Ещё пара стычек, и поголовье серьёзно уменьшится, — заметил я.

— Неизвестно, как быстро они размножаются, — мрачно ответил Женя. — Очень может быть, что у нас средств не хватит их истребить. Вот уже три стрелы в минусе, ещё три осталось. А дальше будет сложнее.

— Куда теперь? — спросил я, лодку относило дальше от берега, если дальше так пойдёт, то сами доберёмся до места назначения.

— Можно плыть дальше, — сказал он, — но лодка слегка протекает, не хотел бы в ней долго находиться. А ещё, кажется, вон там корабль.

В самом деле, на горизонте показался столб дыма, который из-за сильного ветра

стелился по поверхности воды, а следом на водной глади показался внушительных размеров пароход. Не Титаник, конечно, но серьёзный, метров сто в длину, а то и все сто двадцать, отсюда разобрать сложно.

Корабль направился было к пристани, но капитан, увидев, что происходит на берегу, приставать отказался. Корабль снова повернул нос в сторону середины реки. Я прикинул его траекторию, понял, что таким образом он с нами разминется, а потому встал в полный рост и принялся орать и размахивать руками.

Нас увидели, пароход снова повернул и направился курсом, параллельным нашему. Минут через пять мы уже стояли под бортом, а сверху спускали верёвочную лестницу. Когда поднялись на борт, нас окружили несколько небритых матросов в сильно поношенной форме, в руках они держали топоры и багры, явно опасались попадания на борт какой-то нечисти.

— Здравствуйте, — я положил топор на палубу, чтобы выглядеть мирно. — Мы — люди, спасались от вампиров, мы хотим попасть в Борисфен. Если вам по пути, то прошу нас отвезти туда. Мы заплатим.

Тут матросы расступились, давая дорогу капитану. Высокий худой старик с редкой седой бородой вышел вперёд, опираясь на трость с золотым набалдашником. Выглядел он лет на сто, но по глазам было видно, что дедушка отнюдь не так стар и дряхл, как можно подумать. Явно какой-то особой магией владеет.

— Приветствую вас на борту «Северной звезды», — скрипучим голосом поведал он. — Меня зовут капитан Эдгар Дюпон. Это мой корабль, быстроходный, с паровым двигателем. Я видел, как вы укрылись от стаи отвратительных созданий на лодке. Что же, на борту можете никого не опасаться, это святое место, где действуют исключительно мои законы. Ни одна тварь, даже замаскированная, сюда пробраться не сможет.

— Да, спасибо вам, — я поднял с палубы топор и, за неимением лучшего, сунул его за пояс. — Так уж вышло, что нам двоим нужно добраться в Борисфен. Если вам по пути, мы заплатим за дорогу.

— Разумеется, нам по пути, река, даже большая, предоставляет мало свободы в выборе дороги. Думаю, за умеренную плату мы доставим вас в эту гавань. Даже выделим отдельную каюту.

Женя в это время активно смотрел на маневры вампиров на берегу.

— Вижу, эти монстры доставили вам беспокойство, — заметил капитан.

— Да, — фармацевт развёл руками, мол, извините, так получилось. — Их маман на нас немножко... жлобит.

— Тогда для вас плохие новости, они не отстанут. То есть, сейчас вы уйдёте, возможно, у вас получится высадиться без проблем. А потом, рано или поздно, они вас найдут, — серьёзно сказал капитан.

— Мы будем этого ждать, — обречённо склонив голову, ответил я.

— Ну, а пока, прошу в каюту, — капитан сделал широкий жест рукой, — надеюсь, наши простые удобства не оставят вас разочарованными.

Мы подхватили мешки и оправились знакомиться с новым местом проживания.

Глава семнадцатая

— Итак, вампиры, — Женя ходил по каюте туда-сюда с амплитудой в три шага и читал лекцию, временами забывая текст и подглядывая в книгу, — получают из людей после специфического обряда посвящения. Обряд заключается в следующем: человек, попавшийся

вампирам, подвергается укусу, но кровь выпивается не целиком, жертва должна оставаться живой. После этого её вводят в особый транс с помощью магического воздействия и дают выпить каплю крови матери вампиров. Кровь при этом подаётся не из раны, а из соска, словно грудное молоко. Человек, принявший эту кровь (некоторые источники утверждают, что для подобной инициации подходит не каждый человек, но эта информация не проверена) засыпает на несколько дней или даже недель, после чего его тело полностью перестраивается. Среди изменений отмечается большая физическая сила, способность быстро передвигаться, жажда крови, через которую их тело получает жизненную силу, а с определённого момента и способность оборачиваться в летучую мышь. Стоит отметить, что в облике летучей мыши вампир почти не опасен, это исключительно способ перемещения.

Вампиры социальны, как правило, живут родами. Во главе каждого рода стоит мать, которая проводит обряд посвящения всех членов. Мать рода существует в единственном экземпляре. Остальные являются производными от неё. В вопросе о происхождении матери вампиров нет единства мнений. Одни исследователи утверждают, что матерей конечно число, они являются выходцами из некоего мира, где вампиризм существует. В этом случае, если убить всех имеющихся в мире матерей, то вампиризм исчезнет, как явление. Другие заявляют, что после гибели матери, среди вампиров выделяется новая, которой необходим специальный обряд для обладания новыми способностями (странно, старик ведь говорил, что мать вампиров одна, а тут написано, что их несколько).

Чем дольше живёт вампир, чем больше людей он погубил, тем он сильнее, быстрее, а также выше в иерархии вампирского рода. С определённого момента вампиру начинает становиться подвластна магия, сначала простая, вроде гипноза, а потом их заклинания усложняются. Мать вампиров — всегда маг, сильный маг, способный захватывать людей зовом, приводить их на смерть.

Жить вампиры предпочитают компактно, хотя это и усложняет поиск добычи. При нападении на человека вампир выпивает около пинты крови, обычно это количество не приносит смерти, будучи потерянным обычным путём. Однако, вампиры, выпивая кровь, таким образом вытягивают жизненную силу человека, присваивая себе его непрожитые годы. В случае, когда человека кусают сразу несколько вампиров, крови они выпивают немного, но жизненная сила делится на всех. Напившись крови, вампир чаще всего засыпает, в процессе сна его тело подвергается дальнейшей перестройке.

Ротовой аппарат вампиров устроен так, чтобы в любой момент выдвинуть клыки из верхней челюсти, в момент укуса в рану впрыскивается фермент, предотвращающий свертывание крови и успокаивающий жертву, а затем срабатывает сосательный аппарат, кровь высасывается за одну секунду, больше не требуется. Есть вампирам требуется нечасто, обычно один раз в год, в идеале — раз в полгода.

Вампиры, особенно те, кто посвящён давно и окончательно переродился в новую сущность, подвержены многочисленным запретам и ограничениям. Причины их до сих пор неизвестны, предполагают, что таковые наложены напрямую богами, чтобы ограничить силу и влияние вампиров. Так вампиры очень чувствительны к солнечному свету, прямые солнечные лучи вызывают ожоги и могут убить вампира в течение примерно получаса. Если лучи непрямы, если, например, солнце светит сквозь тучи, то такой свет вызывает у вампиров только лёгкое недомогание. Также вампиру сложно достать человека в доме, но только в том случае, если этот дом его. Закрыться от вампиров в чужом доме не выйдет. При этом можно спрятаться в гробу(!), если таковой окажется под рукой. Во всех иных случаях

вампиры не могут пересечь порог дома, если его не пригласил хозяин, также они не могут воздействовать на хозяина магией, но могут обмануть иллюзией. Также вампиры не могут пересекать текучую воду, переправляться через реки для них возможно исключительно по мостам, поскольку мост является частью суши. Есть данные, что вампиры могут плыть на кораблях, но они не подтверждены, возможно, такой способ требует дополнительных магических средств.

Что касается средств борьбы с вампирами, то тут есть несколько способов. Первое: вампиры очень чувствительны к ранам, которые нанесены деревом, любым деревом, в особенности осиною. Как правило, вонзание в тело вампира осинового кола приводит к параличу, а через несколько часов, если не вынуть кол, вампир умирает и рассыпается в прах (если он, конечно, живёт достаточно долго). Любое другое дерево вызывает только паралич мускулатуры, не всегда полный. Также присутствует чувствительность к серебру, в идеале, следует сделать так, чтобы в тело вампира попал раствор нитрата серебра, но, за неимением такой возможности можно использовать серебряные пули и наконечники стрел. Отлично подойдёт стрела с древком из осины и наконечником из серебра. Также для боя с вампиром можно использовать прочные манжеты с серебряными заклёпками и такой же воротник.

Также есть масса алхимических препаратов, направленных на убийство вампира. Часть из них, имеющая в основе серебро, следует наносить на оружие и поверхность тела, есть также такие составы, которые следует употребить внутрь, чтобы сделать кровь для вампира ядовитой, тогда, производя укус, вампир окажется отравлен и даже не сможет довести дело до конца. Что касается чеснока, который часто считают хорошим средством от вампиров, тут мнения разнятся. Запах чеснока противен вампиру, а его экстракт, введённый внутрь, может даже убить, если концентрация окажется достаточной. Но ввести его внутрь технически сложно, а чеснок, применённый наружно, оказывает на вампира влияние не больше, чем любые другие сильно пахнущие вещества.

Кроме того, есть и другие, простые способы борьбы с вампирами, например, обезглавливание. Если зафиксировать вампира с помощью деревянного кола, можно отрубить ему голову, а желательно и остальные части тела. Часть эти желательно убрать подальше, чтобы не допустить прирастания обратно. Кроме того, вампира можно сжечь, но для этого потребуются большая температура, аналогичная кузнечному горну. Некоторые алхимики умеют делать бомбы, начинённые составом, название которого чаще всего произносят, как «Огненный лёд», это прозрачные кристаллы, смешанные с металлическими опилками. Внутри гранаты пороховой заряд, который подрывает начинку. В результате на несколько мгновений образуется облако огня, в котором плавится даже сталь. Такие гранаты, особенно применённые в закрытом помещении, могут убивать вампиров.

Что касается магических способов борьбы с вампирами, то тут есть несколько способов. Например, заклинание «Свет Синей Звезды», это заклинание за секунду производит действие, аналогичное действию прямых солнечных лучей в течение нескольких часов. Согласно некоторым свидетельствам, маги, изобретавшие это заклинание, специально создавали его для борьбы с вампирами и иными тварями, чувствительными к свету. Другим полезным заклинанием может быть «Рост», практикуемый магами земной стихии и друидами, смысл заклинания прост: магическим воздействием растению отдаётся приказ расти, используя любые питательные вещества. В идеале, маг поражает вампира небольшим осиновым колышком, который в теле мгновенно пускает корни, выдернуть его уже невозможно, он высасывает из вампира все соки и вырастает в дерево. Дерево, в свою

очередь, может поразить своими ветвями иных вампиров, повинуюсь приказу мага, и уже в них пустит корни. Таким образом, один росток, брошенный в логово вампиров, может привести к гибели всего рода. Заклинание «Прах», созданное некромантами (никоим образом их не поддерживаю и всеми силами желаю, чтобы маги этого направления исчезли) для уничтожения неподконтрольных созданий, также отлично уничтожает вампиров, те, несмотря на вполне плотский облик, являют собой просто разумную нежить, а потому заклинание обращает их в прах точно так же, как оживших мертвецов. Ситуативно все заклинания стихии огня могут быть пригодны, огонь для вампиров крайне неприятен, ожоги заживают гораздо дольше обычных ран, а потому при групповой охоте на вампиров огненный маг бывает полезен.

Есть ещё подробный перечень того, что можно взять с убитого вампира, но я перечислять не стану, поскольку мы не алхимики и торговать таким вряд ли станем.

Женя захлопнул книгу и сел.

— Там ещё три страницы философской лабуды про то, что негативное явление должно быть искоренено, и всё такое.

— И так информация исчерпывающая, — сказал я, вставая с койки.

— Да нихрена! — он хлопнул книгой по столу. — Сразу видно, дилетант писал, который вампира в глаза не видел. Явно переписано с разных источников, возможно, изначально на нескольких языках писалось, при переводе часть информации утеряна.

— Что делать будем? — спросил я.

— Они не отстанут, — Женя успокоился и сел на лавку. — Надо принимать бой.

— Ты видел, сколько их? — напомнил я.

— Не так много, рыл, наверное, семьдесят. Если схватимся, надо оборону держать в каком-то замке. Тут ведь есть замки?

— Должны быть, ну, или просто крепкие каменные дома.

— Вот, там мы закроемся и будем отбиваться. Осина работает, серебро тоже.

— Слишком много их, — повторил я. — Да и при желании мама новых наклонит.

— Вот! — он просиял. — Надо сделать так, чтобы мама вмещалась, её завалим, остальные сами вымрут.

— А завалим? Вдруг она магией жажнет? Помнишь, старикан говорил, что от её заклинания ни один амулет не спасает.

— Помню, но и бегать без конца мы не можем. Прикинь, если нас прихватят там, где реки нет?

— Тогда нам кирдык, — сделал я закономерный вывод.

— Помирать так просто я не хочу, — заявил он. — Если есть возможность драться, надо драться.

— У нас серебро есть, — напомнил я. — И несколько патронов ещё осталось.

— Тут, на борту, есть мастерская, — вспомнил он. — Можно туда серебро отдать, они сделают пули и наконечники.

Предложение я посчитал здравым, мы немедленно отправились в мастерскую, где несколько рукастых матросов работали с железом. Наше предложение было признано полезным для обеих сторон, правда, за работу потребовали три золотых ролла, что, на мой взгляд, было жирно. В итоге сторговались на двух с половиной, а они обязались переделать все серебряные монеты и безделушки, что имелись у нас, в картечь, пули и наконечники для стрел. Более того, кто-то принёс из трюма приличных размеров брёвнышко из осины, теперь

можно будет наделать стрел для арбалета.

Озадачив матросов, мы пошли к капитану, живой антиквариат, вместо того, чтобы спать на печке, крутился на мостике, делая вид, что управляет кораблём.

— Добрый день, капитан, — поприветствовал я его. — Не подскажите, далеко ещё до гавани Борисфен?

— Около суток, хотя время тут мало что значит. В пути придётся остановиться, пополним запасы топлива.

— А я думал, у вас топливо бесконечное, — удивился Женья.

— Нет, увы, мы не настолько выросли в этот мир. Топливо нам всё ещё необходимо, хотя и не так, как в обычном мире.

— Что вы имеете в виду? — уточнил я.

— Здесь есть существа, которые нарушают законы природы, одно такое нам пригодилось. — Он повернулся и крикнул куда-то в сторону. — Карл, отведи гостей к котлам и покажи топку.

Карл, невысокий бородатый брюнет в застиранной тельняшке, поманил нас за собой. Мы спустились в машинное отделение, где от подвёл нас к топке котла и открыл чугунную дверцу. Мы отшатнулись от жара, а он, не моргнув даже глазом, усмехнулся и предложил туда заглянуть.

— Иногда подкидываем топлива, несколько лопат угля или дрова, если угля нет. Но, в основном, тепло идёт от неё.

В топке сидело странное существо, оно напоминало ящерицу рыжего цвета с чёрными пятнами. Ящерица была объята огнем, от неё шла волна жара, как от автогена. По бокам горели угли, но они явно не кипятили воду в котле.

— Огненная саламандра, — с гордостью доложил матрос. — Заводится там, где регулярно горит огонь, поселяется, а потом её невозможно выгнать. Но мы и не хотим, поскольку она вырабатывает тепла столько, что при желании можно ходить исключительно на ней.

— Вечный двигатель, — с уважением кивнул головой фармацевт.

Мы вернулись к капитану, собственно, устройство двигателя было интересным моментом, но поговорить я хотел о другом.

— Капитан, я впечатлён вашим источником энергии, но хотелось бы услышать совета.

— Разумеется, — с готовностью ответил старик. — Спрашивайте, если я что-то знаю, то непременно вам сообщу.

— Нам нужно попасть в одно место, то есть, сперва в гавань Борисфен, а оттуда ещё долгий путь пешком. При этом нас преследует стая вампиров, и вряд ли они отступятся от нас. Вы не знаете способов борьбы с ними?

— Способов масса, но вы их, наверное, знаете и без меня. Осина, серебро, огонь, солнечный свет. Ещё полезно использовать сильно пахнущие жидкости, спирт, эфир, ацетон. Если намазаться этой дрянью, вампир просто не сможет вас укусить. Ещё есть яды, которыми можно смазывать пули и клинки.

— А где их достать?

— В порту Борисфена есть торговец, не всегда один и тот же, но кто-то сидит постоянно. Обратитесь к нему, глядишь, поможет советом и продаст что-то из снадобий.

Я прикинул. Деньги у нас ещё есть, в золоте и драгоценностях. Купить пару эликсиров мы сможем. Идея дать бой уже не казалась такой глупой.

— Ещё, насколько я знаю, — продолжал капитан, — у продавцов оружия бывают гранаты, странные гранаты, они как будто заряжены солнечным светом. Взрываются, и от центра взрыва в течение нескольких секунд расходятся яркие лучи. Обычный человек может ослепнуть и получить ожог, а вампиры, которые страшно чувствительны к такому свету, просто рассыпаются в прах. Правда, встречаются они редко, не уверен, что торговец хранит такие у себя.

Гавань Борисфена показалась, как и говорил капитан, через сутки, когда мы забрали продукцию из местной мастерской. Надо сказать, что поработали парни здраво, грех было жаловаться. Сделали даже больше заказанного, видимо, капитан, узнав о нашей проблеме, решил поспособствовать. Женя получил двенадцать осинового стрел с серебряным наконечником и ещё двадцать с обычными железными, но тоже из осины. Мне выдали несколько серебряных пуль к револьверу. С теми, что уже есть, получалось девять. Тоже неплохо. Также выдали посеребрённую картечь, свинцовые горошины, покрытые слоем серебра. Сказали, что подействует, да я и не сомневался, всё равно, серебро взаимодействует с организмом вампира только своей поверхностью. Наконец, выдали два коротких копья, наконечники были стальные, но древко из осины, предупредили, что они хрупкие, лучше не подвергать нагрузкам. А сами наконечники в виде вытянутого листа снабдили дорожками из серебра. Это пригодится для ближнего боя.

Надо сказать, теперь я чувствовал себя гораздо увереннее, предстоящий бой с вампирами уже не казался самоубийством. Распрощавшись с капитаном, мы отправились на трап, который уже скинули на пристань. Рядом был большой город, куда больше того, где мы сидели. Город, конечно, не современный, небоскрёбов и супермаркетов тут не было, зато имелись приличные каменные дома, мощёные улицы и довольно обширный порт. Не знаю, как там с ценностями, но голодными точно не останемся.

— Удачи вам, путники. — сказал с борта капитан, когда мы уже стояли внизу. — Вампиры — страшный противник, но я вижу, что вы справитесь, чего бы вам это ни стоило.

— Спасибо, — мы оба неглубоко поклонились, а потом отправились в порт, а пароход, дав продолжительный гудок, быстро отчалил и направился дальше. Река тут напоминала море, противоположный берег был не виден, не удивлюсь, если и вода солёная.

— И куда теперь? — спросил я, оглядывая порт, попутно следил, не появятся ли в небе уже знакомые чёрные точки.

— Нужно найти барыгу, — сказал Женя, пытаюсь развернуться так, чтобы ветер не дул в лицо. — Поторгуем с ним, купим чего-нибудь, потом пройдемся по городу, насобираем пряников, а потом уже в путь.

— Ясно, идём искать, — я забросил рюкзак на плечо и зашагал по длинной пристани.

Глава восемнадцатая

Барыга, как мы и ожидали, нашёлся быстро. В одном из помещений среди складов топилась печь, разумеется, там кто-то был. Мы подошли, вежливо постучали в дверь.

— Входите, — крикнул кто-то с той стороны, голос показался мне знакомым.

Я открыл дверь, и мы оба, перешагнув высокий порог, вступили в жарко натопленное помещение. Внутри сидел уже знакомый нам торговец, тот самый, второй человек после Фёдора, которого мы встретили в этом мире. Одет он был точно так же, а на носу поблескивало пенсне, державшееся неведомым образом.

— О, знакомые лица, — обрадовался он. — Ещё пара таких встреч, и я запишу вас в постоянные клиенты. Я уже собирался уходить, но вы прибыли вовремя. Увидев вас на

пристани, я решил, что вы не сможете обойти вниманием мою скромную каморку.

— Мы тоже рады вас видеть, — сказал я, присаживаясь у печки, после пронизывающего ветра снаружи, тепло было приятным. — Мы не представились, меня зовут Юрий, а моего друга — Евгений.

— А я — Генрих, просто Генрих, у меня есть фамилия, но она настолько длинная, что занимает половину книжной страницы, далеко не все способны запомнить, да это и не нужно. Просто Генрих, некоторые коверкают имя. Называя меня Генри, или Энрике, или Анри, но правильно — Генрих. Так что привело вас сюда?

— Привела далёкая цель, — я попытался объяснить обтекаемо. — Но по пути сделали привал здесь. А конкретно к вам привела нужда. Видите ли, в дороге мы сцепились с очень неприятными тварями.

— С вампирами, — уточнил Женя.

— Мерзкие твари, — согласился Генрих.

— Они преследуют нас, — продолжил я, — пока получается отбиваться, но, боюсь, скоро нас прищучат по-настоящему.

— И вы решили зайти ко мне, чтобы получить парочку средств для борьбы с этой мерзостью? — он снял пенсне, вынул платок и начал протирать стёкла.

— Именно, — подтвердил я. — Если что-то есть, выкладываете, мы готовы платить.

— Что же, — он отложил пенсне, явно не страдал от плохого зрения. — Кое-что могу предложить. Вот, например.

В руке его сам собой материализовался пузырёк граммов на сто с чёрной, как мазут жидкостью.

— И? Что это? — уточнил я.

— Это, чтобы вы знали, отличная штука, когда имеешь дело с вампирами. Называется этот эликсир «Кровяная гниль».

— Звучит многообещающе, — заметил Женя.

— Можете не переживать. Для живого человека эликсир почти безопасен, хотя и имеет ряд побочных эффектов.

— Это каких? — уточнил я.

— После приёма, — а принимать нужно не больше глотка, так что здесь примерно двадцать порций — ваше тело будет избавляться от такой отравы самым доступным способом, через мочу и пот. То есть, ваша моча будет чёрной, а потеть вы будете с запахом гнили, но, согласитесь, это не самое страшное.

— Так для чего он служит?

— Это, если можно так выразиться, оружие последнего шанса, перед боем вы выпиваете глоток эликсира, потом сражаетесь, проигрываете, а вампир, как бы ни был зол на вас, не может устоять перед возможностью испить живой крови. Он бросается на вас, кусает за шею, ну, или в любое другое место, где есть крупные сосуды, сосёт кровь... И всё. Вампир распадается на части.

— Но кровь-то выпить успеет? — уточнил Женя. — Там ведь двух стаканов хватит, чтобы концы отдать.

— Вот здесь вы ошибаетесь, — он широко улыбнулся, демонстрируя не по возрасту крепкие зубы. — Эликсир, помимо того, что делает кровь ядовитой для монстра, предотвращает вытягивание с кровью жизненной силы человека. Кровь сосёт, а жизненная энергия остаётся с вами. И стоит это удовольствие всего жалких десять роллов.

— Драгоценностями возьмёте? — спросил я.

— Разумеется, золото по весу.

Я передал ему несколько золотых предметов, каждый он взвесил прямо в руке и потом сказал, что достаточно. На флакон эликсира ушло примерно треть запасов золота. Неслабо.

— Что ещё есть? — спросил я.

— Ага, — добавил Женя. — Гранаты световые.

— Две штуки, по двенадцать роллов.

Пришлось отсчитывать деньги. Потом ещё купили пару перчаток с серебряными заклёпками на тыльной стороне, как объяснил торговец, перчатки почти неубиваемые, снесу им нет, поскольку наложено соответствующее заклятие, а заклёпки торчат наружу острыми конусами, которыми можно наносить урон любой твари, чувствительной к серебру. Что же, пригодится. Были ещё кинжалы, но мы их брать отказались, поскольку уже имели копья. На оставшиеся деньги я купил небольшую пачку пороха, на этот раз, как ни странно, бездымного, торговец отдельно заметил, что это — алхимический пироксилин, дыма почти нет, пуля летит быстрее, а ствол не разрывает. Как этого можно добиться, если давление в стволе и скорость пули в прямой зависимости, он не сказал. А вот капсулей у него было мало, всего семь штук, но и это пригодится, пули есть, в том числе серебряные, так что пострелять смогу.

— Что же, — торговец по имени Генрих развёл руками. — Если больше ничего не нужно, то позвольте мне откланяться. Рад бы посидеть с вами подольше, да только дела требуют моего присутствия в другом месте. Всего доброго.

На прощание он пожал нам руки, накинул на плечи плащ, а потом вышел за дверь. Я уже догадывался, что сейчас будет. Так и вышло. Барыга некоторое время стоял, вглядываясь в вечерний сумрак, потом дождался подходящего вихря, сделал два шага вперёд и подпрыгнул. Вихрь втянул его в себя и потащил в сторону реки.

— Вот бы нам так научиться, — сказал я своему спутнику, не оборачиваясь.

— Барыга бякли свои забыл, — Женя стоял в двери и показывал мне пенсне.

— Ну, что теперь, — я развёл руками. — Отдадим при встрече. Если живы будем.

Мы вернулись в домик и начали осматривать обмены. С эликсиром всё было понятно, выпьем при первой же стычке, пусть потом нападают. А вот гранаты требовали дополнительного изучения. По форме они напоминали ёлочные шары, сверху небольшой выступ, который заткнут пробкой. На пробке есть кольцо, за которое нужно сильно потянуть. Между вырыванием кольца с пробкой и взрывом проходит, как объяснил Генрих, пять секунд. Этого достаточно, чтобы метнуть и успеть спрятаться. Материал, из которого они были сделаны, оставался загадкой. Это напоминало стекло и одновременно камень, а снаружи местами был виден металлический блеск. Больше всего это напоминало окалину на сварном шве.

— Что дальше делаем? — спросил Женя, раскладывая на столе свою медицину.

— Идём в город и мародёрствуем, — сказал я. — Потом выдвигаемся по дороге, как сказал немец. Думаю, нам стоит поспешить, поскольку вампиры не дремлют, они отстают, но мы на том же берегу, спасает нас только расстояние.

— Да, сейчас выйдем, — согласился он, набирая раствор в шприц.

— А если тебе пару дней не колоть? — спросил я как бы между делом.

— Сначала будет нормально, потом станет не очень, стану нервничать и трястись. Потом абстиненция наступит полная, буду кататься по полу, гадить под себя и выть.

— Всё так серьёзно? — удивился я.

— Нет, конечно, — он как-то невесело усмехнулся. — Все почему-то уверены, что наркоманы не могут бросить потому, что боятся ломки. Это не так, знаю бывалых, которые бросали раз десять, каждый раз проходили через натуральный ад, но бросали. А потом снова садились, как только появлялась возможность. Ломка — штука неприятная. Даже очень. Но не она определяет зависимость. Главный фактор — это не наличие страдания, главное — отсутствие удовольствия. Даже если организм полностью очистился, мозг не может забыть ощущения. То есть, страдать я буду в основном от отсутствия кайфа. Но и проблемы со здоровьем никто не отменял, пусть это большей частью психосоматика, но все системы организма придут в расстройство, а это очень и очень плохо.

Он смочил ватку спиртом из бутылки, протёр худую руку выше локтя, уколол едва видную мышцу и прижал ваткой место укола. Некоторое время посидел с закрытыми глазами, потом открыл их и с неожиданной бодростью вскочил. Зрачки были соответствующими, но сам он выглядел вполне адекватным.

— Идём.

Началась долгая работа по обыску домов богатых горожан. До нас тут уже неоднократно грабили, но, как известно, при поспешном обыске можно многое пропустить. Часа через два мы разжились приличной суммой в золоте и серебре, несколькими драгоценными украшениями с камнями, которые явно стоят немало. Единственное, что смущало, — это отсутствие оружия. Точнее, оружие-то было, но по большей части это были сабли, алебарды, копья, боевые топоры. А ведь город относительно современный, я бы сказал, века девятнадцатого. В одном доме, который ещё не разграбили, среди прочего нашли два дуэльных пистолета, с кремнёвым замком.

— Возьмёшь себе? — спросил я.

— Тяжёлые, — пожаловался он. — Они хоть стреляют?

— Стреляют. Хотя и не всегда. Замок несовершенный, бывают осечки. Можно попробовать серебром зарядить. Попробовать отлить пулю.

Только что мы нагребли уйму столовых приборов из серебра, материала хватало.

— Серебро — это не свинец. У серебра температура плавления около тысячи, — осадил меня он. — Если только кузницу найдём.

Кузницу мы нашли, пока мародёрствовали, дважды сменилось время суток, солнце садилось и вставало. Под конец брали уже только еду и драгоценности. Женья, отчаявшись найти дом местного доктора, всё-таки взял оба пистолета, их зарядили кусочками серебра от серебряной ложки, которую разломали кусачками. Для вампира смерть, только вот дальнобойность там не больше пяти метров.

Кузница стояла на окраине, отсюда начиналась та самая дорога, по которой нам надлежало идти. Рядом был господский дом, где мы смогли бы отдохнуть. По-настоящему прошло около десяти часов, мы оба валились с ног, но нужно было ещё рассортировать находки.

— Смотри, есть тигель, — сказал Женья, указывая куда-то в шкаф с инструментами. — Если разжечь горн, сможем расплавить и серебро.

К счастью, тут уже дошли до использования каменного угля, а меха в горне имели ручной привод, что избавило нас от возни со сложными механизмами. В кузнице было темно, но нашлась масляная лампа, которой хватило, чтобы найти всё необходимое. Тигель был керамический, размером с гранёный стакан, мы бросили туда несколько монет, цепочку

и пару колец из серебра, которые должны были расплавиться. Потом засыпали уголь, разожгли с помощью лучины, теперь оставалось только ждать. Меха, несмотря на примитивную конструкцию, позволяли создать огромную температуру, через несколько минут мне пришлось приоткрыть дверь в кузницу, поскольку становилось невыносимо жарко.

— Расплавилось, — сказал Женя, прищурившись на пылающее в горне пламя. — Давай форму.

Он ухватил тигель специальными щипцами, я тем временем подумал, что форма для пуль стальная и отнюдь не рассчитана на такую температуру, свинец-то плавится при куда меньшей. Но Женю это не смущало, он поднёс керамический стакан к отверстию и налил немного металла внутрь.

— А охладить как?

— На воздух вынеси. — предложил он, само остынет.

— А форма не расплавится?

— Не успеет.

Я высунулся наружу, чтобы немного подержать форму на ветру, но тут мне в лицо прилетел пудовый кулак. Сам я человек неслабый, свалить меня одним ударом только Тайсон сможет, но тут сработал эффект неожиданности. Я отлетел внутрь, выронив форму, а следом ввалился бородатый мужик, крепкий, но с солидным пузом, похожий на пирата. Широкие шаровары из красной материи, кушак, за которым торчал пистолет, а в руке короткий топорик.

— Думали, можно грабить наше добро?! — визгливым голосом крикнул он. — Ребята с вами разберутся.

Ухватив топорик покрепче, он бросился на меня, но тут же выстрелил пистолет моего напарника, горсть серебра ударила пирату в бок, тот охнул и присел на корточки. Я тем временем вскочил на ноги и отвесил ему пинка прямо в подбородок. Удар хороший, а в сумме с тяжёлым кованым сапогом наносит катастрофические разрушения. Шея у пирата оказалась слабой, никак не соответствующей его комплекции, позвонки хрустнули, а он завалился набок. От тела пошёл едва заметный дымок.

— Так это что, не вампир был? — спросил Женя, осматривая труп.

— Нет, — сказал я, потирая ушибленную скулу. — Просто ещё какие-то мародёры.

Тут я вынужден был замолчать, поскольку в дверь влетела стрела и ударила меня в грудь. Удар был такой силы, что сбил с ног, дыхание вылетело, а сделать вдох я смог ещё очень нескоро. Женя, надо отдать ему должное, среагировал быстро, занял позицию справа от двери и стал взводить тетиву арбалета.

— Выходите, твари! — прокаркал хриплый голос снаружи. — Иначе мигом подпалим.

А вот это уже серьёзно, кузница деревянная, дерево сухое, а с таким ветром полыхнёт мигом. Допускать такого нельзя.

— Сколько их? — спросил я, становясь с другой стороны от двери.

— Двоих видел, — ещё сзади кто-то мечется.

— Ну, это немного, — я взвёл курок револьвера. — Сейчас выскакиваю и ввязываюсь в драку, а там видно будет.

— Уверен?

— Да, — ответил я и бросился наружу.

Второй мародёр, стоявший примерно в десяти метрах от входа, выстрелил в меня из

кремневого пистолета. Вот только он не учёл одну важную вещь. Пистолет палит с задержкой, кремьень бьёт по кресалу, искра попадает на полку, а там уже загорается затравочный порох, огонь которого попадает внутрь ствола и поджигает основной заряд. Между нажатием на спуск и выстрелом проходит около половину секунды, если не больше. Стрелять по движущейся цели не получится, нужно брать упреждение, да и точность у гладкого ствола пистолета известно какая.

Пуля ударила в шаге от меня, а я, поняв, что противник временно безоружен, выстрелил в ответ. Попал, хоть и не в грудь, как целился, а в живот. Тот сложился пополам. Тем временем второй, бросив приготовленный факел (быстро успели разжечь), выхватил ещё пару пистолетов, я взводил курок, выстрелить не успею.

Но тут показал себя фармацевт, внимание врагов отвлеклось на меня, а он, показавшись из двери, прицелился из арбалета. Стрела пробила шею бандита насквозь, тот замер с пистолетами в руках, потом начал падать. Оба ствола изрыгнули дым, пули ушли в небо.

Но врагов оказалось гораздо больше. Через небольшой заборчик перепрыгнули сразу четверо, двое бросились ко мне, а ещё двое побежали в кузницу, где скрылся Женя. Мне бояться было нечего, враги вооружены холодным оружием, а у меня в руках револьвер. Главное — не подпускать их близко. Первому прилетело точно в лоб, а второй заставил меня побегать. Высоченный худой мужик обладал длинными руками, в которых держал топор. Дважды я увернулся, а третий удар принял на спину, снова спасла кольчуга под одеждой, хотя удар едва не выбил из меня жизнь. А потом долговязый мародёр точно так же свалился от пули в грудь.

Место удара адски болело, но отдыхать было некогда, я бросился в кузницу, где только что прогремел выстрел. У одного из нападавших в руке был мушкет.

Я ворвался в дверь с намерением покарать стрелка, но тут же увидел, что стрелять уже не в кого. Один враг лежал на полу со стрелой в животе, корчась от боли, а второй, который и был с мушкетом, сидел неподалёку в углу, уронив бесполезный мушкет. Женя сидел на нём сверху с перекошенным от ярости лицом и, едва не пуская пену, орал:

— Сука! Падла! Блядь! Шакал вонючий! Урод гнойный! Убьюуюую!!! — и каждый эпитет он сопровождал ударом ножа в тело, противник был давно мёртв, а кровь растекалась по полу большой лужей.

— Женя, успокойся, он уже умер, — я обнял своего спутника за плечи, его трясло, как в лихорадке, он едва владел собой. — Всё закончилось, они мертвы, мы живы. Всё!

Он оглянулся на меня и посмотрел жалобно. В глазах его стояли слёзы. Потом встал и проковылял туда, где лежали наши мешки. До меня стал доходить смысл его реакции. Мушкет, который использовал мародёр, имел раструб на стволе, насколько я знаю, это специально сделано для удобства стрельбы дробью, не столько для лучшего разлёта, сколько для упрощения заряжания. Вломившись внутрь, он выстрелил наугад, другого и быть не могло, поскольку он, скорее всего, ничего не видел попав из света в тень. Дробь, пролетев три метра и разойдясь в стороны примерно на двадцать сантиметров, ударила прямо в рюкзак Жени. Не тот, в котором лежало награбленное добро, а другой, в котором лежали личный вещи. Более того, рюкзак после удара отлетел назад и влетел прямо в горн, отчего ткань сразу вспыхнула, теперь там прогорела большая дыра, а о содержимом оставалось только догадываться.

Теперь несчастный фармацевт сидел, перебирая оставшиеся стекляшки и размазывая слёзы по лицу.

— Совсем плохо? — спросил я.

— Угу, — всхлипнул он. — И порошок, и раствор, всё. Даже настойка. Это дробь, понимаешь, всё разбилось и сгорело. Вот, только это уцелело.

Он показал мне коробку с хирургическими инструментами, сталь имела несколько царапин, но дробь её не пробила. Настойка, кстати, уцелела, поскольку лежала у меня в мешке, разбился только сироп, но в мешанине закопченных осколков этого было не разобрать. А я говорить не стал.

— У тебя ведь есть немного раствора? — уточнил он.

— Эмммм?

— Ну, маленький такой пузырёк, кубов на пять, я тебе отдавал.

Я похлопал по карманам, да, в самом деле, один пузырёк у меня есть. Но он невелик, тут ему укола на три.

— Нам придётся задержаться, — сказал он.

— Надолго? — уточнил я.

— Дней пять, может быть, неделю. Не знаю точно.

— Ну, хорошо, только место надо найти. Тебе этого флакона на сколько хватит?

— На один раз, остальное надо оставить. Смотри, следующий укол нужно делать через пару часов. Потом у нас будет ещё часов восемь, чтобы обустроиться, найти место, где есть крепкие стены, постель и туалет. Там положить меня. Учти, я буду просить дать мне оставшееся, но ты не давай, нам пригодится на случай ранения, без этого никак. Понадобится вода, еда (потом) и тепло. И чтобы сортир был рядом. Всё, сидеть тут больше нечего, идём.

В итоге, разжившись единственной пулей, что смогли отлить, мы собрали оставшиеся вещи и пошли искать подходящее здание. Это оказался дом местного олигарха, трёхэтажный особняк с удобствами. Кровать я ему выделил хозяйскую, широченную и с перинами. Имелся тут и подходящий обогрев, от камина дымоход разветвлялся, обогревая все помещения. Что же до сортира, то тут удобства почти соответствовали двадцатому веку. Имелся таковой на каждом этаже, а на втором ещё и ванная комната. Правда, водопровод не работал, но котёл можно было заполнить вручную, чем я и занялся. Благо, в городе имелись колодцы.

Попутно я обживал кухню, тут имелось всё необходимое, котлы, сковородки, немного масла и, самое главное, очаг. Запас еды у нас большой, на неделю точно хватит, тем более, что один из нас будет временно страдать отсутствием аппетита.

Глава девятнадцатая

Наше вынужденное сидение продолжалось четвёртый день. Женя совсем недавно сказал, что ломка или по-научному наркотическая абстиненция — это не так страшно. Теперь, глядя на него, я уже сомневался в таком утверждении.

За эти дни он сумел поесть только один раз, а вырвало его уже раза четыре. К счастью, он успевал добежать до туалета. Второй напастью был понос, который грозил обернуться обезвоживанием. Пригодилась бы капельница, но, чего нет, того нет. Его постоянно был озноб, притом, что в помещении было довольно тепло, а он кутался в тёплый шерстяной плед. А вдобавок появились нервные расстройства, он временами слышал голоса, вскрикивал, отмахивался от какой-то несуществующей угрозы. Полный набор.

Правда, надо отдать ему должное, он ничего не просил, страдания переносил стойко, выполнял мои требования, а если появлялись галлюцинации, просто спрашивал меня, не вижу ли я пауков на стенах. Сегодня наметилось некоторое улучшение, он уже не стонал, а

только тяжело дышал, словно рыба, вытасченная на берег.

— Может, тебе поесть чего? — предложил я.

— Нет, — слабым голосом отозвался он.

— Слушай, может, коньяка стакан выпьешь, глядишь, полегчает?

— Не, я бы рад, может, легче бы стало, но он ведь сразу обратно выскочит.

— Попробуй хоть бульон.

Он промолчал, а я взял с полки большую кружку остывшего мясного бульона. Он питательный и с солью, что важно при потере жидкости. Женя смог выпить пару глотков, потом откинулся на подушки и стал хватать ртом воздух. Минуты через две дыхание стало ровнее, потом он повернулся ко мне и проговорил:

— Кажется, провалилось, дай ещё.

С нескольких попыток у него получилось допить всё. Вечером попробую туда сухариков набросать, а завтра кашу сварю, пациент пошёл на поправку.

— Прости меня, Юрий Владимирович, — проговорил он, положив свою руку на мою.

— За что? — удивился я.

— Ну, связался со мной, от меня постоянно одни проблемы, а бросить тебе совесть не позволяет. Я ведь помню, ты из-за меня здесь и остался. Если бы бросил меня тогда, успел бы выскочить. Как с ребёнком со мной нянчишься.

— Евгений, — серьёзно сказал я. — Ты эти разговоры прекрати. Всякое в жизни бывает, но всегда надо человеком оставаться. Если бы я тогда тебя бросил, не смог бы жить спокойно. И теперь тоже, да, как с ребёнком, больным, слабым, но своим. У меня своих детей не было, так что, считай, я свою родительскую заботу на тебя обратил. И ты не бесполезный, в каждой драке себя отлично показывал.

— Это да, подраться я всегда любил, в школе особенно. Силой меня природа обделила, так приходилось за счёт ярости вывозить. Так что? Не станешь меня бросать?

— Прекрати, а? С чего мне тебя бросать? Ты ведь уже на поправку пошёл, ещё дня три отлежишься, тогда и выступим. Потом вовсе нормальным станешь. У нас ещё столько впереди, что без напарника никак.

— Не бросай меня Юрий Владимирович, — произнёс он и закрыл глаза, в уголках глаз появились слёзы.

Я не придавал значения его словам, списав их на нервное расстройство. Через полчаса, когда пациент наконец провалился в беспокойный сон, я отправился на кухню, чтобы приготовить ужин, или завтрак, не могу точно определить время суток. Часы показывают четыре часа дня, значит, ужин, хотя на улице непроглядная тьма.

Ветер по-прежнему завывал снаружи, но сейчас в этом вое мне слышались голоса. Люди? Или нелюди? А может, просто глюки. Поставив котелок с водой на огонь, я вернулся в комнату на втором этаже. Женя, такой же тощий и бледный, уже проснулся и беспокойно смотрел в окно.

— Что-то случилось? — спросил я.

— Они здесь, — проговорил он. — Пришли, ищут нас.

— Уверен?

— Чувствую, — он потрогал амулет на шее. — Амулет нагрелся, видимо, старикан перестарался с магической накачкой, теперь я как экстрасенс.

— Найдут?

— Не знаю, их мало, они слабы. Матери с ними нет.

— Ты и это можешь определить?

— Сложно сказать, что я могу. Это всё так... неопределённо. Но в прошлый раз сигнал был сильнее. Два или три здесь, просто разведчики. Будут искать в домах. Свет погаси.

Я взял лампу и закрутил фитиль. Комната моментально погрузилась во тьму.

— Дай мне пистолет, — пробормотал Женя.

Я сунул ему в руки один пистолет, заряженный серебром, а сам начал заряжать второй. Мой собственный револьвер был заряжен наполовину свинцовыми пулями, а наполовину серебряными. При нападении противника нужно будет повернуть барабан на нужную позицию.

— У меня вода кипит, — вспомнил я, — сейчас сниму и вернусь.

Кухня, к счастью, окон не имела, поэтому свет очага снаружи не виден. Впрочем, это не мешает врагам определить наше присутствие по дыму из трубы, да и единственный тёплый дом в городе привлечёт их внимание. А, впрочем, плевать. Если их мало, то отобьёмся, до этого момента их били, и били с сухим счётом. Отчасти повезло, отчасти мы сработали как надо. Только мать со своей магией меня беспокоит.

В котелок я бросил кусочки мяса и оставил вариться. Потом ещё сухариков накрошу для густоты. Когда поднимался, услышал странный звук. Окно открыли. Вот чёрт!

Я распахнул дверь и увидел в свете луны (откуда луна-то взялась, темно же было), как с окна спрыгивает юная девушка в ночной рубашке. Две косички, невинное личико, на вид лет четырнадцать. Вот только неоткуда взяться тут девочкам, они просто сюда не доберутся. А значит, это...

Тварь с невинным видом приближалась к больному, тот смотрел на неё круглыми глазами и что-то шептал. Сейчас она его укусит. Вот она уже подобралась вплотную, стала залезать на кровать... а потом меня ослепила вспышка, а по ушам ударил звук выстрела. Тварь, изорванная в лоскуты, отлетела в угол, где начала распадаться на части. Древний покойник, настолько древний, что после второй смерти превращается в прах.

— Идиотка, — прокомментировал Женя, откинувшись на подушки. — Пыталась меня загипнотизировать, зов свой долбаный применила. А у меня амулет на шее. Я вид сделал, будто поплыл, она обрадовалась и полезла внутрь. Дура.

— Она одна была?

— Да бес её знает, я, если что, второй пистолет приготовил.

Ну, да, не зря заряжал. Пули мы так и не отлили, приходится кромсать на кусочки серебро и засыпать в ствол, придавливая пыжом. Но на близкой дистанции срабатывает отменно.

Тут я услышал, как кто-то скребётся в дверь.

— Заряжай, — я подал ему необходимые принадлежности и мешочек с рубленным серебром. — Пойду разберусь.

Снаружи кто-то пытался открыть дверь. Я провернул барабан, оставил напротив ствола камору с серебряной пулей. Теперь можно открывать. На всякий случай ещё натянул перчатки с шипами. Удобная штука и размер почти мой. Шипы на костяшках и на тыльной стороне. Если в морду дать, мало не покажется.

— Кто там? — издевательским тоном спросил я.

— Откройте, мне нужна помощь, — проговорил тонкий голосок за дверью.

— Решили на жалость взять, — я усмехнулся. — Ну, давай, заходи.

За дверью стоял молодой парень, ещё моложе, чем Женя, лет, наверное, восемнадцати.

Одет в длинный плащ с меховым подбоем, под ним видна кольчуга, а на поясе длинный меч. Больше я ничего рассмотреть не успел, поскольку не стал дожидаться, пока вампир кинется на меня, просто пробил прямой в челюсть, так, чтобы шипы разодрали кожу. Отлично получилось, вампир, не издав ни звука, рухнул назад, словно статуя.

Ухватив за ноги, я втянул его внутрь и захлопнул дверь, потрудившись задвинуть засов. Только тут обратил внимание на несоответствия. На шипах осталась обычная красная кровь. По подбородку парня стекали точно такие же струйки, раны у него просто кровоточили, не делая попыток шипеть или разъесть кожу. Или серебро попало фальшивое, или... это не вампир. Вампиры, вроде бы, без мечей и кольчуг ходят, а у этого ещё и мешок за плечами. Видать, человек.

Парень, как я уже сказал, был молод. Даже, наверное, и восемнадцати лет нет, борода вон не растёт. Волосы светлые, длиннее обычного, на лбу прихвачены ремешком. Глаза голубые, нос прямой... короче, истинный ариец. И в броне. Впрочем, броню тут многие носят, а вот меч...

На спине обнаружился ещё и арбалет, не такой красивый и мощный, как у моего напарника, но тоже неплохой. Сделан из простых материалов, вроде дерева, кожи и железа.

— Чего вы дерётесь? — спросил парень, не открывая глаз. — Я ведь помощи просил. Тут твари водятся, я охотился на них, решил, что нашёл людей.

— Людей и нашёл, только я думал, что ты вампир.

— Я не вампир, я наоборот... — он привстал и попытался вытереть кровь, я достал платок и вручил ему.

— Наоборот что? — спросил я. — Рыцарь в сияющих доспехах?

— Я не рыцарь, — он перебрался на табуретку. — Не прошёл посвящение. Пока.

— Ну, пройдёшь ещё, — успокоил я его. — Какие твои годы. Тебя звать как?

— Меня зовут Морд, из рода Борга. Конечно, пройду, но это не так просто, — начал он объяснять. — Сначала нужно доказать, что ты достоин. Убить несколько тварей и принести доказательства. Для этого я сюда и пришёл.

— Сюда — это куда? — уточнил я. — В город?

— В этот мир, наши воины ходят сюда, чтобы истреблять тварей. Только тот, кто вышел победителем в множестве схваток, достоин звания рыцаря.

— Так, стоп, — я нащупал верную тему. — Я правильно понимаю, ты сейчас пришёл сюда, чтобы набить тварей, потом вернёшься к себе и отчитаешься перед старшими, а они тебе дадут пряник?

— Какой пряник? — не понял он.

— Условный, посвятят в рыцари?

— Ну, да, а что тут странного?

— То есть, у тебя есть возможность ходить взад-назад, оттуда сюда и обратно?

— У меня нет, а у магов, что открывают проходы, такая возможность есть. Они открыли ворота, я прошёл. Ровно через год в том же месте они откроются снова. Я, если буду жив, пройду обратно и получу все причитающиеся мне почести.

— А в вашем мире монстры водятся?

— Да, но их там мало, чаще всего мы воюем с людьми. Но традиции нашего ордена обязывают уметь сражаться с тварями и магами, поэтому приходится отправлять адептов в этот мир.

Я хотел спросить что-то ещё, но вспомнил о котелке и отправился на кухню. Мясо

сварилось, я накрошил туда хлеба, потом бросил ещё немного крупы, получился вполне пристойный суп, думаю, даже Женя не откажется. Котелок большой, хватит на троих.

— Предлагаю отправиться наверх и перекусить. — сказал я, выходя из кухни с котелком в руке, чтобы не обжечься, я не снимал шипованных перчаток. — Там мой друг, он болен, но, надеюсь, скоро поправится.

Когда мы поднялись, Женя сидел на кровати с пистолетами в руках. Выглядел он плохо, руки тряслись, но он внимательно смотрел на окно.

— Ну что? — спросил я, поставив котелок на столик.

— Где-то рядом трутся, — сказал он. — Два или три, хотят войти, но очкуют.

— Морд, знакомься, меня зовут Юрий, а это — мой друг и спутник Евгений.

— Ваш друг — медиум? — спросил Морд.

— Можно сказать и так, — слабым голосом ответил Женя. — Чую тварей на расстоянии.

Поняв, что опасности больше нет, он положил пистолеты и снова упал на подушки.

— Кто это? — спросил он, кивнув на Морда.

— Типа ведьмак, охотник на монстров. Пришёл сюда на сафари. Говорит, что маги из его мира могут открывать и закрывать проход в мир. Он поохотится, а потом придёт обратно.

— Там нам тоже туда надо, — оживился Женя.

— Куда туда? В его мир? Там, если ты не заметил, Средневековье в полный рост. Это не наш мир, чего там ловить?

— Ну, там, как минимум, нет вампиров, — напомнил Женя. — Или есть?

— Существовали когда-то, — сообщил Морд, — но, насколько мне известно, их всех истребили.

— А как происходит переход из вашего мира в этот и обратно? — спросил Женя.

— Ну, я надеваю амулет, маги творят заклинание, врата открываются, я прохожу на эту сторону. Когда придёт время возвращаться, я приду к месту перехода, сожму в руке амулет, маги поймут, что я готов и откроют двери.

— Амулет обязателен?

— Нет, он только для связи.

— А куда-то ещё они могут открыть дверь?

— Про другие места никогда не слышал, только в мир бури.

— Ладно, допустим. А как отнесутся маги, если мы пройдем с тобой? Не убьют нас?

— Будут долго проверять, но не убьют. Насколько я знаю, в наш мир приходили уже люди из бури, не помню только, куда они делись.

— Всерьёз рассматриваешь такую возможность? — спросил я.

— Если ты забыл, здесь у нас перспективы довольно туманные, — напомнил Женя. — Даже если найдём, что ищем, не факт, что сможем воспользоваться. А в том мире можно пообщаться с магами, они точно знают много. Если ничего не получится, ничто не мешает им выпнуть нас обратно сюда.

Он повернулся к Морду и спросил:

— А какой у вас мир? Что там есть? Кто управляет? Какие изобретения сделаны?

— Наш мир очень велик, в нём много стран. Правят странами короли, князья и герцоги.

— Феодализм, — сделал вывод фармацевт.

— Что? — не понял Морд.

— Такое устройство называется феодализм, так наши учёные говорят, — объяснил Женя. — Король даёт феодалу землю с крестьянами, крестьяне работают на феодала, а тот за это пожалование является к королю на службу конно, людно и оружно.

— Да, примерно так всё и происходит. А у вас не так?

— У нас всё не так, ладно, а маги что делают?

— Маги занимаются магией, для этого отбирают детей, у которых есть способности, потом обучают в нескольких школах, потом маг работает на школу несколько лет, после чего становится свободен и может пойти на службу к любому господину. Большинство служат королям.

— А кроме магии что-то интересное есть? Порох изобрели? А паровую машину? Компас? Книгопечатание?

Морд почесал затылок.

— Из всего этого я слышал только про порох. С его помощью делают громовое оружие, которое убивает на расстоянии, подобно арбалету. Я слышал, что в мире бури его применяют, но редко. У нас знают рецепт, алхимики активно его используют, но больше для фокусов. Кто-то, вроде бы, пытался применять на войне, не знаю, что получилось.

— Понятно.

— Так что делаем? — спросил я.

— Думаю, стоит пойти вместе, — сказал Женя, потом повернулся к рыцарю и объяснил: — Нам двоим, чтобы вернуться домой, нужно пойти в одно место и отыскать один артефакт. Конкретно — меч, меч какой-то волшебный, с его помощью можно заставить богов вернуть нас обратно. Есть ли там этот меч, отдадут ли его нам, работает ли он, найдём ли мы богов, — понятия не имею. Но попробовать нужно. Если хочешь, иди с нами, нам такой человек точно пригодится. Ну, если у тебя никакой другой цели нет. Ты как думаешь, Юрий Владимирович?

— Я двумя руками за, — поддержал я. — Втроём проще будет.

— Я прибыл сюда ради стычек и приключений, моя задача — убивать монстров и спасать людей.

— Это мы можем тебе обещать, — заявил я. — У нас, если что, вампирский прайд на хвосте висит, там монстров не меньше сотни, все матёрые.

— Что же, сражаясь с вампирами, я покрою себя славой, — восторженный юнец улыбнулся до ушей.

— Вот и отлично, пока ешь суп и смотри за окнами, а через пару дней выходим. Выходим ведь? — я повернулся к больному.

— Думаю, что да, — сказал он неуверенно.

Всё не так плохо, идти он сможет, хотя рюкзак не потащит. В лучшем случае будем проходить километров десять в день. Но и это немало, у нас ведь время не ограничено. Вампиры, конечно, нервируют, будет лучше, если ночевать будем в укрытии, хоть в крестьянской избе.

Глава двадцатая

Просидеть пришлось ещё три дня, поскольку наш фармацевт вновь почувствовал себя плохо. Пришлось задержаться. Вампиры не показывались, хотя Морд буквально подпрыгивал от нетерпения, желая поскорее сразиться. Он даже просил нас не убивать тварей на расстоянии, чтобы дать возможность помахать мечом.

Наконец, когда Женя смог встать, одеться и даже взвалить на плечо полупустой мешок,

я объявил отpravку. Погода благоприятствовала, ветер немного утих, кроме того, наступил условный день, даже солнце краешком показалось, правда, почему-то зелёное.

С дорогой вопросов не было, она тут одна. С одной стороны города есть порт, с другой — широкая дорога, которую так и тянуло назвать трактом. А на тракте, разумеется, есть трактиры, в которых мы будем останавливаться. Если они, конечно, там есть.

Вампиры не показывались, хотя они точно знали, где мы находимся, а потому должны были выдвинуться на место всеми наличными силами. То ли их мамка нас простила, во что совершенно не верилось, то ли они, боясь прямого столкновения (победить-то они смогут, но сколько при этом поляжет), готовят нам какую-то гадость.

Идти было несложно, рельеф вокруг был гористый, да только строители дороги учли этот факт, а потому сделали дорогу ровной за счёт высоты насыпи в разных местах. Вообще, хорошая дорога, не знаю, что за страна тут была, но мне определённо нравится.

Вот только с расстояниями не угадали. Я рассчитывал, что на второй день пути окажемся в горах, тех самых, что описывал немец, но мы шли уже целый день, а на горизонте никаких гор не имелось, видимо, покажутся позже. Пока же требовалось поискать удобное место для ночлега. Здесь не наблюдалось деревень, трактиров, оазисов, даже какой-нибудь будки не поставили, что странно на большой дороге. Пришлось разместиться под мостом. Небольшой каменный мостик, перекинутый через реку трёхметровой ширины. Под ним было кое-какое укрытие от ветра, а потому пришлось выбрать местом ночлега именно его.

Встал вопрос о костре. Местность вокруг была своеобразной, по большей части камни и песок, да и сама дорога из камней. Поэтому, собираясь на привал, я высматривал повсюду деревья, которые мы безжалостно рубили, к моменту остановки каждый стибался под охапкой дров.

Когда стемнело, мы сидели у берега ручья, частично прикрытые опорой моста, рядом горел костёр, на котором висел котелок с кашей.

— Ну, как тебе путешествие? — спросил я у Морда.

— Путешествие хорошее, — неопределённо ответил он. — Но мне хотелось бы приключений.

— Да, странно, что на нас никто не набросился, — сказал Женья, едва шевеля губами.

Сегодняшний марш-бросок километров на тридцать он вынес стойко, но теперь расплачивался за это чудовищной слабостью. Если сейчас на нас нападут, толку от него не будет. Я вынул из мешка бутылку с крепким пойлом.

— Морд, ты спиртное употребляешь?

— Да, иногда, у нас к этому неодобрительно относятся, особенно, если ты молод.

— Думаю, после такого дня стакан не повредит, — сказал я, наливая ему в кружку. — Кашей закусим и спать. Дежурить будем по два часа. Женья, ты первый, вторым Морд, а я под утро. Если оно будет, это утро.

Условная ночь прошла хорошо, я успел выспаться, когда Морд разбудил меня. Тут возникли проблемы с дровами, костёр угасал, а запас дров подошёл к концу.

— Я могу сходить, — сказал фармацевт, открывая один глаз.

— Ты чего не спишь? — спросил я.

— Я вообще в последнее время сплю мало, — пожаловался он. — Так что? Сходить? Я тут кустики видел близко, сухие, на пару часов хватит.

— Ну, сходи, — я присел у костра и протянул руки к углям. — Только ствол возьми и по

сторонам смотри.

— Угу, — он сунул за пояс пистолет и отправился в темноту.

Тут где-то далеко раздался вой, совсем далеко, на грани слышимости. Радовало, что вой раздался не в той стороне, куда ушёл мой спутник. Но Женя вернулся почти сразу, бросил пару палок в костёр и присел рядом.

— Кажется, мы попали, — сказал он со странным видом.

— Когда кажется, крестись, — посоветовал я. — Куда попали?

— Ногами в жир, — уверенно сообщил он.

— А можно конкретнее?

— Можно, нас окружили какие-то твари, но пока почему-то не атакуют.

— Что за твари? — Морд моментально проснулся и ухватился за рукоятку меча.

— Я не специалист, учебник изучаю, но медленно, таких пока не встретил. На четырёх ногах, но на волков не похожи, вроде, как обезьяны. Лысые обезьяны, кожа тёмная, морды... плохие морды, неприятные, клыки торчат, да ещё какой-то гребень на спине. Точнее не разглядел, темно там было.

— Много их?

— Видел десятка два, но их больше, остальные в темноте.

— А тебя почему не съели?

— Вот бы узнать, — фыркнул он. — Не видели, наверно, я ведь с амулетом.

— Точно, — согласился я. — Значит, есть польза. Предлагаю дать бой.

Морд немедленно потянул из ножен меч.

— погоди, — сказал Женя. — Лучше рассвета дождаться.

— А он будет? — скептически спросил я.

— Когда-нибудь обязательно будет.

Тут наша дискуссия была прервана самым грубым и бесцеремонным образом. Из темноты выдвинулось какое-то чёрное существо, напоминающее человека, вставшего на четвереньки. Монстр явно хотел атаковать, но яркий свет костра сбил его с толку, огромные чёрные глаза прищурились, а атака вышла вялой, на полпути она встретилась с клинком меча Морда, после чего бесславно закончилась. Мы осматривали тело, разрубленное почти надвое. На камни текла чёрная кровь, а когтистые руки-лапы скребли землю.

Следующий чёрный монстр кинулся с другой стороны, но тут же получил в голову стрелу из арбалета. Женя тут же начал крутить ручку для следующего выстрела. Я взял в левую руку револьвер, а в правую топор. Картель по таким существам будет лучше, да только патронов к дробовику осталось всего ничего, а потом его останется как дубину использовать.

Следующую атаку мы едва не пропустили. Стояли правильно, за спиной костёр и опора моста, свет от костра их слепит, не могут сориентироваться. Прыгнули одновременно с трёх сторон. Первого Морд сразу принял на меч, удачно, вот только клинок застрял, пришлось тратить пару драгоценных секунд на доставание. А в это время ему на плечи приземлился следующий. Я выстрелил, пуля ударила твари в бок, не убила, но позволила рыцарю сбросить врага на землю. Тот разорвал ему плащ, но кольчуга спасла тело.

Того, что прыгнул на меня, я встретил ударом топора, ударил неудачно, ободрал морду, но бросок не остановил. Туша килограммов на восемьдесят ударила мне в грудь, а когтистые лапы сомкнулись на горле. Я упёр ствол револьвера ему в брюхо и нажал на спуск. Подействовало, хватка моментально ослабла, я спихнул с себя тяжёлое тело, воняющее почему-то мазутом, вскочил на ноги и что было сил пнул ещё одного, что подмял под себя

фармацевта. У твари в боку торчал арбалетный болт, но его это не останавливало.

Пока мы вдвоём обивали этих, Морд выхватил из костра предпоследнюю головешку и стал размахивать ею перед собой, отбивая у остальных желание атаковать. Молодец, сообразил, но надолго этого не хватит, дрова догорают, а с ними уйдёт наше последнее преимущество.

Женя поднялся с земли, на шее у него была рваная рана, кровь стекала вниз, пропитывая одежду, но он, казалось, ничего не замечал. Ухватив мачете обеими руками, он приготовился к следующей схватке.

— Светает, — заметил Морд, указывая куда-то вдаль.

Там, в самом деле появилась полоска светлого неба.

— Может, твари уйдут, — предположил я. — Они, наверное, света боятся.

Света они, может, и боялись, но нас не боялись нисколько. Следующий чёрный упырь выпрыгнул из темноты, ухватил Морда за предплечье руки, державшей головню, и стал пригибать его к земле. При этом он вертелся так, что у рыцаря никак не выходило достать его мечом. Пришлось снова выстрелить, уже половина барабана улетела, а вторая заряжена серебром, нужно следить, куда попадаю. Если поле боя останется за нами, придётся поработать прозектором.

И тут раздался громopodobный рёв. Твари, провалив все попытки напасть, пустили в бой тяжёлую артиллерию — своего вожака. Если средняя тварь была размером с человека, то этот превосходил габаритами трёх человек, когда он встал на задние лапы, рост его перевалил за три метра, тело бугрилось мышцами, а когти на лапах были сантиметров по десять. Он несколько раз огласил окрестности своим рёвом, а потом кинулся на нас. Свита бежала рядом, но в бой не вступала, предпочитая, чтобы вожак сделал за них всю работу.

Вот только зря он выпрямился во весь рост, открыв нам голое брюхо. На плечах, груди и спине его покрывали какие-то роговые щитки, как у крокодила, а живот ничем не прикрыт. Нам даже сговариваться не понадобилось, все и так понимали, что чем позже мы вступим с этим гигантом в ближний бой, том лучше. Револьверная пуля, две стрелы из арбалетов, а потом ещё заряд картечи из ружья ударили ему в живот, заставив согнуться пополам.

Но твари — это твари, к столь уродливому облику обычно добавляется необыкновенная живучесть. Он заревел уже по-другому, более глухо, а потом ринулся вперёд.

В середине нашего построения стоял я, мне и выпало принимать удар. Вместо того, чтобы прятаться или залечь, я поступил нестандартно: бросился вперёд, в прыжке поднимая топор. Противник этого не ожидал, остановился и снова стал подниматься. Две огромные лапы схлопнулись, пытаясь меня поймать, но я уже пролетел между ними. Лезвие топора ударило его в грудь, разрубая кожу и мышцы, а следом я ударился об него сам и сполз вниз.

Само собой, что монстр, даже раненый, мог тут же меня разорвать, не спасла бы ни кольчуга, ни топор, ни револьвер. Но, к счастью, у меня были друзья, которые поддержали атаку. Женя успел вогнать ещё одну стрелу, целился, видно, в глаз, но промахнулся, стрела вошла чуть ниже, но лучше монстру точно не стало. В этот момент я выкатился у него из-под ног, потеряв топор. Пришлось вынуть револьвер и, воспользовавшись отвлечением внимания, я почти в упор выстрелил ему под колено.

Монстр может быть сколь угодно большим и мощным, но кости у него далеко не из стали, а суставы имеют очень много мелких деталей, которые при попадании пули разрушаются, причиняя сильную боль и лишая противника способности ходить. Противник условно двуногий, можно его уронить.

Упал он неудачно, прямо на меч Морда, который разрубил ему физиономию надвое, а потом ещё воткнул клинок в шею. Даже если артерию не задел, скорее всего, тварь уже не поднимется.

Свита вожака, поняв, что он мёртв или, как минимум, побеждён, не разбежалась, а издав горестный вопль, бросилась в атаку. Найти топор я не успевал, пришлось драться ножом, последние два выстрела потратил с пользой, сбив в прыжке двоих нападавших, рядом размахивал мечом Морд, а спину ему прикрывал Женя, который успел обзавестись ещё несколькими ранами, и теперь весь был залит кровью.

Тяжёлая туша повисла на спине, раздирая одежду, резко повернувшись, я попытался сбросить чудовище, но тут же был атакован спереди, по лицу мазнула когтистая лапа, разрывая кожу. Я ударил ногой вперёд, уже не видя цели, в кого-то попал, а потом добавил рукояткой револьвера.

После этого меня ударили по голове, свет стал меркнуть, но я успел воткнуть нож в бок придавившей меня твари. Сверху слышались голоса, человеческие и звериные, но мне было уже всё равно...

Когда с меня стащили тушу убитого чудовища, я смог, наконец, сделать вдох. В глаза бил тусклый свет закрытого тучами солнца. Рядом кто-то был, но различить его я не мог, в глазах всё плыло.

— Что случилось? — спросил я едва слышно, видимо, сорвал голос.

— Нам дали мзды, — бодро поведал мутный силуэт голосом фармацевта. — Но поле боя за нами.

— Кто это был? — я привстал и помотал головой, в голове постепенно прояснялось, уже начал различать цвета и запахи, воняло сильно.

— Я посмотрел в учебнике, — сказал фармацевт, теперь я видел, что шея у него перевязана куском ткани, — это лесной злобноглаз, твари стайные, хищные, ненавидят людей, не любят солнечный свет и обладают грязными когтями, раны от которых часто воспаляются.

Я осмотрел себя со всех сторон, помяло меня сильно, но, если не считать лица, ран именно от когтей не было, больше от зубов. Кроме головы сильно болело плечо, кольчуга оказалась чудовищу не по зубам, но на теле остались синяки. Зато досталось Морду, Женя сейчас промывал его раны спиртом.

— Сейчас и тебе физиономию промою, — сказал он, — раз уж я тут единственный доктор.

Достав зеркало, я осмотрел себя. Нет, лицо пострадало не так сильно, думаю, человек ногтями вполне мог оставить такие же царапины. Как бы то ни было, а сотрясение мозга никуда не делось, идти куда-либо дальше отхожего места я вряд ли смогу. Придётся снова сидеть на месте, а следующей ночью снова кто-то придёт, и не факт, что это будут такие милые создания, как воняющие мазутом злобноглазы. Странное название, кстати, глаза у чудовищ были обычные, черные, без белков и радужки.

— Если интересно, глаза их стоят немало, — заметил Женя, поливая мне лицо спиртом. — Только хранятся недолго, а алхимиков поблизости нет.

— Да наплевать, — отмахнулся я, стиснув зубы от боли. — Обойдёмся без трофеев, деньги у нас есть.

Впрочем, совсем без трофеев мы не остались. Морд, которому требовалось свидетельство его заслуг, немедленно выломал клыки вожака, каждый из которых был

больше моего пальца, завернул их в тряпочку и положил в мешок. Это ему пригодится, ведь живую его подвиги никто не видел.

Отлежаться получилось часов шесть, потом мне полегчало, стало возможным выступить в поход. Уж лучше потерпеть сейчас, а потом спокойно отлёживаться в доме с крепкими стенами. Солнце этого мира сделало нам подарок, просто отказывалось заходить в течение двадцати часов. Да и ветер слегка поутих. Солнце выделявало на небе странные кульбиты, то опускалось вниз, к горизонту, то поднималось вверх, тучи на небе появлялись и исчезали, временами сверкали молнии и начинался мелкий дождь.

Наконец, спустя двенадцать часов ходьбы и два больших привала, дорога пошла вниз, а на нашем пути показался небольшой город.

— Немец про это что-нибудь говорил? — спросил Женя.

— Нет, — я покачал головой.

— Идём?

— Идём, — согласился я, усталость навалилась с такой силой, что я едва переставлял ноги, нужно было срочно отдохнуть.

Глава двадцать первая

К великому нашему удивлению, город был живым, пришедшим в упадок, но живым. По улицам ходили люди, кто-то катил тележки, кричали женщины, бегали по дворам дети. Я облегчённо вздохнул и пошёл вперёд. Сам город производил впечатление восточного, такие, наверное, были в арабских странах лет сто назад, где-то, наверное, есть до сих пор. Если прикинуть, то здесь когда-то жили тысяч десять, но теперь хорошо, если осталось две, а то и меньше.

Мы шли по центральной улице, привлекая внимание местных, но не вызывая никакой агрессии. Ну, или пока не вызывая, если что, поводов для драки всегда найдётся множество.

Самая широкая улица выводила на небольшой рынок, там стояли два ряда прилавков, где торговали всяким добром. Разумеется, оружия и снаряжения мы тут не найдём, а вот свежей еды — запросто.

— Что думаешь? — спросил я Женю.

— Ветра нет, — буркнул он. — И вообще подозрительно.

— Что подозрительного? — спросил Морд, осматриваясь в поисках врага.

— Это настоящий город, здесь живут люди, — сказал Женя. — А как они живут?

— Что значит как? — не понял я.

— То и значит, где выращивают пищу, ты видишь здесь сады, огороды, скотину? Ни здесь, ни вокруг города нет ничего. Было когда-то, следы остались, а теперь всё разрушено. С чего они живут?

— Ну, может, в другом месте всё? — предположил я. — Где-нибудь за горами?

— Может быть, не знаю, но мне здесь не нравится.

— А может, они людоеды? — спросил Морд, поглаживая рукоять меча.

— Вряд ли, — качнул головой Женя и тут же сморщился от боли, рана на шее была серьёзная, а привычных болеутоляющих у него теперь не было. — Их слишком много, тут прохожих не напасёшься.

А местные перестали нас игнорировать, они пробирались по параллельным улицам, выглядывали из-за углов, смотрели в окна. Тут и мне они стали подозрительны, начать с того, что все по-разному одеты, вот восточный бурнус, вот почти правильный европейский костюм, а вон тот в военной форме, пусть и без погон. Женщины тоже одеты в разное. Одна

замотана с головы до ног по всем правилам ислама, а вторая рядом с ней в коротком платье с открытыми ногами.

А потом стал замечать и различия в расовом типе, есть смуглые, как арабы или индусы, есть белые, вроде нашего Морда, есть узкоглазые, вроде вьетнамцев или тайцев. Такое в большом современном городе может быть, где все давно перемешались, а в деревне на задворках мира выглядит более чем странно.

— Короче, оставаться здесь не будем, — решил я. — Сейчас купим еды и пойдём дальше. Оружие держи под рукой, а золотом не свети.

Мы подошли к прилавку, за которым сидел немолодой мужик с пузом, замотанный в несвежий халат. Вида он был европейского, а вёл себя, как классический азиатский торговец.

— Чего изволите? — он широким жестом обвёл товары.

На прилавке лежали большие куски мяса, свежайшие, с виду напоминает говядину. Вот вырезка, а вот и на кости, вот тут — рёбра, чуть дальше тоже мясо, но вяленое, нарезано полосками.

— Дорого?

— По данагу за фунт, — заявил торговец.

Вообще-то дорого, но мы не бедствовали.

— Серебро у тебя, — я повернулся к Жене.

— Да, точно, — он засунул руку во внутренний карман изодранного пальто, вид у нас, конечно, тот ещё. Все в крови и одеты в лохмотья, надо будет ещё из одежды чего прикупить.

Искал он долго, потом всё же вынул что-то из кармана. Это оказалось пенсне торговца Генриха, видимо, серебро было спрятано глубже. Женя тяжело вздохнул и снова начал рыться в карманах, держа пенсне в свободной руке. Внезапно взгляд его остановился, да и сам он замер.

— Что такое? — едва слышно спросил я.

— Юрий Владимирович, надо валить отсюда, — так же тихо прошептал он. — Они мёртвые, все.

— Не понял.

— На, поддержи, — громко сказал он, а потом шёпотом добавил: — посмотри через стёкла.

Я, как бы невзначай, поднял очки и глянул на торговца. Серое лицо несвежего покойника, пятна тления, в левой щеке дырка прогнила, зубы видно, а один глаз вывалился и висит на ниточке. Стараясь не вызывать подозрений, я перевёл взгляд на стоявшую неподалёку женщину. Та же самая картина, только ещё хуже, у этой почти не осталось плоти, только кости, покрытые комками сгнившей плоти, а её платок специально подвязан под подбородком, чтобы челюсть не отвалилась. А мясо на прилавке было такой же гнилью, кишело червями и растекалось по доскам.

Я набрал воздуха в грудь и, постаравшись успокоиться, проговорил:

— Знаете, мы передумали, сейчас жарко, а мясо хранится недолго, пожалуй, ничего не будем покупать.

Мертвец, перекосив свою отвратительную харю, немедленно начал нас убеждать:

— Что вы, это мясо пролежит ещё пять дней, и даже шесть, если правильно завернуть, — на глаз его напозла муха, которую обычным зрением было не видно.

— Нет, — уже твёрже сказал я. — Мы уходим.

— Ну, что же, мы вас проводим, — сказал он, выбираясь из-под прилавка.

Тут я увидел то, что не могла скрыть никакая иллюзия, в животе у торговца была большая рваная рана, а на одежде расплылось плохо отстиранное пятно крови. Вот откуда все эти люди, это путники, что однажды пришли в этот город, а потом здесь и остались.

— Валим, — скомандовал я.

Мы и свалили, просто проскочили рынок насквозь, а потом побежали на другой конец города. Толпа тупила минуты полторы, потом, словно повинувшись единой команде, бросилась вдогонку.

— Что происходит? — спрашивал Морд, который сейчас бежал рядом с нами.

— Посмотри на них через стёкла, — я протянул ему пенсне.

Рыцарь остановился, приложил стекла к глазам и глянул, сразу побледнел, потом немедленно убрал их от глаз и, бормоча на ходу молитву, бросился за нами.

— Это ужасно, — он едва не визжал, ночных монстров не боялся, а вот гнилые покойники его напугали. — Я ведь девушку присмотрел, ту, в красном платье, она стояла там... улыбалась даже.

— Беги уже! — прикрикнул я, толпа за спиной становилась всё больше, а конца городу пока не видно, возможно, за его пределами мертвецы отстанут.

— Старикан-то обманул, — Женя, который и раньше не был спортсменом, теперь от бега быстро начал задыхаться. Да и сам я бежал только благодаря адреналину. — Сказал, что амулет от иллюзии защищает.

— Он говорил, что не везде, — вставил я слово в защиту Евстафия. — Может, тут место такое.

— Нет, не место, — Морд вырвался вперёд, мертвецы, которые выходили из домов, оказывались впереди и постепенно окружали, придётся прорываться с боем. — Мертвецы не существуют сами по себе, их поднял могучий некромант, он же наложил иллюзию, и он сильнее того, кто делал амулет.

Ну, может быть, и так. Да только нам от этого не легче, сейчас навалятся толпой и затопчут. Я уже привычно выхватил топор и револьвер. Можно было драться копьями, которые мы так и таскали с собой, да только боялись сломать древко, да и мало толку тыкать копьём того, кто и так уже мёртв.

Мы успели выбежать на окраину, когда кольцо окружения сомкнулось, оно было не таким плотным, большая часть преследователей отстала, но и тех, что есть, нам хватит, тем более что двое из нас едва стоят на ногах.

— В прорыв! — скомандовал я.

Мы бросились вперёд. Я на ходу снёс половину головы высокому тощему мертвецу, выглядевшему, как чернокожий парень в бурнусе. Зомби от такого обычно умирают, но только не эти, он всё равно ухватил меня двумя руками за одежду и, как самбист, попытался бросить на землю. Пуля из револьвера (теперь я зарядил его только свинцом) снесла ему вторую половину головы и, что более важно, полностью лишила глаз. Руки разжались, а почти обезглавленный труп начал метаться, сбивая с ног своих товарищей.

Самым полезным из нас оказался Морд, он крутился с мечом, словно циркулярная пила. Клинок сносил головы, отрубал руки, перерезал сухожилия на ногах.

Я, сообразив, что нет смысла убивать мёртвое, принялся ломать кости. В своё время плотно изучал рукопашный бой, с тех пор многое забыл, постарел и растолстел, но кое-что осталось вбитым плотно. Удар сбоку в колено тощему сутулому мертвяку, что навалился на

Женю, нога ломается, теперь мертвяк почти безопасен. Второму приложил локтем в шею, позвонки съехали набок, а потом и голова отвалилась, с крепостью опорно-двигательного аппарата у мертвяков проблемы.

Несмотря на то, что к мертвякам постоянно прибывала подмога, мы сумели пробить коридор, по которому вырвались за пределы города. Мне пришлось тяжело, одной рукой я отбивался, а второй пришлось удерживать на плече фармацевта, который неудачно огрѐб скалкой по голове. Он был в сознании, но передвигаться самостоятельно не мог.

Когда отбежали метров на сто, мертвяки стали отставать, а потом и вовсе остановились, видимо, какая-то магия поддерживала их псевдожизнь только в этом месте.

Женя встал на ноги и заявил, что сможет идти сам. Смог, правда, скорость была такая, что убежать можно было только от раненых улиток. Я ещё некоторое время стоял, держа на мушке врагов, что толпились у околицы, а потом отправился догонять своих.

— Что это было? — спросил я у Жени, когда опасность осталась далеко позади.

— Мёртвый город, — ответил за него Морд. — Возможно, на него наложили проклятие, поднявшее жителей из могил. Злобный некромант превратил жителей в своё послушное орудие.

— И на кой ему это? — спросил Женя.

— Может, готовил армию.

— Практика показала, что за пределами города твари небоеспособны, — заметил я. — И ещё: вы видели, что все эти люди из разных мест, по-разному одеты, по-разному выглядят.

— Явно путники, проходившие через город, их заманивали, потом убивали, а потом ставили в строй, — сделал вывод Женя. — Правда, тут встаёт вопрос: где тот некромант, что поднимал покойников? И второй: с какой целью он это делал? Только потому, что мог?

Тут он остановился, как вкопанный и указал рукой вперёд. Впереди стоял ещё один мертвяк, высокий, тощий и сутулый. Этот не маскировался под живого, кожа была высохшей и в трещинах, седые волосы торчали клочьями. На отвратительной морде живыми были только глаза, настолько, что создавалось впечатление, будто глаза его принадлежат кому-то другому.

Морд схватился за меч, который по дороге долго и старательно очищал от гнили, но мертвец предостерегающе поднял руку, словно Гитлер на трибуне.

— Слушайте меня, смертные, — голос был такой, словно кто-то говорит по древнему телефону. — Сегодня вы разозлили того, кого злить не стоило. Великий некромант, для которого все прочие — лишь пыль.

— Чего-то сомневаюсь, — нагло заявил Женя. — Был бы ты великий, чёрта лысого бы мы отбились.

— Я не про это мясо, — всё так же высокомерно заявил некромант на удалёнке. — Вы ещё не знакомы с настоящими произведениями искусства. Скоро познакомитесь, и тогда вспомните Виго из Хенделла.

— Слушай, — сказал я серьёзно, глядя, как Морд обходит говорящий труп со спины. — Мы, конечно, очень испугались и всё такое, но, откровенно говоря, ты сам виноват. Какого беса было на нас нападать? Напали, получили, мы идём дальше. Мы в своём праве.

— Становись в конец очереди, — с усмешкой добавил Женя. — Нас убить хотят почти все, в том числе люди куда серьёзнее тебя.

— Вы для меня насекомые... — начал мертвец, но тут же заткнулся, поскольку Морд, оказавшись за его спиной, наискосок махнул мечом и снёс ему голову с частью плеча.

Обрубки не успели упасть на землю, поскольку мертвец в ту же секунду рассыпался в прах, а прах унесло ветром. К ногам рыцаря упала только поношенная одежда.

— А мертвец захохотал, трижды пёрнул и пропал, — продекламировал Женя. — А если серьёзно, то впечатление странное. Вроде, маг, человек солидный, а логика, как у подростка, которого в компьютерной игре убили. «Я вас в реале найду».

— Это сильный некромант, — заметил Морд, вороша кончиком меча лохмотья. — Слабый не смог бы поднять столько мёртвых. Или он опирается на мощный артефакт.

— А мышление у него, как у малолетнего дурачка, обидели его, ну пусть теперь догоняет.

— Дальше-то куда? — спросил Женя, озираясь по сторонам, при бегстве из города мы сбились с дороги.

— Мы шли оттуда, — Морд, видимо, обладавший навыками спортивного ориентирования, указал рукой куда-то назад и влево. — Думаю, нам нужно идти туда.

Он развернулся и показал в противоположном направлении.

— Где-то там должны быть горы, — напомнил я.

Фармацевт некоторое время смотрел в том направлении, потом повернулся и сказал:

— Лично я никаких гор не вижу.

— Немец как-то путано объяснил. Он сказал, что идти надо будет не вверх, а вниз, но горы настоящие.

— Ладно, — Морд закинул мешок на плечо. — Идём.

— Осади коней, — возразил Женя. — Мне вообще-то медицинская помощь нужна.

Медицинская помощь снова свелась к промыванию раны спиртом. На затылке имелась приличных размеров ссадина, даже рассечение, от которого останется шрам. Я хотел забинтовать, но он оказался, сказав, что повязка присохнет, а потом её придётся долго и мучительно отдирать. Уж лучше ходить так.

И мы отправились дальше. Дорога в самом деле пошла под уклон, при этом она сузилась до состояния тропы, справа и слева появились приличные валуны. Даже не валуны, а какие-то странные куски оплавленного камня, напоминающие застывшую лаву.

А потом мы увидели горы. Странное ощущение, сродни оптическому обману. Горы были внизу, словно мы находились на борту самолёта или на самой высокой вершине. Тем не менее, это были настоящие горы, на многих вершинах лежали снеговые шапки, где-то между двумя пиками протекала река, выдававшая себя блеском.

Самым странным было то, что, несмотря на ветер, тут было тепло, а воздух не был похож на горный. А как внизу? Там лютый холод и разрежённая атмосфера, в которой человеку трудно дышать? Или всё так, как здесь?

Женя выбежал немного вперёд, посмотрел на тропу, покачал головой, потом вернулся и заявил:

— Горы странные, похоже на обман зрения, но тропа вниз есть, думаю, там она продолжается. Можно идти.

— Ну, пойдём, — я вздохнул, подхватил мешок и отправился вперёд.

Глава двадцать вторая

Сказать, что путь по горам был труден, — это не сказать ничего. Спуск занял по моим подсчётам часов шестнадцать. Тропа становилась всё круче, а покрытие всё хуже. Мы спотыкались, падали, разбивали колени, съезжали, как с горки, на заднице. Горы приближались, при этом, вопреки здравому смыслу, воздух становился холоднее, а дышалось всё труднее.

Скоро мы вошли на территорию снеговой шапки, температура резко упала ниже нуля, а ветер припустил с новой силой. Пришлось разобрать свой мешок и извлечь оттуда зимние ботинки двадцать первого века. Вот и пригодились, для гор они подходят слабо, но хотя бы не замёрзну. Ещё достал одеяло, прорезал в центре дыру и надел на себя, как пончо.

Но холод и ветер были не главной проблемой. Куда хуже было то, что под снегом пропала тропа, теперь мы понятие не имели, куда идти, только примерно, вот горная цепь, вершины идут условной линией, а нам нужно оказаться с другой стороны этой линии. Теоретически, нужно искать перевал, низкое место между двумя вершинами, где можно пройти, не сломав себе хребет.

Единственное, что радовало, — солнце сделало подарок: оно не садилось за горизонт уже вторые сутки. Если бы в этих условиях мы оказались в темноте, то, скорее всего, замёрзли бы или упали в пропасть.

В поисках направления мы отправились вниз по склону. С нашим направлением это плохо сочеталось, мы шли не вперёд, а в сторону, но будет лучше, если окажемся там, где нет снега.

Когда прошли метров пятьсот, Женя внезапно остановился и показал пальцем в небо.

— Что там? — не понял я.

— А ты посмотри.

Над головой было... не знаю, что это было. Внезапно скальный массив оказался у нас над головой, облака, а среди них торчит скала со льдом. И всё это просто висит в воздухе.

— Ничего не понял. — честно сказал я.

— Мне всё время кажется, — сказал Морд, — что мы идём не по земле.

— Это как?

— Ну, смотрите, — он указал назад, — вон там мы шли, видите следы, а теперь идём здесь, только под углом.

Картина складывалась странная. Вон там мы шли, на снегу чётко отпечатались наши следы. А теперь идём здесь. Но предыдущая дорожка была горизонтальной, а эта... тоже горизонтальная, но под углом к прежней. Если смотреть отсюда, то получалось, что мы идём под углом в сорок пять градусов к вектору гравитации.

— Гравитация нарушена, — высказал свою мысль Женя. — Там вектор направлен иначе, а здесь — вот так.

— И что это значит?

— Ничего, лично я никаких неудобств не испытываю, кроме холода, конечно. Нужно идти вперёд, пока идётся.

И мы пошли, стараясь не обращать внимание на оптические, физические и географические несуразности. А они были, скалы оказывались то над головой, то внизу,

несколько раз мы упирались в пропасть, а потом Женья нас удивил.

— Видите этот обрыв? — сказал он, стоя на самом краю. — Там, внизу, есть что-то, напоминающее дорогу, дорогу на ту сторону.

— Была бы у нас верёвка, — сказал я мечтательно. — Метров двести. Тогда бы спустились и спокойно пошли. Там, внизу, явно теплее, вон, даже речка бежит.

— Но верёвки нет, — сказал Морд, он выглядел вовсе сбитым с толку, такая картина не укладывалась в его голове, а наши попытки научного объяснения для него были сродни китайской грамоте.

— Спустимся без неё, — фармацевт, наверное, впервые со времён потери веселящих препаратов широко улыбнулся.

— Просвети, — попросил я.

Вместо этого он взял и шагнул в пропасть, мы оба кинулись за ним, вдруг успел зацепиться, тогда попробуем вытянуть. Каково же было наше удивление, когда, заглянув за край, увидели фармацевта, который стоял горизонтально, при этом так нахально улыбаясь, что мне захотелось пробить ему в рыло.

— Идите за мной, — он махнул рукой.

Головой я понимал, что ничего страшного не произойдёт, я просто шагну вперёд, встану под другим углом и пойду. Даже мой орган равновесия посчитает это нормальным. Вот только смелости не хватало, а фармацевт медленно шёл вниз. В итоге я закрыл глаза и шагнул вперёд. Нога провалилась в пустоту, шаг затянулся, я потерял равновесие и упал на колени, а когда глаза открылись, уже сидел на камнях в другой плоскости. Рядом с ошалелыми глазами стоял Морд.

Самым странным было то, что солнце, независимо от плоскости нашего перемещения, оказывалось наверху. Из-за этого складывалось ощущение, что именно эта плоскость правильная, а все остальные — просто горные склоны. Правда, если такой склон висел над головой, создавалось неприятное чувство, как будто он вот-вот обвалится и похоронит нас под километровым слоем льда и камней.

Сверху расстояния казались не такими, как на самом деле. Высоту склона я оценивал метров в триста, а когда высота превратилась в длину, оказалось, что топтать по ней километра три. Но мы пошли.

— Меня смущает направление, — сказал я. — Уже не представляю, в какую сторону мы идём.

— Там река, — веско заметил Женья. — А река обязательно куда-нибудь выведет. Она может впадать в озеро, но чаще всего течёт на равнину.

— А если эта равнина с той стороны? — я указал пальцем себе за спину.

— Ты не забыл, что та сторона находилась выше гор? Хотя... — он огляделся вокруг, — не удивлюсь, если река может течь и вверх.

Когда ровная каменная поверхность упёрлась в стену из непонятным образом державшихся валунов, мы смогли полюбоваться рекой, что спокойно текла по стене. Ролики в моей голове крутились в противоположных направлениях, пытаюсь уложить всё это геометрическое безобразие в мою картину мира. Оказалось, что примириться с наличием магии, вампиров и чудовищ куда проще. Немец ведь говорил, что горы здесь странные, но без подробностей.

— Шагаем, — скомандовал Женья и поставил ногу на стену.

Ещё одна новость, человек, стоящий на стене, не него гравитация действует иначе.

— Слушай, а как ты с пропастью угадал? — спросил я. — А если бы там не было гравитации с иным вектором?

— Мог бы соврать про интуицию, — он снова улыбнулся, что меня радовало, спутник мой наконец-то перестал напоминать живой труп. — Но на самом деле я бросил камень, а он, вместо того, чтобы лететь вниз, приклеился к стене. Шагайте смелее.

Я подошёл и поставил ногу на стену, ощущение было странным. Сделал шаг и растянулся на камнях. Никак не научусь. Когда встал, всё снова выглядело правильным. Вот поверхность, а рядом стоит почти отвесный скальный склон. Правда, на склоне том кое-где лежат валуны, как будто их кто-то приклеил.

Женя доковылял до берега реки (идти здесь было трудно, поверхность усеяна речной галькой), нагнулся и, зачерпнув ладошкой воду, поднёс её ко рту.

— Чистая! — крикнул он, обернувшись. — Только очень холодная, но пить можно.

Мы немедленно вытащили все фляги и начали их наполнять. Чистая вода — а эта явно бежит с какого-то ледника — очень ценная штука, не хватало ещё пить из луж, а потом страдать поносом или чем похуже.

— Что делаем дальше? — спросил Женя, отпивая из фляги, пить приходилось осторожно, поскольку температура воды была близка к точке замерзания.

— Как ты и сказал, идём вдоль реки, постепенно спустимся вниз, надеюсь, с правильной стороны гор.

— Темнеет, — заметил Морд.

Он был прав, солнце уже несколько раз приближалось к горизонту, но потом снова поднималось, а теперь один край светила уже скрылся за горизонтом.

— Ночью будет холодно, — заметил я. — А костёр развести не из чего.

Так и вышло, пройти до темноты успели немало, километров пять, а потом пришлось сделать остановку. В полной темноте по камням шагать чревато переломами. Пришлось выбрать угол, куда не задувал ветер, сбиться в кучу и греть друг друга. Два одеяла ушло на подстилку, ещё двумя накрылись сверху, сделав подобие шалаша. Ужин был скромным, всё та же солонина, пара сморщенных луковиц и сухари неизвестно какого года выпуска. Всё это было холодным, а запивать приходилось не менее холодной речной водой, фляга, даже спрятанная за пазуху, никак не хотела нагреваться.

Сон никак не шёл, ненавижу это состояние, когда устал, как собака, ноги гудят, а глаза отчего-то не закрываются. Ещё и желудок возмущается, недовольный такой пищей.

Женя тоже не спал, но с ним понятно, он ещё от своих препаратов не отошёл, нескоро получится нормально выспаться, нервная система в расстройстве. А вот Морд, самый молодой и здоровый из нас, уже через минуту посапывал носом, свернувшись в комок. Молодец, завидую.

Примерно через час такого полулежания я почувствовал толчок в бок.

— Чего тебе?

— Юрий Владимирович, ты ничего не видишь? — спросил Женя.

— Что я должен видеть? — раздражённо спросил я, — луны нет, тут темно, как в заднице афроамериканца, я даже тебя не вижу.

— Да ты вон туда посмотри, — посоветовал он.

— Думаешь, я вижу, куда ты показываешь?

Вместо долгих объяснений он нащупал в темноте мою голову и повернул её в нужном направлении. Так, и что тут можно увидеть? Точно! Впереди, где-то очень далеко горел

крошечный огонёк.

— Что это?

— Не знаю, бинокля нет, только очки барыги, но они на таком расстоянии не помогают.

— На огонь не похоже.

— Знаешь, — задумчиво сказал Женья, — будь мы в другом месте, я бы сказал, что свет электрический.

— Откуда?

— Вот бы узнать.

— Свет просто так не бывает, — уверенно сказал я. — Там есть люди, а у людей есть свет. Возможно, у них есть и тепло.

— И еда, — добавил он, а потом стал тормошить рыцаря, — вставай, охотник на монстров, дело есть на миллион.

— Миллион чего? — сонным голосом спросил рыцарь.

— Пока не знаем, вон там свет, сейчас мы пойдём туда, — объяснил я.

— А можно пойти завтра? — уточнил он.

— Завтра может не быть, — заметил я. — День длился три дня, а ночь тоже может удивить, если всё пройдёт гладко, отоспимся в тепле.

Мы быстро скатали одеяла, завязали мешки, а потом отправились вперёд, стараясь не потерять друг друга. Для этого мы регулярно переговаривались, а потом для надёжности взяли друг друга за руки. Идти было трудно, каждые пять минут кто-то падал, споткнувшись об очередную валун, два раза забредали в воду, поскольку русло реки было извилистым, как кардиограмма, но постепенно приближались к цели.

Огонёк становился всё больше, теперь уже можно было различить, что именно там светится. И сомнений быть не могло, свет электрический, это лампочка. Оставалось только понять, куда она вкручена, и откуда в этих горах взялось электричество.

Дорога заняла ещё часа два, прошли не так много, просто скорость была черепашьей. Наконец, нашему взору предстал двухэтажный домик, немного пошарпанный, но вполне исправный, к домику примыкала асфальтовая дорога и тротуар, которые в двадцати метрах терялись среди камней.

— Там кто-то есть? — задал я идиотский вопрос.

— Кто-то же лампочку включил, — заметил Женья.

— Это магический светильник? — уточнил Морд.

— Нет, дорогой мой рыцарь...

— Я не рыцарь, — тут же возразил он.

— Неважно, светильник обычный, просто светильник из нашего мира, он там есть в каждом доме. Правда, чтобы он светил, нужно, чтобы по вон тому шнуру в него поступала магия... не магия, конечно, но ты всё равно не поймёшь. Короче, для нас это привычно, но странно.

— Что будем делать? — спросил Женья.

— В доме кто-то есть, — уверенно заявил я. — Иначе свет бы не горел, а там, видишь, окно ещё светится. Думаю, стоит постучать в дверь и попросить убежища, вряд ли там живёт кто-то злой.

— Булочками пахнет, — заметил Морд.

Дом по периметру был обнесён невысоким кирпичным забором, в центре имелась калитка, а почти сразу за ней поднималось небольшое крыльцо в три ступени. Сам дом был

довольно просторным, а сбоку имелись какие-то хозяйственные постройки.

Калитка оказалась заперта, я хотел стучать прямо в неё, но Женя указал на маленький колокольчик, что висел сбоку.

— Всё предусмотрено, — заявил он и дёрнул за верёвку.

Звон был негромкий, но в доме его услышали. Через минуту с той стороны послышался лязг запоров, а потом дверь распахнулась. На крыльце стоял пожилой мужчина, лет ему было около шестидесяти, небольшого роста, крепкий, он был одет в джинсы красную клетчатую рубашу, а поверх неё накинута жилетка из непонятного меха. В одной руке он держал электрический фонарь, а другая сжимала помповый дробовик. На голове у него были неровно обстриженные седые волосы, а ещё большая окладистая борода, делавшая его похожим на Санта Клауса. Я почему-то сразу подумал, что человек этот не из России.

— Кто здесь?! — крикнул старик в темноту.

— Доброй ночи, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал мирно. — Мы просто путники, сбились с дороги и увидели свет. А ещё мы замёрзли и голодны, будем благодарны, если вы пустите нас к себе.

Старик вздохнул, как мне показалось с облегчением.

— Выйдите на свет, — велел он, потом ещё раз осмотрел нас с помощью фонаря, потом ещё раз облегчённо вздохнул. — Мне достаточно и того, что вы люди. Разумеется, проходите, калитка закрыта на крючок, вон там, сбоку. Открывайте и проходите в дом.

Мы открыли калитку и поднялись по крыльцу. Дом как дом, довольно ухоженный, хотя и старый. Внутри горел свет, правда, только в одной комнате. Ещё я обратил внимание, что, когда мы шагнули за забор, стих ветер. Это оазис?

— Проходите в гостиную, — он указал рукой в нужную сторону. — Там садитесь за стол, запасы мои не так богаты, но кое-чем угостить вас смогу.

Такое гостеприимство было непривычным в этом мире, впрочем, нам ведь уже встречался маг Евстафий, который помог нам, ничего не попросив взамен. Добрые люди тут тоже встречаются.

Мы присели за большим столом, старик включил свет, не лампу под потолком, а просто светильник, что был прикреплён к стене. Так было даже лучше, приятный полумрак, специально, чтобы свет с непривычки не бил по глазам.

— Сейчас будет кофе, — сообщил старик, запуская настоящую кофемашину. — А пока оцените булочки.

Так вот откуда был этот запах. На столе появились вполне приличные булочки с корицей, ещё тёплые, от вида и запаха которых желудок заурчал, а во рту стала обильно выделяться слюна.

— Перекусите пока, а я чуть позже приготовлю что-то существенное, — сказал он.

Когда кофе был готов, он разлил напиток в четыре больших кружки, поставил перед нами и сам сел рядом.

— Что же, думаю, теперь я, как хозяин, вправе начинать расспросы? — обратился он к нам.

— Да мы бы и сами не прочь расспросить, — смущённо сказал я.

— Я могу рассказать вам свою историю, — сказал старик, — только она будет короткой.

— Мы с удовольствием слушаем, — сказал ему я.

— Зовут меня Николас О'Салливан, я потомственный ирландец, жил в США. Работал

пекарем. Я вдовец, дети мои уже взрослые и жили отдельно. В одну ночь началась буря, странная буря, какой я ещё никогда не видел. Было темно, а от ветра дрожал весь дом. Дом у меня крепкий, пришлось потратиться, зато его даже торнадо не унесёт. Буря не прекращалась дня три, а потом я всё же решил выйти на улицу, телефоны не работали, электричество отключилось. А когда я вышел, то увидел, что домик мой... нет, не в стране Оз, он здесь, в этих горах, на этой реке.

— И как давно это было?

— Сложно сказать, нормальных часов у меня не осталось, а смена дня и ночи... впрочем, вы и сами это заметили. Думаю, я прожил здесь год или около того.

— А откуда у вас электричество? — спросил Женья.

— Магия, — улыбнулся старик, потом стал серьёзным и сообщил: — там, за домом, стоят два небольших ветряка. Не так много энергии, но, если не включать печи, этого хватает. Ветер есть всегда.

— И вы никуда отсюда не уходили? А как быть с едой? — я указал на последнюю булочку, которую никто не решался съесть.

— Мне повезло, — сказал он. — Я был не просто пекарем, пекарня стояла прямо у меня дома, в одной из комнат, там, у противоположной стены. Я изготавливал продукцию сам, один, работников у меня не было. Пек по ночам, а утром развозил товар по магазинам. А когда меня занесло сюда, со мной перенесло и подвал, в котором хранились запасы. Несколько тонн муки разных сортов, специи, сахар, яйца, масло. Одному человеку этого хватит надолго. Да и местность тут не такая скудная, если спуститься вниз по течению, туда, где растёт трава, можно найти горного козла, мясо которого я временами готовлю. Жаль, что семян не было, а то бы я устроил у дома небольшой огород. Могу только лук выращивать в цветочном горшке. Ещё в реке есть рыба, мелкая, но помогает разнообразить меню.

— И вы никогда не пытались уйти отсюда?

— Однажды спустился далеко, почти в долину, там было такое... может быть, просто неудачно попал. Там была битва, одни разбойники резали других разбойников. Тех и других было человек по тридцать. Одна сторона победила, а выжившие бросились на меня, когда увидели. Я хотел убежать, но бегать мне не по возрасту. Пришлось стрелять, истратил восемнадцать патронов, но отбил. После этого охота куда-то идти пропала. Ещё пару раз встречал отвратительных монстров, которые меня, к счастью, не заметили. А один раз видел даже настоящего дракона, летающего ящера, не очень большого, но страшного. Летел над горами и выискивал добычу.

— У вас есть оружие?

— Да, этот дробовик и револьвер. Пользоваться ими я умею, родился и вырос в Техасе. Патронов осталось очень мало, меньше двух десятков, не посчитал нужным в своё время делать запас.

— Ясно. Наша история проще. Мы двое из России.

— А почему я вас так хорошо понимаю?

— Это одно из чудес этого мира, — объяснил я. — Недавно разговаривал с немцем и тоже прекрасно его понимал. Так вот, мы ехали на машинах, была зима и началась снежная буря. Мы встали на дороге, поскольку дальше было не проехать. И обратно вернуться не смогли. Потом оказалось, что дорога исчезла, а из леса стали приходиться монстры. Мимо шёл путник, который жил в буре давно. Он объяснил нам, что и как, а потом посоветовал, как можно вернуться. Нас было больше десятка, кто-то погиб, кто-то вернулся домой, а мы двое

не успели, пришлось прикрывать остальных от атак монстров. Теперь мы здесь и ищем способы вернуться назад.

— А есть такие способы?

— Всё очень странно и смутно. Есть некий артефакт, с помощью которого можно воздействовать на местных богов. Есть ли этот артефакт там, куда мы идём, сможем ли мы им воспользоваться, найдём ли богов, — не знаю. Но оставаться на месте тоже не хотелось. А по дороге мы поссорились с вампирами и обидели чокнутого некроманта, теперь у нас куча врагов, от которых мы прячемся.

— А этот молодой человек?

— Он из другого мира, рыцарь, не прошедший посвящение. Его отправили сюда специально, чтобы научился убивать монстров. Он пробудет здесь год, потом вернётся к себе с помощью магии. Если у нас ничего не получится, мы отправимся с ним. В том мире Средневековье, есть магия и волшебники. Не самый лучший выбор, но там точно лучше, чем здесь.

Старый Николас замолчал, обдумывая услышанное. Я тем временем развязал мешок и вынул свои запасы. Первым делом положил на стол солонину.

— Что это? — спросил старик.

— Солёная свинина, — объяснил я. — Угощайтесь, на вкус не очень, зато питательная и хранится долго.

— Позвольте, — он пододвинул мясо к себе, положил на доску, взял нож и отрезал тонкий пластик, положил его в рот и зажмурился от удовольствия. — Сто лет не ел свинины.

— Ещё есть выпивка, — сообщил я. — Вот, коньяк, ром, ну, и просто спирт, если есть желание.

Николас принёс стаканы с толстым дном, разлил спиртное на всех, после чего мы выпили понемногу.

— Сейчас можете отдыхать, — сказал хозяин. — Я пока приготавливаю нормальный обед, а заодно подумаю, стоит ли мне пойти с вами. Правда, я плохой ходок, но постараюсь не отставать.

Мысль о том, что в команде появится четвёртый участник, пусть старый, но с оружием и умеющий стрелять, мне понравилась. И в этом есть смысл, если мы пройдем в наш мир, пусть в любом месте, он сможет добраться к себе на родину, а там уже приживётся, пусть дома и пекарни больше нет (что не факт), но как-нибудь устроится. С этой мыслью я и заснул, свернувшись калачиком на большом диване.

Глава двадцать третья

Старый пекарь Ник принял решение. Сказал, что пойдёт с нами. Он раздумывал несколько часов, после чего объявил, что вечно тут сидеть невозможно, уж лучше умереть в дороге. Мы, разумеется, такое решение только поприветствовали.

Правда, с выходом решили повременить. Припасов было не так много, а у него ещё имелся немалый запас муки и прочих ингредиентов для изготовления хлеба. Теперь он, привлекая нас в качестве тестомесов, активно выпекал какой-то особый хлеб, который потом резали ломтями и сушили сухари. В итоге получился немалый запас, которого хватит минимум на неделю пути, а с учётом того, что в пути будет попадаться дичь, даже больше.

Когда мешки были набиты доверху, а сам Ник собрал немногочисленные пожитки, мы собрались в поход. Стояла ночь, решено было отправляться в путь, как только встанет солнце. Перед выходом старик взял у меня бритву и побрился, отчего сразу стал выглядеть

лет на десять моложе. Вообще, старик был крепкий, поход точно выдержит.

Мы сидели в гостиной, попивая спирт, разбавленный морсом из какого-то джема, Ник суетился по дому, выбирая, что из вещей он может бросить, а без чего точно не обойдётся. Проблема была серьёзная, вещей, который он считал для себя дорогими, было много, а грузоподъёмность у него ограничена, куда лучше взять еды и воды, а вещи... дело наживное.

Тут в дверь постучали, старик, что стоял ближе к двери, немедленно отозвался:

— Кто там?

— Пожалуйста, пустите нас, мы заблудились и замёрзли, — раздался тонкий голос, принадлежавший, видимо, подростку.

— Да, конечно, проходите, — сказал Ник.

— Нееееет!!! — прошипел со своего места Женя.

Но было поздно, дверь приоткрылась на цепочку (в прошлой жизни Ник не забывал о безопасности), туда просунулась тонкая рука, которая ухватилась за цепь и оторвала её. Дверь распахнулась, а тощий мелкий человечек, ворвавшись внутрь, вцепился в старика и вонзил клыки ему в шею. Почти одновременно с этим в него влетела стрела из арбалета Жени, а подскочивший Морд съел ему голову одним взмахом меча.

Но дело было сделано, Ник отползал назад, обливаясь кровью, а в распахнутую дверь было видно, как со всех сторон слетаются огромные летучие мыши. Нас вычислили, и сейчас они будут штурмовать дом. Хозяин дал им разрешение на вход, отсидеться не получится.

— Ник, — позвал я.

Старик лежал на руках у фармацевта, видно было, что крови он потерял много, возможно, вампиры ещё и впрыскивают какой-то яд при укусе, жить ему осталось недолго.

— Да, я слышу, — проговорил он, глядя в пустоту, глаза подёрнулись мутной плёнкой. — Я умираю...

— Ник, вы можете спасти нас, — сказал я, схватив его за руку.

— Да, но как?..

— Ник, — я вынул из кармана золотую монету. — Продайте мне дом. Продайте мне ваш дом, тогда они не войдут сюда. Скажите, что продаёте дом мне.

Он сжал мою руку, забрал монету и заплетающимся языком проговорил:

— Я, Николас Гедеон О'Салливан продаю свой дом...

— Юрию Верёвкину, — отчество я говорить не стал, старик не в том состоянии, чтобы произносить такие сложные фразы.

— ...Юрию Верёвкину, — проговорил он. — Договор скрепляем рукопожатием...

Собственно, последнее, что он сделал в жизни, — крепко сжал мою руку. Глаза его окончательно потухли, а рука внезапно стала ледяной. Видимо, укус вампира, кроме непосредственной потери крови, грозил ещё каким-то магическим высасыванием жизни. Напрягшись, я поднял тело старика с пола и положил на диван. Монета так и осталась у него в руке. Он не стал обвинять нас в том, что мы его подставили, что привели монстров по его душу, вместо этого, в последний миг жизни сделал всё, чтобы спасти нас от смерти.

Осталось понять, подействовал ли устный договор купли-продажи на способность вампиров проникнуть в дом. Банда кровососов численностью в несколько десятков клыкастых рыл уже высадилась во дворе и готовилась к штурму. Я встал на пороге и объявил:

— Запрещаю вам входить в мой дом.

Несколько вампиров, что стояли у ворот, переглянулись, а потом, проигнорировав мои

слова, ринулись вперёд. Вот только на пороге им пришлось замереть с тупыми физиономиями, в которых сквозило непонимание процесса. А тут подоспели мои товарищи, Женя выстрелил из арбалета, а Морд махнул мечом. Вдогонку я ещё трижды выстрелил из револьвера. Вампирская братия сразу уменьшилась на несколько единиц личного состава, а остальные предпочли ретироваться за забор. Первый приступ мы отбили.

— Что делать будем? — спросил я у своих, не оборачиваясь.

— Вступим в бой, — немедленно заявил Морд.

— Ты видел, сколько их? — уточнил Женя, вращая ручку арбалета. — Затопчут ведь.

— Пусть враг многочислен и жесток, но мы...

— Прекрати, — оборвал его я. — Умереть всегда успеем. Думать надо.

— Чего тут думать? В доме они нас не достанут, — заметил Женя.

— А долго мы тут просидим? — спросил я. — Еда, допустим, есть, а вот воды хватит, максимум, на неделю. Это если мы умываться не будем.

— А старый откуда брал? Из реки?

— Да, таскал вёдрами, заливал в котёл и сливной бачок унитаза. Из реки... Стоп!

— До реки метров семьдесят, — подсчитал Женя, глядя из окна, там уже наступил рассвет, но вампирам это не мешало, поскольку солнце было скрыто тучами, они продолжали кучковаться вокруг дома, стараясь сильно не высовываться. — Сможем пробежать?

— Нет, — я покачал головой. — Точно не сможем. Они быстро двигаются. Надо проредить их банду.

— Прореживать долго придётся, — заметил фармацевт. — Их там до чёрта и не высовываются.

— Надо подумать, что у нас есть, — я развернулся, но тут Морд крикнул:

— Труп шевелится!

Мы бросились к трупу Ника. Он в самом деле пошевелился и открыл глаза. Вампиром, надо полагать, не стал, но какой-то вариант зомби из него получился. Я успел потрогать пульс, ничего, мёртв, но шевелится, хрипит и пытается встать.

— Женя! — позвал я. — Давай, соображай, что с ним делать? Кол забить? Сжечь? Голову отрубить?

— Да он не вампир, просто зомби, — спокойно сказал Женя. — Давайте его свяжем, и пусть лежит.

Зомби, которым стал Ник после смерти, оказался не особо сильным, втроём нам удалось придавить его к полу и связать простынями и полотенцами. Одной проблемой стало меньше. Это хорошо, если не учитывать, что снаружи стоят, клацая зубами, ещё полсотни проблем.

Я присел на диван и начал думать. Итак, что есть? Есть запасы еды, если воду экономить, продержимся долго. Но потом всё равно придётся выходить. А если сражаться? Можно хлебнуть зелья и в таком виде выскочить наружу. Попытаться прорваться к реке. Беда в том, что вампиров много, первые пять, пусть даже десять укусят нас, отравятся, остальные поймут, что с кровью не задалось, а потом просто разорвут нас на части. Не вариант. Если отстреливать по одному? Можно попробовать, временами кто-то высовывается из-за забора, но займёт это не одну неделю, за это время их мамка (кстати, где она?) новых клонирует. Тоже не вариант.

Что есть из оружия? Так, мой дробовик, к нему, если взять запасы Ника, имеется десять

обычных патронов и пять с серебром. Ещё револьвер. Его я зарядил серебром наполовину. Трёх смогу положить, да и свинцовая пуля, хоть и не убивает вампира с концами, может серьёзно его замедлить. Ещё револьвер Ника. К нему есть двенадцать патронов, калибр непонятный, но не меньше, чем у моего. Да и сам револьвер какой-то древний, типа «Кольт-миротворец», только и пользы, что под унитарный патрон. Заряжается по одному патрону, а стреляные гильзы нужно выбивать специальной подпружиненной спицей, что крепится справа от ствола. Ещё и спуск одинарного действия, перед каждым выстрелом придётся взводить. Тем не менее, штука полезная. У Жени арбалет, адски полезная штука, стрелы с серебром и из осины, но и те, что со стальными наконечниками, пойдут в дело, деревянная палка в теле вампира приводит к параличу. Есть арбалет и у Морда, хотя пользуется он им неохотно, предпочитая ближний бой. Меч у него, кстати, с серебряным покрытием и ещё на нём какие-то руны, видимо, для усиления поражающего эффекта. Если будем прорываться, Морд окажется самым полезным членом команды. У нас ещё копья есть, но они застрянут после первого применения, а меч в этом отношении надёжнее, особенно, если его держит умелая рука.

И последнее: гранаты. Две штуки, которые, будучи применены в идеальных условиях, полностью обнулят поголовье кровососов. Вот только идеальных условий нет. Вампиры стоят вокруг дома, часть неизбежно выживет, тогда у нас не останется средств. А если выбросить по гранате спереди и сзади? Не факт, что получится, тем более, что некоторые находятся за забором, а некоторые — перед ним, видимо, на двор запрет не распространялся.

— Женя, — позвал я. — Есть мысли?

— Мыслей много, — лениво отозвался он. — Тебя какие интересуют?

— Как собрать вампиров в кучу и подорвать гранатами?

— Разрешить им войти, они соберутся в холле, а мы их сверху...

— Уверен?

— Они тупые, в атаку кинутся скопом, а тут мы их затормозим, создадим узкое место на лестнице.

— Я готов закрыть им путь! — немедленно заявил Морд.

— Молодец! — похвалил я. — А точно получится?

— Стопроцентной гарантии не даёт сам Господь Бог, но вероятность велика. Хотя... — он осмотрелся. — Надо заделать все окна, а ещё на чердаке видел дверь. Когда попрут, надо чтобы в одну дверь ломились, а они попробуют отовсюду залезть.

Его замечание было принято к сведению, мы немедленно произвели обыск в доме, нашли инструменты, молоток и гвозди, которыми стали заделывать все лишние проходы. Для этого пришлось разломать часть мебели, покойный Ник бы не одобрил, но... сгорел сарай, гори и хата. Часа через два мы могли быть уверены, что вампиры пойдут только через парадный вход. Могут, конечно, полезть и через окна, но вырывание прибитых досок отнимет время, за которое мы успеем среагировать. Если после применения гранат их останется пять-шесть, пусть даже десять, с таким количеством мы справимся.

— Итак, все готовы? — спросил я, поигрывая гранатой, второй рукой я отпил из пузырька зелье.

— Как пионеры, — хрипло ответил Женя, принимая у меня пузырёк, видно было, что парень волнуется, без препаратов его безбашенная решимость пошла на спад.

— Сейчас я их приглашу, вы стойте на лестнице, потом я назад, вы тоже назад, оттуда,

сверху, будем бросать.

Меня самого потряхивало, план казался толковым, вот только уверенности в результате не было никакой. Револьвер Ника я засунул в карман куртки, а свой, заряженный серебром, держал в руке. В другой руке была граната. В последний момент придётся как-то затормозить самых рьяных.

Я встал в проходе и оглядел поле деятельности. Ага, вот они, спрячутся за забором.

— Вампиры! — крикнул я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Один высунулся и тут же получил серебряную пулю в голову. Прав был Женя, тупые.

— Слушайте меня! я картинно сдул облако дыма со ствола. — Я, хозяин этого дома, приглашаю вас всех войти. Входите и будьте моими гостями.

Они, может быть, и тупые, но с реакцией у них всё отлично. Я ещё договорить не успел, а толпа, мигом стянувшись к парадному входу, ринулась на штурм. Я едва не кувырком откатился к лестнице, запрыгнул на ступеньку, выждал, пока первый не окажется внутри, а потом начал подниматься. Дверь шириной около метра, но эти твари умудрялись проходить по трое и даже по четверо, скоро в холле стало не протолкнуться от жаждущих кровососов. Разумеется, самые нетерпеливые тут же кинулись к лестнице. Женя поднял гранату, но я его остановил:

— Рано! Надо ждать!

Первых двух я встретил серебряными пулями. Одного пробил навывлет, а пуля, пролетев дальше, ударила в следующего. После такого они начинали рассыпаться в прах, но на это требовалось время, в течение которого они загромождали узкий проход. Следующие полезли по головам предыдущих, одного снесло стрелой из арбалета Жени, не просто снесло, а пригвоздило к стене, что ещё больше сузило проход. Стрела была обычной, а потому вампир не стал распадаться, дерево только парализовало его.

Отбросив револьвер, я принял следующего на копьё. Отлично, хватило слабого укола, острое вошло сантиметров на шесть, после чего он сложился пополам. Внизу уже было настоящее столпотворение, стояли, кажется, даже на головах друг у друга.

— Бросай! — крикнул я, не успевая принять на копьё следующего, который дотянулся до меня своими когтистыми руками, руки у него почему-то вытянулись метра на полтора. К счастью, успел сработать Морд, который взмахом меча перерубил обе руки, они упали на пол и рассыпались пеплом.

Женя выдернул пробку и бросил гранату вниз, следом и я отправил свою. После этого мы ретировались на второй этаж, за нами не было большой погони, поскольку лестница была почти полностью заблокирована не успевшими распасться телами.

Прорвались только двое, один напрыгнул на меня, второй сцепился с Мордом, не давая ему взмахнуть мечом. Я попытался ударить копьём, но промахнулся, на такой близкой дистанции больше подошёл бы нож. А в силовом противостоянии я был ему не соперник, попытался вывернуть сустав, вывернул, но боли он не чувствовал, а второй рукой в это время притянул меня к себе. Клыки коснулись шеи, я почувствовал сперва жжение, а потом холод, видимо, слюна вампира обладала обезболивающим действием, вроде новокаина. Но выпить кровь не получилось. Уже через мгновение вампир отпрянул от меня, пытаясь отплеваться от отравленной крови.

И тут сработали гранаты. Что происходило на первом этаже, я сказать не берусь, но, судя по тому, что мы ощутили на втором, внизу был ядерный взрыв в миниатюре. Звук был глухой, зато свет проникал через перекрытия и едва не выжег нам глаза. Толпа, что

толпилась на лестнице, разлетелась мелкими серыми лохмотьями. Пользуясь замешательством вампира, который тоже пострадал от света, я набросился на него и начал остервенело бить по голове перчатками с серебром. От каждого удара появлялись дыры, из которых шёл дым, а после десятка ударов его голова просто раскололась, а изнутри высыпался серый прах.

Действие гранат продолжалось три или четыре секунды, потом всё затихло, а у меня перед глазами стояли цветные пятна. Просто вундервафля какая-то, так ведь не только вампиров глушить можно, так любого монстра в шашлык превратишь.

Я с трудом встал на ноги. Морд уже разделался со своим, проткнув его мечом. Вампир пытался укусить, но помешал броневой воротник, который рыцарь надел перед схваткой.

— Женя! — позвал я. — Ты где?

— Тут, — фармацевт высунулся из-за дивана, видимо, хотел спрятаться от светового излучения, судя по красным глазам, получилось плохо. — Красиво жахнуло.

Я помог ему встать, он тут же вынул платок и приложил к моей шее, следы от укуса никуда не делись.

— Очень может быть, что после смерти тебе придётся забить кол... в сердце.

— После моей смерти можешь забивать мне кол хоть куда, — отмахнулся я, забирая у него платок, крови вытекло относительно немного, вампир даже укусить как следует не успел. — Идём наружу, там мог кто-то остаться.

Мы спустились на первый этаж. Зрелище, скажу я вам, не для слабонервных. В тех местах, где взорвались гранаты, горел пол, горел плохо, но от линолеума распространялся удушливый дым, который частично вытягивало в дверь. Что же до вампиров, то от них осталось очень мало. Некоторые, кто стоял ближе к стенам, сгорели не полностью, кое-где лежали мелкие кости и черепа, из которых радостный Морд тут же стал выламывать клыки. Сгорел, как ни странно, и труп Ника, видимо, переродившись в зомби, он стал уязвим к свету. Были и неприятные новости, например, уходя наверх, я бросил свой старый револьвер, в котором были ещё заряжены три пули. А теперь ему пришёл конец, порох каким-то образом сдетонировал, разорвав барабан. Впрочем, у меня и зарядов к нему почти не осталось, только бесполезные серебряные пули, пусть покоится с миром.

Снаружи мы нашли трёх тяжелораненых вампиров, видимо, не смогли протиснуться в холл вместе со всеми, а потому получили только вторичные ожоги. Но и этого хватило, чтобы лишить их боеспособности. Двое напоминали прожаренные стейки, разговаривать с ними не имело смысла, а третий пострадал меньше. Пока Женя и Морд добивали первых двух, я подошёл к третьему.

— Как самочувствие? — спросил я с издевательской ухмылкой. — Может, кефиром намазать?

Он что-то прохрипел в ответ, что можно было расценить, как угрозу.

— Слушай, — я нагнулся к нему, но наготове держал копьё. — Меня интересует ваша мать. Я не видел её здесь, где она?

Он снова раскрыл обугленный рот и попытался что-то сказать.

— Да, я знаю, она всесильна, она нас найдёт и убьёт, и так далее, и тому подобное, а всё-таки, где она?

— Она здесь, — прохрипел вампир, — уже здесь, она пришла за вами.

— Юрий Владимирович, — привлёк моё внимание Женя. — Смотри.

Я повернул голову туда, куда он указывал. На горизонте появилась крупная чёрная

точка, которая стремительно приближалась. Вот и мамаша пришла, поздно, всех твоих деток уже того.

— Берём мешки и валим, — скомандовал я. — Быстрее, надо убраться за реку.

Морд твердил что-то про необходимость дать бой нечисти, мол, праведные рыцари не отступают перед злом, но пришлось и ему подхватить свой сидор, набитый сухарями, и бежать вместе с нами. Речка оказалась неглубокой, всего по это самое, но ботинки промокли, сразу стало холодно, ладно, потом переобуюсь, сейчас главное убраться подальше.

Мы не ошиблись, это на самом деле была мать вампиров, по непонятной причине опоздавшая к битве. Она спустилась на землю, обернулась человеком (если можно так сказать про огромную голую бабу с крыльями), заглянула в дом, а потом разразилась таким воплем, что у нас, на расстоянии двухсот метров, заложило уши и потемнело в глазах.

— Достанет оттуда? — спросил я.

— Вряд ли, — покачал головой Женя. — Когда мы на лодке убегали, расстояние было меньше, видимо, дальноточность у заклинания невелика.

Мать вампиров, что характерно, впустую сотрясать воздух не стала, видя, что мы для неё недосыгаемы, она снова стала летучей мышью, взвилась в воздух и минут через пять благополучно скрылась.

— Не вижу причин, чтобы трём благородным донам не свалить отсюда нахрен, — Женя внезапно начал цитировать классиков.

— Согласен, — сказал я, — сейчас переобуюсь и двигаем дальше. Нас ждут в Чёрном Солнце.

Глава двадцать четвёртая

Когда мы спустились пониже, гравитационные аномалии исчезли, да и сами горы стали уже не горами, а возвышенностью. Странно, конечно, видеть такое. Вот мы шли по равнинной местности, вот спустились вниз, а там внизу горы, настоящие, с ледниками, спустились с гор и оказались снова на равнине. Если прикинуть, то перепад высот между начальной точкой и здешней равниной (а мы продолжаем спускаться) составляет километров восемь, не меньше. Как это всё уживается в этом абсурдном мире, оставалось загадкой.

Но, несмотря на всю абсурдность ситуации, переход от голых камней и снега к альпийским лугам был приятен. Мы сбросили верхнюю одежду и шагали по высокой траве. Ветер тут был, но такой, можно сказать, несерьёзный, не сравнить с тем, что продувал нас до костей на высотах. А ещё оставалась надежда встретить какую-нибудь живность, чтобы разнообразить наше меню. Питаться сухарями, как это делали мы уже третий день, порядком надоело.

Такой случай представился, когда спустились по склону ещё километров на десять. Тут уже начали попадаться деревья, что снимало проблему топлива, а ещё наша дорога упёрлась в средних размеров озерцо, обрамлённое редким лесом, на противоположном берегу которого стоял небольшой деревянный домик.

— Как думаешь, там живёт кто-то?

— Не похоже, — покачал головой Женя. — Не люди, уж точно.

Подходили с опаской, держа оружие наготове. Дом был так себе, не сравнить с домом пекаря Ника (мир его праху, хороший был человек), просто избушка из бруса. Брус, правда, современный, отпилен пилой даже, кажется, циркулярной. И гвозди железные, заводского

исполнения. Снова привет из нашего мира?

Я встал справа от двери с револьвером, протянул руку и осторожно постучал. Ответом была тишина.

— Ломаем дверь? — предложил я.

Но тут внутри раздался глухой рёв, словно разбудили старого тигра, а следом топот. Через секунду дверь вылетела от удара изнутри, да не просто вылетела, а разлетелась в щепки, а на крыльцо выскочил... выскочила... Рассматривал я его недолго, но описание примерно такое: крыса, увеличенная до размеров человека, задние ноги удлинены, как у кенгуру, а передние висят впереди, как у двуногого динозавра. И на этих передних торчали острые когти размером с мои пальцы.

Тварь быстро огляделась, выбирая добычу, потом бросилась на нашего фармацевта. Тот стоял с заряженным арбалетом и даже успел выпустить стрелу, вот только крыса оказалась живучей... как крыса, стрела пробила живот, но не остановила тварь. Следом выстрелил я, вогнав револьверную пулю в спину, но тварь продолжила полосовать Женю когтями, пытаясь дотянуться зубами до лица. Женя отбивался с помощью мачете, но безуспешно, порезать шкуру твари в нескольких местах получилось, но его самого порвали куда сильнее.

Я выстрелил ещё раз, в результате крыса, пусть и не умерла, но отвлеклась, чтобы кинуться на другого обидчика. Кинулась, но на пути столкнулась с Мордом, который пробил ей грудь мечом. Но и это был не конец, тварь обхватила рыцаря передними лапами и повалила на землю. Сзади подскочил окровавленный фармацевт и рубанул наотмашь клинком мачете по хребту. Только теперь крысу-переростка пробрало, она захрипела и отвалилась назад, суча мощными задними лапами.

Умирала тварь долго, хотя мы не поленились проткнуть её копьями ещё раз восемь. Хрипела, пускала кровавую пену, скребла лапами, пока, наконец, не затихла. Но нам было уже не до того. Если Морд отделался лёгким испугом и небольшими царапинами, то фармацевту досталось изрядно. На щеке был глубокий порез, второй шёл по голове над ухом, ещё была разодрана шея, а в довершение был вырван кусок мяса из плеча. И кровь текла рекой, как бывает всегда при ранениях головы. Фармацевт, которому раньше по понятной причине было плевать на боль, теперь стонал и извивался.

— Могу уколоть, — сказал я, — у меня осталось немного, и шприц запасной.

Он внезапно замолчал и посмотрел на меня. В глазах отразилось странное чувство. Потом, стиснув зубы, он прохрипел:

— Не надо, зашивай так.

Хирургом я не стал, но кое-какой опыт в военно-полевой медицине у меня уже имелся. Я вынул стальную коробку с медицинскими инструментами, нашёл нитки и иглу, а потом принялся штопать.

— Хоть спирта выпей, — предложил я, протыкая кожу иглой, пусть мне и не больно, но занятие малоприятное.

— Нет, — промычал он сквозь ремень, который Морд предусмотрительно сунул ему между зубов. — Кровь разжижает.

— Тогда терпи, — сказал я и сделал очередной прокол.

Когда всё было закончено, я промыл его раны водой из фляги, а потом экономно полил спиртом. Бутыль, когда-то казавшаяся неисчерпаемой, теперь почти опустела, там осталось не больше пятой части. На щеке был шов, достойный монстра Франкенштейна, шрам на голове я стянул тремя швами, посчитав это достаточным, а рану на плече вообще не стал

зашивать, приложив стерильную повязку. Заживёт так, а вот пальто лучше заштопать, для этого другие нитки нужны.

— А где твой амулет? — спросил я. — Тварь ведь тебя не должна видеть.

— В кармане, — пробормотал он сквозь ремень. — Верёвка порвалась, чуть не потерял.

— Так найди новую.

— Угу, — промычал он.

Когда я закончил, Женя потерял сознание, но дышал при этом ровно, можно было надеяться, что со временем поправится. А я, сложив инструменты в коробку, тщательно их промыл и поставил на огонь, чтобы прокипятить.

— Придётся нам остаться здесь, — сказал я Морду. — Дня три, пока он не придёт в себя.

— Дом пригоден для жилья. — сообщил рыцарь. — Я посмотрел, есть кровати, очаг. Правда, кругом кости и дерьмо, но можно будет прибраться. Еда у нас пока есть.

Я вспомнил о надоевших сухарях и вздохнул.

— А эту тварь можно есть? Как думаешь? — я указал рукой на убитую крысу.

— Не знаю. Но воняет она ужасно.

— Это не она, — заметил я. — Это от нас так воняет. Зелье, что мы пили даёт такой эффект. Оно уже выветрилось из организма, но одежда пропиталась.

— Тогда следует её постирать, — сделал вывод рыцарь.

— А чем? Воды мало, всего две фляги осталось, а в озере неизвестно какая.

— Там, за домом, есть колодец, вода в нём чистая, я проверял.

Мы отнесли раненого в дом и уложили на широкую лавку, подстелив одеяло. А сами занялись уборкой. Воняло в доме неслабо, крыса отнюдь не была образцом чистоплотности. Уйма костей, в том числе явно человеческих, даже пара разгрызенных черепов попала, а в одном углу было насрано так, что выгребать пришлось лопатой, благо, лопаты тут были, хоть и деревянные. Часа через три домик стал в самом деле пригодным для жилья. Мы затопили очаг, безжалостно вырубив окрестные деревья, повесили на него котелок с водой, а сами начали приводить в порядок себя.

Это заняло куда больше времени. Нашлось какое-то корыто, но стирать без мыла было трудно, даже горячая вода плохо вымывала грязь из ткани. Потом я не поленился и раздел Женю, тот сопротивлялся, не приходя в сознание, но сил у него было мало, поэтому я смог справиться. Пришлось выстирать и его вещи, уж лучше напрячься самому, зато напарник не будет так отвратно вонять.

Под конец мы, истратив последний обмылок, помылись в том же корыте, а раненого я протёр мокрым полотенцем. С этой частью задания мы справились, теперь сидели на лавке снаружи, завернувшись в одеяла и стараясь укрыться от ветра, и смотрели вдаль. Вдали виделось всякое. Впереди был ещё долгий спуск на равнину, а уже там нас ждали болота. Отсюда было плохо видно, горизонт далеко, а всё, что до него, будто скрыто туманом. Чтобы скоротать время, я взял книгу с описанием монстров. Старый маг пытался их как-то систематизировать, вкладывая листы в уже имеющиеся разделы. Кроме того, были и закладки, одна из которых подходила к текущей повестке. «Болотные монстры». Что у нас тут?

Итак, болотный упырь. Тут и рисунок есть. Человекоподобная тварь, две руки, две ноги и круглая, как арбуз, голова. На пальцах когти, но относительно небольшие. Во рту множество мелких зубов, их расположение напоминает пасть сома. Я попытался вспомнить,

как выглядит сом, но не вспомнил, поскольку видел его только один раз и то в жареном виде и без головы. Ладно, что дальше? При укусе оставляет множество мелких царапин, которые потом воспаляются. Питается любой органикой, в первую очередь трупами. Стайные, как правило, живут группами в полтора-два десятка особей.

Силён, но тело непрочное, поддается режущему и колющему оружию, кости ломаются легко, как и все водные твари боится огня. Самый простой способ убийства — сломать шею. Для защиты от нападения стаи стоит использовать горящий факел, огня боятся настолько, что человек у костра для них недосыгаем. Из полезных ингредиентов можно отметить только слизь, выделяемую несколькими железами на коже, слизь эта хорошо заживляет раны, в том числе и оставленные зубами упыря. Так, ладно, с этим всё ясно. Кто ещё?

Болотная кикимора. Это уже интереснее. Представьте паука, только ног всего четыре, а передние имеют кисти, как у человека. Размер, если в высоту, то сантиметров сорок, а размах лап около полутора метров. Не гигант, но тварь неприятная. Цвет тёмно-коричневый, тело покрыто чёрными щетинками. Ротовой аппарат представляет собой совмещение аппарата насекомого и позвоночных. Есть зубы, которые выдвигаются из глубины рта, но есть и наружное пищеварение, то есть, выплёвывает желудочный сок (фу!) а потом просто слизывает переваренную пищу. Иногда комбинирует два способа питания.

Главную опасность представляет жало, что находится в задней части пухлого тела. Этаким кинжалом, длиной сантиметров тридцать, на конце которого выделяется капля парализующего яда. Тварь делает прыжок вперёд, обхватывает жертву лапами, а потом колет жалом, совсем неглубоко, только чтобы впрыснуть каплю яда. Яд действует через двадцать-тридцать секунд, жертва остаётся в сознании, но не может пошевелить ни одним членом, кроме лицевой и дыхательной мускулатуры, а кикимора его в это время ест. Мерзость какая!

Большую часть времени сидит в болотной воде, высунув оттуда только дыхательные органы и глаза, которые обладают эффектом перископа, то есть, вытягиваются вверх на стебельках.

Убивать затруднительно, наружный панцирь почти не поддается холодному оружию. Только что-то ударно-раздробляющее, вроде кирки или кистеня. Также можно пробить из мощного арбалета или огнестрельного оружия. Уязвимым местом считается рот, в который при желании можно загнать копьё, также есть смысл перебить ноги, чтобы лишить тварь подвижности, если сломать заднюю ногу, то прыгнуть она не сможет. Чтобы гарантированно вывести из строя, нужно перебить нервный узел, что располагается на условном загривке.

Из полезных ингредиентов можно отметить яд, что сохраняет своё действие в течение нескольких недель или даже месяцев, его сцеживают и наносят на оружие. Также можно вскрыть труп и вырезать внутренние железы. Их секрет, который довольно долго выделяется и после смерти кикиморы, обладает лёгким наркотическим и галлюциногенным действием, часть используется жрецами некоторых культов для организации транса и видений. Надо бы эту страницу вырвать, а то фармацевт наш, если узнает, всех кикимор на болоте передушит голыми руками.

Идём дальше. Болотный нетопырь. Похож на обычного, но меньше размером (это радует) ведёт ночной образ жизни (не может быть!), питается кровью, но, как правило, не убивает жертву, хотя укусы потом долго кровоточат. Убивается, как и все млекопитающие, из полезных ингредиентов можно отметить секрет в слюне, препятствующий сворачиванию крови. Извлечь его может только опытный алхимик. Также алхимики ценят мембрану с

крыльев, которая даёт несколько ценных веществ, входящих в состав зелий.

Кстати, алхимиков я пока не встречал, а вот торговцы, очень может быть, купят ценные ингредиенты для зелий, надо будет запастись. Кто у нас тут ещё?

Могильные пиявки. Названы так из-за того, что склонны организовывать гнездо там, где лежал труп, в котором они выводят потомство. Одни из самых опасных обитателей болот. Тут я напрягся. В отличие от обычных пиявок, питаются не кровью, а плотью жертвы, присасываясь, впрыскивают в тело пищеварительный сок, который разлагает плоть, оставляя только кости, всё остальное в виде питательного бульона поглощают пиявки. Меня передёрнуло. Если к человеку присосались две и больше пиявок, то единственным спасением может быть только немедленная ампутация поражённой конечности. Тут я едва не перекрестился. А как они выглядят?

Размером около двадцати сантиметров или чуть больше (в тексте было указано пять вершков, явно сам Евстафий писал), чёрного цвета, спереди и сзади от тела торчат пучки щетинок. Бороться с ними сложно, лучше избегать их гнёзд, от которых они не отходят далеко. Гнездо это под водой, визуалью его не обнаружить, но над нам, как правило, стоит сильный запах аммиака.

Совсем хреново, надо будет постоянно принюхиваться, на предмет аммиака. Это от большой твари можно топором отмахаться, она большая, а с этой мелочью что делать? Особенно, если в болото провалишься по шею, а там они. Ладно, немец говорил, что через болота тропа есть, глядишь, по ней как-нибудь дойдём.

Глава двадцать пятая

В домике мы прожили четыре дня, Женя, при всей своей смелости, крепким здоровьем не обладал, а потому поправлялся медленно. Да и на пятый день он был ещё бледен и слаб. Впрочем, его это не остановило, он заявил, что готов продолжать путь. Я вкратце обрисовал ему, что нас ждёт, он вздохнул и спросил:

— А тропа — это тропа, или просто направление?

— Откуда мне знать, — я пожал плечами. — Но, думаю, это место, где можно идти, не проваливаясь. Осталось только её найти.

Взвалив на себя изрядно полегчавшие мешки, мы отправились дальше. Пройти мимо болот было невозможно, мы их разглядели издали. Тёмное пятно внизу, туман и гнилостные испарения. Я тщательно прогонял воздух через нос, пытаюсь уловить в этой вони нотки аммиака, но пока ничего такого не почувствовал.

Переход от твёрдой почвы к трясине был резким, только что шли по ровной земле, поросшей редкой травой, а следом начиналась трясина. Вглядевшись, насколько позволял вонючий туман, мы различили сплошное болото, затянутое ряской, кое-где торчали островки, на каждом из которых росло по два-три кривых деревца.

— Тут точно не пройдем, — заявил Женя, оттирая сапог от жидкой грязи. — Надо тропу искать.

И мы пошли вдоль кромки болот, стараясь не дышать болотными испарениями. Тропа, если она и есть, скорее всего, едва заметна, надо смотреть в оба.

Всё шло нормально, только к обеду со стороны болот раздался страшный вой. Я бы сказал, что это волк, только какой волк на болотах. А следом с той же стороны послышался плеск воды, а в нашу сторону бросилось нечто тёмное, облепленное грязью. Тварь была размером с кабана, но на кабана походила мало, я бы сказал, что это ожившая коряга на четырёх ногах. Вряд ли у неё были агрессивные намерения в отношении нас, просто убегала

от кого-то страшного.

Мы вскинули оружие, но тварь остановилась напротив нас. Теперь получилось хоть как-то рассмотреть животное. Это было именно животное, а не потусторонний монстр. В голову полезли какие-то зоологические варианты, вроде капибары или тапира. Зубы, которые скалило животное однозначно говорили о травоядности, другие особенности не позволяла рассмотреть грязь.

Существо постояло минуты полторы-две, потом жалобно всхлипнуло и завалилось набок. Ноги ещё какое-то время скребли землю, а уже через минуту существо испустило дух.

— И что это было? — спросил я.

— Какой-то кабанчик, — сделал вывод Женя. — Только лапы с когтями.

— А почему умер?

— А ты понюхай, — предложил он.

Я принялся, ноздри защекотал лёгкий запах нашатырного спирта. Точно, пиявки.

— Вот они, — фармацевт потыкал в тушу клинком тесака. — Одна, две, три... больше десятка. Зверушка провалилась неудачно.

— А как она сюда добралась? — задал логичный вопрос Морд. — Они умеют плавать?

Вопрос интересный. Если тварь прибежала откуда-то, а потом, уже здесь провалилась в болото, значит, до этого она шла по твёрдой земле. А откуда в болоте твёрдая земля?

— По-моему, там деревья растут гуще, — Женя указал в ту сторону, откуда зверь прибежал.

— Думаешь, тропа?

— Проверить надо.

Мы проверили, тропа там действительно была, узкая, примерно метр в ширину. Впрочем, местами она расширялась, вливаясь в островки с деревьями. Идти по ней можно, точнее, было бы можно, если бы не одна проблема. Впереди имелся мост через пролив примерно трёхметровой ширины, мост старый и гнилой, возможно, мы бы и прошли, вот только он обвалился. Видимо, кабанчик, пробежав по тропе, забрался на мост и обвалил его своим весом. Доски гнилые, перила тоже, вот и не выдержала конструкция. С другой стороны, может быть, этот псевдокабанчик, спас нас от смерти. Он провалился, нахватал пиявок, взвыл от боли и вырвался наружу, а уже там умер.

— Пиявки там? — спросил я у Жени, который заглядывал вниз, где из воды торчали обломки моста.

— Не вижу, — сказал он. — Но воняет.

То, что воняет, я чувствовал и отсюда. Мерзкие черви свили гнездо прямо под мостом, возможно, какие-то путники что-то не поделили, убили товарища и спустили под мост, подложив свинью следующим путешественникам.

— Что делать будем? — спросил я у коллектива.

— Прыгать, — немедленно заявил Морд.

— Нет, спасибо, — я замотал головой. прыгнуть на три метра с разбегу можно, но не тогда, когда под ногами скользкая влажная глина, а в провале притаилась самая отвратительная смерть. Нет, не рискну.

— Можно попробовать мост построить, — предложил Женя, которому тоже прыгать не хотелось, да и прыгун из него так себе.

Я осмотрел окрестности. Деревья есть, но большинство из них тонкие, высотой с меня или чуть выше. Только если наломать много и связками завалить проход. Опять же,

неизвестна глубина болота в этом месте, может, нам и деревьев не хватит.

— Ясно, — сказал я, хотя ничего было не ясно. — Рубим деревья.

Мы начали рубить. Деревья, к счастью, были досягаемыми, срубили десятка три, через час у провала лежала довольно внушительная охапка тонких стволов. Выбрав один, я обрубил сучки и ткнул им в глубину, чтобы прощупать дно. Около полуметра. С одной стороны, ничего ужасного, но, даже если завалить, то неизвестно, как поведут себя пиявки. Если они умеют подпрыгивать хоть сантиметров на десять, проход станет опасным.

Когда вытащил палку, на ней повисла одна пиявка. Отвратительный глист сантиметров двадцати, сбросив её на землю, я наступил подошвой сапога и старательно размазал склизкое тело по земле.

— Как думаешь, сколько их там? — спросил Женя, присев в задумчивости.

— Не знаю, десятка два, а ты хочешь переловить всех?

— Нет, предлагаю их сварить.

— Как?

— Смотри, — он ткнул пальцем в болото слева от тропы. — Там прохода нет, вода заходит только отсюда, — палец показал направо. — Тут тоже заводь небольшая, а вся местность слегка приподнята. Если прокопать в обратном направлении, эта лужа обмелеет.

— А потом?

— А потом навалим сверху дров и сухой травы, подпалим и будем ждать результата.

— На болотах нежелательно разжигать костры, — заметил Морд. — Торф горюч, да и болотный газ выходит часто.

— Да нам, собственно, глубоко плевать, — сказал я. — Пусть хоть всё сгорит, нам-то что? Наоборот, тварей станет поменьше.

— Приступим? — спросил Женя.

Приступили. Копать пришлось в основном мне, сам фармацевт был всё ещё очень слаб, а Морд, будучи потомственным аристократом, просто не имел навыков такой работы. Кроме того, у нас не было нужных инструментов. У меня когда-то имелась небольшая лопата, но она осталась в машине, а машина... В общем, понятно. Копал я с помощью мачете, которое отлично перерубало корни. В итоге у нас появился узкий канал шириной сантиметров десять и глубиной около сорока. Когда была сломана последняя стенка, вода хлынула туда, уровень упал, не до нуля, но около того. Теперь стали видны пиявки, что вертелись в жидкой грязи, а ещё обнажились чьи-то кости, видимо, того самого незадачливого путника.

Тут уже в работу включились все, стволы рубили на куски метровой длины, ветки ломали руками, а в результате поверх грязи легла гора дерева, способного хорошо гореть. Я плеснул в середину спирта, подпалил одну ветку зажигалкой и бросил её вниз. Пламя вспыхнуло быстро, дерево сырое, но гореть может, минут через пятнадцать на месте провалившегося моста полыхал весёлый костёр. Пиявки, что оказались снизу, как оказалось, умеют хорошо издавать звуки, раздался противный писк, переходивший в ультразвук. Часть тварей успела отползти, но большинство просто лопнули в огне. Дерево прогорело за час, несколько раз мы подбрасывали туда охапки сухой травы, что натащили с равнины позади. Когда я рвал траву, обратил внимание, что труп кабана полностью разложился, оставив только кости, обтянутые редкими лохмотьями шкуры.

Жидкая грязь под прогоревшим костром частично спеклась в твёрдую корку, по которой мы спокойно преодолели опасный участок. Времени потеряли изрядно, зато теперь можно было быть уверенным, что в сапог не залезет никакая тварь.

Дальше пошло легче, тропа в самом деле была твёрдой, если не сворачивать в сторону, можно дойти до противоположного берега. Ну, если впереди не уготованы ещё несколько провалов. Сзади, где был мост, поднимался странный чёрный дым, видимо, часть торфяника всё же начала гореть, ветер, который тут, в низине, хоть и слабый, но охотно раздувает огонь до опасных масштабов. Но нас это уже не волновало. Второй проблемой было то, что мы потеряли массу времени, солнце склонилось к горизонту, насколько можно было видеть отсюда.

— Нужно место присмотреть для ночёвки, — сказал я, когда уже стало ясно, что ночь неизбежна. — Впереди, вроде, островок какой-то.

Островок был крошечным, метра четыре в диаметре, но даже такая площадь позволяла разместить троих человек. По дороге нарубили деревьев, до которых смогли дотянуться. Если ночь будет короткой, сможем поддерживать огонь. Главное, чтобы на этот огонь никто не пришёл.

Стемнело быстро, костёр горел слабо, но кое-какой свет давал. Надо было прихватить лампу и масло, но очень уж она громоздкая. Наскоро перекусив сухарями (спасибо Нику, не дал с голоду умереть), мы собрались спать. Первым сторожить остался я. Пусть с пиявками разобрались, но на этих болотах и другая нечисть может быть. Оставалось надеяться, что ночь пройдёт быстро, ну, или хотя бы как обычно.

Первые два часа прошли тихо, оба моих спутника спали, а я, временами подбрасывая ветки в костёр, старался сидеть к нему спиной, вглядываясь в темноту. Пару раз что-то плеснуло вдалеке, но я этому не придавал значения. Скоро начало клонить в сон, часы показывали половину второго, но здешний суточный ритм никогда не совпадал с часами, приходилось ориентироваться исключительно по ощущениям.

Когда я уже ощутимо начал клевать носом и ловить себя на мысли, что уже сплю, решил разбудить Морда. Женя, если что, подежурит перед рассветом, если таковой настанет. Если нет, придётся идти по темноте.

Но я не успел, чья-то рука зажала мне рот. Держала так крепко, что первая попытка вырваться провалилась. Пришлось просто завалиться назад, с таким расчётом, чтобы напавший на меня человек(?) упал спиной прямо в костёр. Сразу раздался тонкий визг, напомнивший мне предсмертные стоны пиявок. Только тут я понял, как сильно эта рука воняла рыбой и болотной гнилью.

— Тревога!!! — заорал я.

Парни проснулись быстро, настолько, что не успели попасть в лапы бледных фигур, набежавших отовсюду. Первый, что напал на меня, получил чудовищный ожог, такой, что с него пластами слезала кожа, а изнутри выливалась чёрная, как мазут, кровь. Второго я встретил ударом в рыло, целясь так, чтобы кулак не попал в рот с торчащими из него острыми зубами. Убить не убил, но отбросил на метр назад. Сам отскочил и начал надевать перчатки, они прочные, а шипы вполне заменяют кастет.

Морд ловко срубил двоих, не насмерть, но травмы не давали им продолжить бой, третий напал на него со спины, обхватив лапами так, что он не смог махать мечом. Тварь была сильна, а рыцарь, при всей своей ловкости, весил килограммов шестьдесят.

Единственным, кто догадался использовать огонь, был Женя, да только подходящего факела у нас не оказалось, пришлось отмахиваться тонкой палочкой с огоньком на конце. Но даже этого хватало, чтобы держать упырей на расстоянии.

Своего я таки свалил, удар шипастым кулаком в оскаленную физиономию опрокинул

его назад, а я прыгнул сверху, обхватил его голову руками и развернул рылом назад. Тут следующий прыгнул на меня сзади, силы им было не занимать, но запись в книге гласила, что тело непрочное, поэтому я атаковал кисть, вывернув её из запястья. Кость хрустнула, бледная кожа прорвалась, выплеснув порцию тёмной крови, а потом его кисть осталась у меня в руке. Отбросив его ударом ноги, я вынул револьвер.

Решив, что с одноруким справиться несложно, пришёл на помощь Морду, которого один держал сзади, а ещё двое атаковали спереди. Скованный в движениях, он всё же умудрялся размахивать мечом, используя только повороты кисти. Твари никак не могли до него дотянуться.

Решив, что, освободившись, рыцарь легко порубит в фарш обоих, я приставил дуло к голове того, что держал его сзади. Грянул выстрел, и головы не стало, зато в лицо мне прилетели кровавые ошмётки. Хватка разжалась, безголовый упал, а рыцарь, перехватив меч двумя руками, в два удара прикончил обоих.

Тут нам обоим пришлось спасти фармацевта. Палка в его руке потухла, а с помощью мачете отмахаться было проблематично. Единственное, что он смог сделать, — это обезопасить себя со спины, прижавшись к стволу мёртвого дерева. Двое упырей получили несколько ран, но их наступательный порыв не исчез. Я потратил ещё один патрон, а Морд отрубил голову второму.

Схватка закончилась, тот упырь, которому я оторвал руку, предпочёл ретироваться в темноту. Я осмотрел товарищей на предмет ран. Нет, обошлось, Морда спасла кольчуга, до меня упырь не дотянулся, а Женя вообще не позволил им к себе прикоснуться.

— Кто это был? — спросил Женя, обессиленно падая у костра.

— Болотные упыри, — сообщил ему я. — Я про них в книге читал, правда, там ещё написано, что к костру они ни за что не подойдут, настолько боятся огня. А эти подошли.

— Я же говорил, что в книге много неточностей, — он вытер пот со лба. — Видимо, оголодали в край, потому и рискнули. Ты вовремя нас разбудил, они не успели навалиться скопом.

Я не стал говорить, что я-то как раз задремал и позволил себя схватить, всё прошло благополучно, а упыри, те, кто выжил, получили хороший урок. Даже с их куриными мозгами можно запомнить, что вот эти люди опасны, а потому лучше держаться подальше, а добычу искать попроще.

— Когда я думал, что буду сражаться с монстрами, — проговорил Морд с отвращением, — я представлял себе драконов, демонов, великанов и кентавров. А биться приходится с...

Он потыкал кончиком меча в скользкую тушу убитого упыря. Выглядел тот в самом деле мерзко, от тела во все стороны растекалась тёмная слизь, а само тело начало проседать, сквозь бледную полупрозрачную кожу выпирал скелет.

— Предлагаю идти дальше, — сказал я, пытаясь оттереть от слизи перчатку. — Дров осталось мало, ночь не заканчивается, а чем скорее мы выберемся из болот, тем меньше опасностей встретим.

— Согласен, — тут же встрепенулся Морд. — Нужно только не убирать оружие, а тропу под ногами можно нащупать.

— Я тоже согласен, — сказал Женя, не вставая с земли. — Только сперва нужно поесть и отдохнуть.

— Ты проголодался? — с удивлением спросил я.

— Есть немного, непривычно даже.

— Значит, открывайте мешки, едим и через полчаса в дорогу.

Глава двадцать шестая

Мы шли уже третьи сутки, болота оказались шире, чем я предполагал. А тут ещё местный суточный ритм подбросил сюрприз: первая ночь длилась тридцать шесть часов, потом наступил рассвет, а часа через три солнце снова село.

Идти было трудно, снова поднялся ветер, небо закрыли тучи, и даже свет от луны (неважно какой из них) вниз не пробивался. Приходилось натурально нащупывать тропу перед собой, каждый раз выбирая, куда поставить ногу.

Зато местные твари стали обходить нас стороной. То ли случай с упырями их убедил, что лучше не трогать эту группу, то ли просто в спячку впали. Однажды нас атаковали какие-то летуны, возможно, те самые болотные нетопыри, но получилось отмахаться холодным оружием. Небольшая стая исчезла так же быстро, как и появилась, мы даже рассмотреть их не успели, да и проблематично сделать это в почти полной темноте.

Небольшое облегчение наступило тогда, когда рассвело второй раз, зато сгустился туман, не позволявший видеть ничего дальше трёх метров, но воздух стал ощутимо свежее. Оставалось надеяться, что это признак скорого окончания пути. Болота вытянули из нас все силы, даже молодой и крепкий Морд с трудом переставлял ноги, а Женю я на отдельных участках просто нёс на себе.

Наконец, мы остановились. Островок, на который вывела нас тропа, оказался достаточно широким для привала. Нужно было поспать хоть пару часов и перекусить остатками сухарей. Остатков этих хватит на один приём, а дальше придётся идти голодными.

Когда я объявил привал, мы втроём просто упали мешками на землю, ни у кого не хватало сил даже развязать мешок. Просто лежали и тяжело дышали, глотая сырой болотный воздух. Внезапно Женя потрогал амулет.

— Что-то чуешь?

— Что-то плохое, — проговорил он, едва шевеля губами. — Что-то очень плохое, но оно пока далеко.

— Насколько?

— Не знаю, но пока опасности нет. Даже не могу сказать, в какой стороне.

С этими словами он обнял свой тощий мешок и уснул. Морд отважно вызвался сторожить. Ну и ладно, он молодой, значит, крепче меня. Справится. К тому же чувство ответственности ему знакомо. Я бросил на землю давно отсыревшее одеяло и растянулся на нём. Странно, что в этой сырости никто из нас не заболел, а она очень способствует нехорошему.

Когда Морд разбудил меня, начинало темнеть. Я встрепенулся и положил руку на рукоять револьвера.

— Что-то случилось?

— Не знаю, — он огляделся вокруг. — Стало темнеть, ветер усилился, но пока никого нет. Мне тревожно.

— Ложись, — приказал я. — Я буду дежурить. Ещё пара часов у тебя есть.

Если нужно, снова пойдём в темноте. А парень пусть отдохнёт, он всё-таки не железный. Я сел в середине поляны, чтобы вертеть головой, высматривая опасность. Правда, ничего не видно, но хоть какое-то преимущество.

Ночь так и не наступила, не знаю, что там с солнцем, но вокруг повисли сумерки, которые так и не перешли в темноту. Туман густел, при этом ветер не прекращался, не знаю, как так получалось. Внезапно в тумане мне почудилось какое-то движение. Выхватив револьвер, я бросился к краю поляны, но так ничего и не рассмотрел. Пришлось вернуться. В воздухе повисла тревожность. Допускаю, что у меня от переутомления галлюцинации начались, но практика показала, что тут может быть всё. На всякий случай надел перчатки и пододвинул поближе ружьё, дослав в ствол патрон с серебряной картечью. Не тот случай, чтобы экономить.

Тут же обернулся в другую сторону. Где-то далеко захлопали крылья. Нетопырь? Неизвестно. Местные рукокрылые показали себя не такими опасными, как о них говорила книга. Правда, я помнил, у кого ещё бывают крылья. Через пару минут хлопанье крыльев послышалось с другой стороны, а потом резко оборвалось. Когда эта дрянь повторилась в третий раз, я понял, что тварь или твари играют на нервах. Их, возможно, там целая стая, вот и обкладывают со всех сторон. Сейчас обложат и... пулемёта у меня нет, стрелять сразу во всех не смогу.

Единственное, что было ясно, — парней пора будить. Морд, правда, проспал всего минут сорок, но выхода нет. Нас обложили, скоро будут атаковать.

— Женёк! — я дотянулся и подёргал спящего фармацевта за ногу. — Вставай, кажется, началось.

А ему в этот момент как раз снился кошмар, лицо перекосила гримаса ужаса, он задёргался и начал скрести по шее, словно его кто-то душил. Когда у меня получилось его разбудить, он сразу вскочил на ноги, выхватывая мачете.

— Она здесь! — прошипел он, а я бросился будить Морда.

Кто такая она, объяснять не требовалось. Мать вампиров, чьих детей мы перебили, нашла нас после долгого поиска, прятаться негде, здесь нет текучей воды, нет дома, который мы могли бы считать своим, даже огня нет. Есть у нас серебро и осина, да только сомневаюсь, чтобы мать вампиров было так просто убить.

— Мать вампиров пришла! — крикнул я, предваряя вопрос рыцаря, какого чёрта его разбудили.

Он вскочил и потянул из ножен меч. В этот момент снова раздалось хлопанье крыльев, а потом тяжёлое тело влетело на поляну, сбивая нас с ног. Я выронил ружьё, не успев сделать выстрел. Парни разлетелись в стороны, а меня она ухватила когтистой рукой и подняла над землёй. Второй рукой она замахнулась, выпустив десятисантиметровые когти и попыталась вырвать сердце. Боль пронзила рёбра, но когти только разорвали куртку. Кольчуга спасла меня уже не в первый раз, а серебро, которым была покрыта сталь, заставило её одёрнуть руку.

Ружья у меня нет, стрелять из револьвера бесполезно, там только свинец, а копьё не вытащить. Зато есть перчатки, а на перчатках шипы. Думаю, если ударить её в рыло, точно отпустит. Вот только до её рыла мне не достать никак, она сама двух метров роста, а руки непропорционально длинные, как у гориллы, как она могла мне тогда красивой показаться, уродина, сиськи и те трупного цвета, как гноем налиты.

Я сделал то, что мог, стал бить шипами по державшей меня руке. Помогло, каждый шип оставлял прожжённую дыру в коже, вампирша взвизгнула и разжала руку. Я кулём упал вниз и сразу же откатился подальше. Она снова кинулась на меня, но тут же замерла, я не расслышал, как позади неё сработал арбалет, но теперь у неё в спине торчала арбалетная

стрела. Надо полагать, стрела специальная, осина с серебряным наконечником.

Мать вампиров замерла, я обрадовался, думая, что она сейчас умрёт, но она, проявив чудеса гибкости, завела руку за спину, нажала на древко стрелы проталкивая её глубже в тело. Наконечник, прожигая кожу, показался из груди, обильно пошёл дым, плоть разъедало сильнее, чем кислотой. Тем не менее, она, сморщившись от боли, ухватилась рукой за наконечник и вырвала стрелу из себя. А от второй стрелы уже увернулась, а Морд, подбежавший к ней со спины и замахнувшийся мечом, чтобы срубить голову, был остановлен неизвестным заклинанием. Рыцарь замер, потом скрючился от боли и, уронив меч, свалился на землю.

Женя выстрелил ещё раз, снова попал, но вампирша только дёрнулась, развернулась и взмахнула рукой, и в кусты, где прятался фармацевт, полетело то самое чёрное облако. Тут я, наконец, дотянулся до копья, ухватил древко и бросился в атаку. Она как раз занялась вытаскиванием стрелы, а я, как солдат былых войн, с разбегу вогнал ей в грудь посеребрённый наконечник.

Ну, хоть это её убьёт? Чёрта с два, мать вампиров в сравнении со своими детьми — это просто слон против муравья. Она приблизила ко мне руку, вспыхнувшую на мгновение ярким красным светом, отчего мои внутренности скрутила боль, я хотел отпустить древко, но не успел. Она двинулась вперёд, проталкивая копьё через себя, снова ухватила меня за плечо и подтянула к себе. Пальцы её ухватили кольца кольчуги, но она не обращала внимание на идущий оттуда дым, шея её удлинилась, а клыки потянулись к моей шее. Ну, да, беспроегрышный вариант, в драке с людьми восстанавливать своё здоровье за счёт противника. Просто схватить и выпить кровь.

И тут бы отлично подошёл яд, который делает кровь ядовитой. Вот только выпить его мы забыли, не было нужды пить постоянно. А теперь уже поздно, даже если успею глотнуть, нужно время, чтобы препарат попал в кровь. Но я, последним движением всё же выдернул пузырёк из кармашка на куртке, а потом с размаху залепил раскрытой ладонью по оскаленным клыкам. Пузырёк разбился осколками впились мне в ладонь, тёмная жидкость расплескалась по морде вампирши, по зубам, а часть даже попала в раскрытый рот.

Я думал, что жидкость будет разъедать плоть монстра, как серебро, но эффект был иной, она отскочила назад, мотая головой так, что волосы образовали ураган. Я откатился назад, подхватывая ружьё, не надеясь на яд, я начал стрелять. Стрелял без остановки, дозаряжал и стрелял снова, серебром и свинцом, лишь бы только нанести повреждение. А следом сзади накинута фармацевт, вонзил ей в спину копьё, оставил его в ране и стал рубить мачете. Вампирша молчала и продолжала мотать головой. Потом она расправила крылья и взлетела, видимо, пытаясь сбежать.

Морд, подскочив сбоку, в упор загнал ей стрелу из арбалета. Как сбитый самолёт она стала пикировать, снова сбивая нас с ног. Ухватила Морда за ногу, едва не перерезав её когтями пополам. Ружьё моё теперь замолчало окончательно, патронов не осталось совсем, я вырвал из-за ремня револьвер и стал стрелять, целясь в голову. Есть предел у её регенерации, должен быть.

Что за заклинание она применила, я не понял, вокруг неё словно хлопнул взрыв, меня оглушило и отбросило взрывной волной метров на пять. Ружьё я потерял, револьвер был разряжен, а зарядить его быстро нельзя. Копьё неизвестно где, больше ничего нет. Есть нож, но навредить с его помощью невозможно.

Но и она выдохлась, стояла в центре поляны, шаталась. Тело её высохло, как у

дистрофика из концлагеря, чёрные волосы пробила седина, глаза, ввалившиеся в череп, которые только что горели красным огнём, стали затухать. Казалось, сейчас она упадёт на колени и попросит пощады. Но нет, силы у неё ещё нашлись. Она протянула руку и снова схватила рыцаря, на свою беду оказавшегося ближе всех. Подтянула к себе и... уронила. Сперва я не понял, что произошло, движение меча Морда оказалось смазанным, глаз его просто не зафиксировал.

Рука вампирши отделилась от тела и упала на землю вместе с едва живым рыцарем, продолжая сжимать его плечо. Следом Женя загнал в неё следующую стрелу, теперь, кажется обычную, со сталью, специальные уже израсходовал. Она вздрогнула, но всё ещё продолжала стоять. Обрубок руки почти не кровоточил. Уверен, если оставить её в живых, она отрастит себе новую.

Я начал шарить рукой вокруг себя, отыскивая хоть какое-то оружие. рука наткнулась на древко копья. Я с надеждой схватился за него, но древко рассыпалось трухой у меня в руках, видимо, кровь вампира обладала свойствами кислоты и превратила дерево в опилки. Сжав в руке наконечник, я бросился вперёд. Громко сказано: бросился. После контузии от взрыва я едва мог передвигаться. Тем не менее, до неё я добрался, увернулся от одного удара, пропустил второй, когти разрезали кожу на шее. Она снова кинулась, чтобы пить из источника жизни, но скорость у неё была уже не та, а потому я успел вбить наконечник копья ей под подбородок. Глаза её окончательно потухли, единственная рука безвольно опустилась, а сквозь раны прорвалось синее пламя, словно она была начинена горючим газом. Я сделал шаг назад, это меня спасло, иначе сгорел бы в пламени, охватившем изувеченное тело матери вампиров.

Всё же меня слегка обожгло, но не смертельно, слегка покраснела кожа и заболели глаза от яркого света. А потом пламя опало, оставив голый почерневший скелет. Я ожидал, что она полностью распадётся в прах, как это было с её детьми, но кости лежали целыми. А в грудной клетке, под рёбрами что-то блестело. Мелькнула мысль, что это серебряный наконечник от стрелы, но он блестеть не мог, было пасмурно, свет не может отражаться, если его нет. Я дотянулся и, сунув руку под рёбра, вытащил странный предмет, напоминающий кристалл размером с кулак. Собственно, это и был кристалл, который слегка светился изнутри, но я не мог сказать, какого он цвета. Под разным углом зрения он выглядел красным, потом синим, а иногда вообще терял цвет, становясь прозрачным.

Сердце, это её сердце, подумал я, наверное, какой-то важный артефакт, что так любят маги и алхимики, и который можно продать за хорошую цену. Закончив рассматривать, я сунул кристалл в карман изорванной куртки. Поднял взгляд на своих, парни выглядели потрёпанными, но умирать не собирались. Женя обошёлся порванной одеждой и разбитой физиономией, а Морд сидел в луже крови, левая нога ниже колена была расплосована когтями.

— Можно мне забрать её клыки? — спросил он слабым голосом.

— Можешь весь череп забрать, — великодушно сказал я. — Только перевяжись сначала, пока кровью не истёк. Женя, ты как?

— Я... — фармацевт растерянно осмотрел себя. — Вроде, в порядке. От заклинания получилось увернуться. Только уши болят и морду разбил, когда падал.

— Помощь оказывать можешь? — спросил я.

— Могу, — кивнул он.

— Вот и займись, всё-таки ты тут единственный медик.

Помощь потребовалась не только рыцарю, я и сам пострадал не меньше. Вампириша, хватая меня, смогла кое-где разорвать кольца кольчуги, когти проникли в тело, оставив глубокие кровоточащие раны. А там, где не было ран, остались огромные чёрные синяки, теперь, когда опасности больше не было, адреналин ушёл, поэтому я чувствовал всё, кости и мышцы болели так, словно меня часами избивали палкой, или я просто поднял вес, который поднять не мог. Но мои раны могли и подождать, у нас был человек, раненый куда серьёзнее.

Женя, хоть и был оглушён, как ни странно, пересилил себя и начал штопать Морда. Сил у него было мало, но с работой справлялся. Минут через двадцать его нога стала напоминать не кровавое месиво, а просто окровавленную ногу. На дезинфекцию ушли остатки спирта. Попутно пришлось вправлять вывихнутую кисть, рыцарь так старался рубануть мечом из неудобного положения, что вывихнул себе сустав. Вправили, туго перевязали и прописали покой.

— Кстати, Юрий Владимирович, ты ничего не заметил? — спросил Женя, заканчивая перевязки.

— А что я должен был заметить? — удивился я, тут же удивившись своей способности удивляться.

— Как ты двигался, ты ведь с бабой этой наравне бился, она только за счёт массы вывозила.

— Ну, я вообще драться умею, спортом в молодости занимался, — предположил я.

— Ну, с твоей колокольни это можно и не заметить, я мне со стороны виднее, двигался ты куда быстрее обычного человека, настолько, что уследить за движениями было сложно. Я это заметил ещё когда с мертвяками бились.

— И как ты это объясняешь?

— Экспа, местный апгрейд. Я тоже стал сильнее и быстрее, но не настолько, у меня и убитых на счету меньше, да и стартовые условия не те. К тому же старикан тебе амулет повесил.

— А твой где?

Он расстегнул на груди рубаху и продемонстрировал мне костяную пластинку.

— Вот и не снимай, — завещал я, укладываясь на одеяло.

А потом мы заснули, напрочь забыв об опасности. Любой болотный монстр мог подобраться и сожрать нас, не прикладывая никаких усилий. А мы спали. Рука моя покоилась на револьвере, но патронов в барабане не было, а я об этом забыл.

Глава двадцать седьмая

Болота закончились вечером следующего дня, опять же, вечером условным, я старался отмерять время по своим часам, но ситуация вносила коррективы, а местное солнце было с характером. Конкретно этим вечером только начинало вставать солнце.

Тропа, что, извиваясь, как змея, проглотившая спираль, наконец, вывела нас на приличных размеров сухую площадку. Я решил, что это просто очередной остров, а значит, здесь можно сделать привал. Ещё и деревья есть, которые можно срубить, развести костёр и высушить вечно мокрую одежду. Но Женя тут же начал заглядывать дальше. Выяснилось, что тумана почти нет, воздух стал относительно свежим, а за деревьями впереди имеется просвет, как будто там открытое место. Обо всём этом он немедленно доложил мне.

— И что это значит? — спросил я.

— Да, бес его знает, — он пожал плечами. — Но, думаю, если пройти вперёд ещё

метров сто, узнаем много нового.

— А если не узнаем?

— Вернёмся назад, всего делов.

Пришлось снова взвалить на себя тощий мешок, а заодно подхватить Морда. Рыцарь постоянно порывался идти самостоятельно с помощью палки, заменяющей трость, но получалось у него куда медленнее, чем с нашей помощью, к тому же, на раненую ногу волей-неволей приходилось наступать, отчего раны начинали кровоточить, а запасных повязок не было. Удивительно, что в этой сырости ещё воспаление не началось.

Мы отправились дальше. Морд держался за моё плечо, парень был примерно моего роста, а весил с учётом голодовок последних дней, относительно немного. Тащить его было не так тяжело, как могло показаться. Мы покинули гостеприимную поляну, не успев даже наломать дров. Кстати, можно сделать вывод, что тропой этой пользуются нечасто. В пользу этого говорит прогнивший мост в начале, а также присутствие большого количества деревьев. Дорога занимает несколько дней, а потому, хочешь ты этого или нет, придётся вставать на ночлег и разводить костёр. Несколько экспедиций полностью вырубил бы весь окружающий лес. А здесь все деревья целы, да и следы костра мы находили всего два раза, причём, очень старые.

Тропа пошла дальше, справа и слева снова оказались две большие лужи жидкой грязи, а потом мы оказались в обычном лиственном лесу. Породы деревьев я не знал, но природа явно ожила, а под ногами была обычная земля, покрытая ковром прошлогодних листьев. Впереди светило солнце, а ещё с новой силой навалился ветер.

— Кажись, пришли, — сказал Женья, улыбнувшись и указав вперёд.

Ради такого стоило напрячься, я зашагал быстрее, при этом буквально тащил за собой вконец ослабевшего рыцаря. Ещё немного, и отдохнём в сухом месте. Может быть, там даже дома какие-то попадутся, а в домах будет еда.

При воспоминаниях о еде, желудок жалобно заурчал. При долгой голодовке он отключается, но голодовка пока таковой не стала, последние сухари мы съели только вчера, а теперь он намекал, что было бы неплохо снова закинуть в организм что-то питательное.

Очередной поворот тропы вывел нас на открытое пространство. Так и есть, болота остались позади, а теперь нам нужно найти дорогу. По дороге той будут ходить караваны, с одним из которых мы пробьёмся в оазис Чёрное Солнце. Или не пробьёмся, если караванщики окажутся настроены недобро.

Я, кстати, даже не узнал у немца, в какой стороне находится оазис. На тот случай, если мы, вообще отправимся своим ходом. Но это будет позже, как ни посмотри, а мы справились, позади остался один из самых опасных участков пути, впереди много нового. Подозреваю, что предстоят схватки с людьми.

Пока же мы шагали по бескрайней степи с редкими островками деревьев. Впереди были какие-то строения, которые хотелось обследовать. А за ними, глядишь, и дорога появится. Немец говорил, что она идёт по кромке, но пока я ничего подобного не вижу.

— Как думаешь, что там? — спросил я у фармацевта, который в последнее время постоянно погружался в свои думы, раньше это можно было объяснить приёмом препаратов, но теперь выглядело странно.

— Думаю, кусок какого-то города, — он взгляделся в приближающиеся здания. — Не современный, а века девятнадцатого. Можно надеяться, что не разграблен дочиста и домик с печкой мы там найдём.

— Ещё с водой проблема, — напомнил я. С водой, в самом деле, была проблема и немалая, поначалу болотную мы пить избегали, но потом фляги опустели, пришлось набирать из луж, фильтровать и кипятить. Процесс этот был очень долгим и трудным, а потому в пути мы страдали от жажды, о том, чтобы помыться и постирать одежду речи вообще не шло.

— Город обычно как-то снабжают, колодцы, скважины, правда, колодец мог обвалиться, а скважины могли засыпать, но, будем надеяться, что-то найдётся.

Надежды наши оправдались ещё до того, как мы поравнялись с крайними домами. Поперёк дороги протекал ручей, извилистый поток, назвать это рекой не поворачивался язык, ширина была всего метра полтора, а перейти можно было по камням, даже не замочив ног. Зато вода была чистой и холодной. Мы немедленно остановились и принялись набирать фляги. Потом, невзирая на сильный ветер, принялись стаскивать с себя одежду и стирать. Мыла не было, просто подолгу полоскали ткань в воде. Руки моментально замёрзли, но это никого не останавливало. В итоге, запасшись водой, мы отправились вперёд в исподнем, волоча на себе тюки мокрой одежды.

Город производил впечатление мегаполиса двухсотлетней давности. Бульжная мостовая, которая за его пределами превращалась просто в широкую тропу. Вдоль дороги тянулся дощатый тротуар, при этом доски были относительно новые, из чего следовал вывод, что город опустел совсем недавно. Дома были большей частью из камня, кое-где кирпичные, в два-три этажа. Окна стеклянные, следов грабежа нет. Последнее выглядело странно, поскольку, если город этот стоит недалеко от дороги, то каждый проезжающий считал бы своим долгом остановиться и поискать ценности. Или его с дороги не видно? Или он тут недавно? Или караваны ходят настолько редко, что у них просто не дошли руки?

— Морд, — спросил я у рыцаря, — ты бы в каком доме хотел жить?

Он придирчиво оглядел строения, потом, потратив пару секунд на размышления, указал пальцем на особняк, стоявший в стороне от дороги. Дом в два этажа, довольно большой по площади, вокруг стоит ограда из красивых кованых прутьев. Сами прутья были квадратного сечения, но скрученные по спирали, а наконечники были в форме копий. Вокруг дома разбит парк с редкими старыми деревьями и красиво подстриженными кустами. Вот ещё одно доказательство того, что город оставлен недавно, ветви не успели разрастись.

— Ищем ворота, — скомандовал я.

Ворота отыскивались быстро, широкая железная калитка была распахнута настежь, в другое время она запиралась цепью с замком, которая сейчас валялась на земле, а звено в одном месте было перекушено. Нагнувшись, я поднял цепь и осмотрел. Срез металла был свежим, словно его откусили пару часов назад.

— О чём это говорит? — спросил я у своих спутников.

— О том, что тут кто-то есть, — с готовностью ответил Женья. — А потому держи ствол под рукой, поскольку в дружелюбности этого кого-то у меня большие сомнения.

Я вынул револьвер, барабан полный, если врагов будет не больше шести, сможем справиться. Женья взвёл тетиву арбалета, а Морд положил руку на рукоять меча. Бегать он не может, но, даже стоя на месте, сумеет поразить противника в рукопашной. Правда, у него рука правая повреждена, но, думаю, мастерство своё возьмёт.

Мы вошли в ворота и подошли к дому. Неизвестные мародёры не заставили себя ждать, внутри слышалась возня, а через полминуты на пороге появился немолодой мужик, явно из пролетариев, лицо нездоровое, небрит, волосы сальные, торчат во все стороны. Он нёс

охапку дорогой одежды, фраки, женские платья, а пальцами правой руки удерживал пару лакированных туфель.

— Мародёрствуешь? — спросил я строго.

Мужик слегка опешил, видимо, это был местный житель, кто-то, кто остался в городе после его попадания в бурю, некоторое время выждал, потом, поняв, что законов и полиции больше нет, отправился устанавливать социальную справедливость. В пользу этого говорил ассортимент награбленного, эти тряпки тут точно не пригодятся, их даже продать будет некому, это именно новичок, только попавший сюда и пока не сообразивший, куда попал.

— А вы кто? — спросил он, приходя в себя, на полицию мы не тянули, просто трое оборванцев в нижнем белье, вот только револьвер в моей руке настораживал.

— Считай, что полиция, — сказал я. — Кто вы такие, и что здесь делаете?

Что этот мародёр не один, я понял давно, в доме продолжалась активная возня.

— Мы... — и тут он взорвался, — Да подите вы к дьяволу! Это наш дом и наше добро, а вы — оборванцы, валите отсюда. Полиции нет, никого нет вообще, только мы, валите отсюда! — повторил он, а следом позвал подмогу: — Уолли! Гейнц! Все сюда! — тут же снова повернулся к нам, — я вам покажу, как разевать рот на чужое добро!

Если рассудить рационально, дело совсем не обязательно было доводить до драки, добро, которое они награбили, нас не интересовало совершенно, да и домов тут ещё сотни три, среди которых немало зажиточных, встретились, разошлись и продолжили заниматься каждый своим делом. Заниматься смертоубийством точно повода нет. Но мужика уже понесло, он явно не в себе, а сейчас, когда подойдут его подельники, станет ещё агрессивнее.

Из центрального входа вырвались двое с дубинками в руках, явно готовые к драке за добычу. Ещё один, помоложе, проявив чудеса ловкости, спрыгнул с балкона на втором этаже. Этот был одет в хороший костюм, явно с чужого плеча, поскольку был больше на пару размеров. В коридоре раздавался топот, бежал кто-то ещё. Итого пятеро.

Оказалось, что их шестеро, как и патронов у меня. Но это неважно. Я ждал, что появится повод к схватке, например, они, вдохновлённые мнимым численным превосходством, кинутся на нас, или начнут хамить, а мы не потерпим, ну, или просто мы сочтём их опасными.

Выпал последний вариант. До того они боялись револьвера в моей руке, а теперь из двери вывалился мужик лет сорока с ружьём в руках. Длинная двустволка с курками снаружи, явно хозяйская, возможно, она и не заряжена, но проверять это я не хочу.

Мои коллеги разделяли моё мнение, а потому, стоило на пороге появиться человеку с ружьём, Женя моментально отреагировал, всадив ему стрелу в шею. Снова взвести арбалет он не успевал, а потому отбросил его в сторону и выхватил мачете.

Начал стрелять и я, всё же револьвер, который нужно взводить после каждого выстрела, оставлял противнику какой-то шанс. Первая пуля полетела в живот тому, которого мы встретили первым, его товарищ по несчастью бросился на меня, замахиваясь дубинкой, но не добежал. Среагировал Морд, он оттолкнулся от меня и упал на одно колено, а уже из такого положения сделал колющий выпад мечом. Сделал удачно для себя и неудачно для противника. Клинок вошёл ему ниже пояса, прямо в пах, скорее всего, разрубив гениталии. Мужик всхлипнул и, слегка согнувшись, стал заваливаться набок.

Следующего я встретил пулей. Калибр револьвера был приличный, да и порох в патронах был не дымным, как у прошлого моего оружия, пуля отбросила противника назад,

на несвежей рубашке расплылось кровавое пятно. Ещё один, который почти достал фармацевта, получил пулю между лопаток, а самый молодой, что прыгал с балкона, оказался и самым сообразительным, он, видя, что всё сложилось не так, как хочется, просто развернулся и бросился бежать.

Стрелять ему в спину я не хотел, да и дальнобойность револьвера оставляла желать лучшего. Правда, не все члены группы разделяли моё мнение относительно пощады к поверженному врагу, при этом оружие у них было куда дальнобойнее моего. В сторону беглеца полетели стрелы из двух арбалетов, которые и впились в спину парня в тот момент, когда он добежал до решётки и собирался через неё перелезть.

— Готов, — констатировал Женя. — Думаешь, не надо было?

— Думаю, теперь уже поздно думать, — я махнул рукой. — Убираем трупы и идём в дом.

Трупы оказались не трупами, мужик со стрелой в шее был ещё жив, хрипел и извивался. Остальные были мертвы, о чём свидетельствовал дымок, что стягивался к нам.

— Юрий Владимирович, и что с ним делать? — спросил Женя, осмотрев раненого. — Тут такая фигня, если стрелу вытащить, он сразу умрёт от кровотечения.

— А если не вытащить? — спросил я, добивать раненого не хотелось, но, видимо, придётся.

— Тоже умрёт, но чуть позже.

Мужик выглядел плохо, стрела пробила шею насквозь, даже сейчас кровь текла рекой, лицо его побледнело, а сам он часто дышал. Сразу видно: не жилец.

Решив не зверствовать, я взвёл курок револьвера и выстрелил ему с голову. Зря, наверное, пуля вырвала из черепа приличный кусок, а на крыльце образовалась лужа крови.

— Зачем патроны палишь? — упрекнул меня фармацевт. — Зарезали бы и дело с концом.

— Так гуманнее, — отмахнулся я. — Давай, за руки, за ноги, понесли.

Таскать пришлось нам вдвоём, Морд, по причине раненой ноги, для такой работы не подходил. Впрочем, можно надеяться, что он поправится, мы как раз собирались отсидеться в этом доме некоторое время. Трупы мы оттащили за ограду и свалили в сточной канаве, придумывать что-то ещё не было сил.

После этого вошли в дом, предварительно собрав разбросанные у входа вещи. Дом впечатлял, полы из тёмного дерева, по стенам лепнина, а на окнах тяжёлые бархатные занавески. Первым делом, естественно, мы втроём отправились на кухню. Продукты нашлись. Пара засохших караваев, всё та же солонина, колбасы и бекон, сохранившиеся благодаря качественному копчению, а ещё солёная рыба неизвестной породы, немного напоминающая треску. Ещё нашлась мука, макароны и крупа. Я немедленно посадил личный состав за стол, где, как я понял, кормилась прислуга, а сам поставил на огонь котелок, куда налил воды и принялся варить кашу с мясом. Дрова имелись в достаточном количестве, нам точно хватит на неделю. А они пока могли заморить червя рыбой и сухарями. Потом обследуем остальные дома, где тоже есть съестное. Должно быть.

Пока вода закипала, я отправился обследовать дом. Хозяин, само собой, был человеком непростым. Так и вышло. На втором этаже нашёлся личный кабинет, где в шкафу висела военная форма. В знаках различия этой армии я ничего не понимал, но явно не ефрейтор, что-то на уровне полковника. Форма была увешана наградами, которые меня не заинтересовали. Зато размер был почти мой. Если снять все побрякушки и отпороть погоны

с нашивками (нашивки явно за ранения, а их целых семь), то пригодится. Военная форма, даже парадная, изготавливается рациональными людьми, так, чтобы солдату и офицеру было удобно воевать. Насчёт качества ткани я вовсе не волновался, старшему офицеру точно говно не подсунут.

Но форму я пока отложил в сторону. Меня интересовало другое: оружие. Женя очень к месту упомянул истраченный патрон, всего их осталось два, а взять негде. Вот если бы торговец сюда пришёл... А у офицера должно быть оружие, табельный револьвер, думаю, эпоха тут подходящая.

Поочерёдно взломал все ящики стола. Нашёл уйму бумаг, кошелек с купюрами, где нашлись несколько серебряных монет, потом позолоченный письменный прибор и почему-то носовой платок с застарелыми следами крови, видимо, личная вещь офицера, напоминая ему о былых ранениях. Оружия не было. Я вернулся назад, подобрал ружьё, что так и лежало в проходе. Неплохо, двенадцатый калибр, как и у меня, длинные стволы. Нажал на рычаг, переломил. Заряжено. Вынул два патрона. Бумажные гильзы, относительно новые, а что внутри — неизвестно. Пришлось вскрыть один. Крупная дробь, ну, или мелкая картечь, миллиметра четыре-пять. Сойдёт. Я воткнул пыж на место и убрал патроны в карман. При желании можно использовать и в моём ружьё, вот только порох, скорее всего, дымный, не факт, что автоматика сработает.

Отчаявшись найти револьвер, я отправился по комнатам, разыскивая другие полезные предметы.

Вечером, когда относительно вовремя стемнело, мы сидели у камина в главном зале, сытые до тошноты, и попивали хозяйский бренди из больших хрустальных фужеров. Я старательно начищал ружьё, доставшее в качестве трофея. Оружие отличное, вот только патронов нашёл всего шесть, немного, а ради этого придётся таскать с собой ружьё, заряжать этими патронами помпу я не решился, автоматика легко могла ими подавиться. Морд заметно ожил, еда и отдых пошли ему на пользу, сейчас он сидел расслабленный, откинувшись в кресле и положив больную ногу на специально поставленный табурет. Среди прочего, в доме нашёлся и перевязочный материал, получилось промыть раны и наложить свежие повязки.

— Итого, что имеем с гуся? — спросил Женя, сделав глоток крепкого напитка.

— Ружьё, — сказал я. — Патронов мало, но всё равно возьму. Короткоствол не нашёл, но нужно ещё в других домах посмотреть.

— А в плане шмоток?

— Себе нашёл офицерскую форму, погоны отпорю, буду носить. Сапоги поищу в другом месте, эти оказались малы, можешь на себя прикинуть.

— Рыцаря бы приодеть, — заметил фармацевт. — А то он весь обносился.

Парень в самом деле выглядел, как бомж, его тряпки даже стирать не стали, просто выбросили, а теперь он сидел в хозяйском махровом халате, под который надел пижаму.

— Время есть, — отмахнулся я. — Планирую посидеть здесь неделю, пока Морд не поправится, а потом пойдём искать караванную дорогу. Если нас возьмут с собой — хорошо, если нет — просто спросим, в какую сторону идти. А за неделю мы тут все дома обойти успеем, одежда точно найдётся.

— Неделю... — задумчиво проговорил Женя, явно хотел сказать что-то ещё, но промолчал.

— Интересно, — сказал я, — а как мы будем отбирать меч? Просто попросить будет

недостаточно, а отобрать на территории оазиса невозможно. Если только украсть.

Женя отхлебнул из бокала и с чувством продекламировал:

Отдавай мне, Драша, меч,
Нехуй его беречь.
Он тебе и в хуй не впился.
Понимаешь мою речь?

— Было бы неплохо, — согласился я, узнав отрывок из популярного когда-то произведения.

Тут в дверь постучали. Хотя нет, это был не стук, тем более что на двери имелся специальный бронзовый молоток. Кто-то скрёбся снаружи, пытаясь открыть дверь. Мы предусмотрительно вставили мощный стальной засов. Правда, есть ещё окна, но, если их начнут выбивать, мы услышим.

Я встал, поправил штаны и, прихватив револьвер, отправился разбираться с ночным гостем. Вряд ли это зверь, может быть, пьяный местный житель. Подойдя к двери, я прислушался. Ага, стоит там, скребётся, сопит.

— Кто там? — спросил я. встав немного сбоку, чтобы, если станут стрелять, не попасть под пулю.

Ответом мне было невнятное ворчание и топтание на месте. Ночной гость явно не один. Тут из-под двери понесло неприятным запахом, экскременты пополам с кровью. Очень неприятный запах, вряд ли так может пахнуть нормальный человек. Тут же вспомнился запах из канавы. Точно, мы сбросили туда окровавленные трупы, а теперь они...

Решив не испытывать судьбу, я пошёл за подмогой. Даже Морд не остался в стороне от такого. Дверь пока держала, но ночные гости старались всё активнее, чего доброго, додумаются окно выбить.

Женя поначалу взял арбалет, но потом его отложил. Действительно, если пробить мертвеца стрелой, пусть и в голову, ему хуже не станет. Это не зомби Джорджа Ромеро, это просто мертвецы, поднятые неведомой силой. У них тут дело неоконченное, дом разграбить не успели, пришлось идти после смерти. Женя взял в руки мачете, Морд был со своим мечом, а я вместо топора вооружился найденной в доме кавалерийской саблей с красивым позолоченным эфесом. Клинок был почти прямым, а заточка почти бритвенной, если брать вторую половину, ближе к гарде, видимо, точить не было смысла.

— Открываем, рубим на куски, оттаскиваем обратно. Если продолжают хулиганить, придётся сжигать, — я проинструктировал личный состав и отодвинул засов.

Дверь открывалась наружу, а от мертвецов этот момент ускользнул. Пришлось ударить ногой, распахивая одну створку и заодно сбивая с ног стоявшего с той стороны. Никаких сюрпризов не было, те самые мёртвые персонажи, обильно вымазанные кровью, глиной и дерьмом. Один даже сжимал в руке дубинку, которую в момент смерти так и не выпустил.

— Начали, — скомандовал я и первый бросился в атаку.

Орудовать саблей, которую держишь первый раз в жизни, — задача непростая. Знал я только то, что саблей, в отличие от меча и топора, нужно бить с оттягом, чтобы лезвие успело разрезать то, что не смогло разрубить. К счастью, противник попался вялый, те мертвяки, с которыми раньше сталкивались, были пошустрее. Первый же удар наполовину перерубил шею стоящему ближе всех. Голова повисла набок, но на его боеспособности это

почти не сказало, он по-прежнему пёр вперёд, протягивая ко мне грязные руки.

— По конечностям бей, — посоветовал Женя, уклоняясь от лап второго мертвеца. — Сухожилия надо подрезать!

Совет оказался к месту. Морда это не беспокоило, обращаться с длинной железкой он умел лучше нас обоих, а потому его противники быстро превращались в конструктор, один взмах — одна отсечённая конечность. Я поднырнул под вытянутые руки наполовину обезглавленного мертвяка, а потом с небольшого замаха рубанул его под колено, не забыв потянуть эфес на себя. Результат превзошёл ожидания, лезвие глубоко прорезало мёртвую плоть, а противник растянулся на земле, сразу перестав представлять опасность.

Такая техника принесла результаты. Минут через десять все шестеро были нейтрализованы. Двое представляли собой кучу отрубленных конечностей, которые продолжали шевелиться, остальные были относительно целы, но, из-за полученных ранений не могли двигаться, только дёргались и хрипели, лёжа на земле.

— Что дальше? — я поднял взгляд на фармацевта, который старательно оттирал листьями испачканный клинок.

— Надо сжечь, — он развёл руками. — Они сейчас безопасны, но я не хочу жить в доме, где рядом валяется такое. Ну, или рубить в совсем мелкий фарш и спускать в канализацию.

— Лучше сжечь, — решил я, — идём за дровами.

Ради кремации беспокойных мертвецов пришлось пожертвовать половиной запаса дров, двумя сломанными столами, несколькими стульями, мешком угля, а до кучи нагребли ворох сухих листьев. Всё это полили керосином для ламп, которого нашлась приличная бочка, а потом подожгли. Горело хорошо. Мертвецы лежали в два слоя, переложенные горючим материалом, через несколько минут жар достиг отметки, при которой стоять рядом стало невыносимо, да и запах палёного мяса заставлял морщиться. Мы постояли на расстоянии ещё четверть часа, убедились, что из огня больше никто не вылезет, а потом отправились по комнатам, не забыв запереть входную дверь.

Глава двадцать восьмая

Только здесь я осознал, чего стоит отдых. Полноценный отдых, как для тела, занятого исключительно приготовлением пищи и её поеданием, так и для мозга, впервые не занятого поиском замаскированной опасности под каждым кустом. Отпуск на работе не шёл с этим ни в какое сравнение. Так, наверное, чувствует себя солдат, которого отвели от линии фронта и оставили на постой в тылу.

Можно было с уверенностью сказать, что раньше я никогда и не уставал. Парни тоже оживились, Морд уже на второй день бодро скакал на одной ноге, помогая нам по хозяйству, парень, хоть и благородных кровей, оказался рукастым, даже одежду себе перешивал сам, без посторонней помощи, а попутно помогал грабить соседние дома. Ценного мы нашли мало, зато пополнили запасы провианта, дров и одежды.

Женя в последние дни был какой-то хмурый, что я предпочёл списывать на скуку, вызванную отсутствием наркотиков. Он, кстати, упоминал, что в городе должен быть доктор, а у доктора в шкафу хранится известно что, но сам искать не пошёл.

Сегодня мы занялись постирушками, используя световой день и ослабление ветра. У каждого уже имелся полноценный комплект одежд и обуви, теперь осталось привести её в порядок. В доме нашлось мыло, первым делом мы привели в порядок себя, помылись, побрились и подстриглись. А теперь настал черёд одежды. Выстирав, мы развешивали бельё на верёвке, натянутой между деревьями в парке у дома.

— Сколько времени? — спросил задумчивый Женя, странно, за последние два дня он спрашивал время уже пятый ли шестой раз, хотя раньше оно его не интересовало.

— Половина второго, — ответил я, закидывая на верёвку рубаху из плотной ткани, которую собирался надевать под свой френч. — А что?

— Просто, — он замер, потом поставил корзину с бельём на землю. — Есть одна вещь, я не хотел говорить, но теперь уже...

Он замолчал, а я снова занялся рубашкой, которая норовила соскользнуть с верёвки и упасть в грязь, после чего придётся снова стирать. Потом он склонился, как понял, наблюдая за ним боковым зрением, как будто за очередным предметом из корзины. Ближе ко мне стоял Морд, частично закрывая фигуру фармацевта.

А потом случилось страшное: Женя резко разогнулся и махнул рукой. Само движение я не различил, но Морд резко отшатнулся, вскрикнул как-то совсем по-детски, а потом повернулся ко мне. В глазах его стояло непонимание, растерянность и обида. А горло его было прорезано почти до позвоночника, кровь сразу пропитала нательную рубаху. Рыцарь упал мне под ноги, первой реакцией было поднять его и оказать помощь, хотя я понимал, что при таком ранении помочь невозможно.

Но тут я увидел Женю, который с перекошенным от ярости лицом бросился ко мне. В руке его было мачете с окровавленным клинком. Одного взгляда хватило чтобы понять всё. Что случилось с Мордом, и почему он так грустил в последние дни, и зачем спрашивал время. Он хотел признаться, но не успел. Глаза его были черны, словно в них налили мазута. Проклятие матери вампиров не прошло мимо, она попала в него, а он скрыл это, отсчитывая свои последние дни.

Наверное, убийства, что я совершил в этом мире, всё же пошли мне на пользу, добавив силы и ловкости. Я успел увернуться от двух размашистых ударов, от третьего спасла кольчуга, которую я надел под свитер, она мне не мешала, весила немного, а в любой момент могли появиться враги. Удар был настолько силён, что я едва не упал, это не вышло с тощей фигурой фармацевта, но точно соответствовало рассказам старого мага о Чёрной Плесени.

Он превратился в берсерка, сыпал ударами, как молния, я успел выхватить саблю, но нормального фехтования не вышло, я отразил три удара, следующий удар чудовищной силы пришёлся на эфес, рука от боли онемела, а сабля вылетела и упала в стороне. Ещё немного, и я лягу тут, рядом с Мордом, убитый рукой друга, превратившегося в чудовище. Револьвер остался в доме, а туда я просто не добегу, к тому же он старательно отрезает мне путь.

Наконец, мои метания закончились, следующий удар должен был неминуемо снести мне голову, я успел увидеть его перекошенную физиономию и своё отражение в чёрных глазах.

Но, успев попрощаться с жизнью, я внезапно получил отсрочку. Он прижал меня к дереву, а потом, вложившись в удар, загнал лезвие в ствол, глубоко, настолько, что даже в таком состоянии не смог выдернуть. Тут я слегка оживился и ударил его кулаком в живот, ожидая, что он согнётся пополам. Не вышло, удар был равносильен удару по тому самому дереву, он только сделал полшага назад, а потом снова бросился на меня.

Будучи вдвое легче, он сумел сбить меня с ног, а потом две тонкие ладони сомкнулись вокруг моего горла. Сжал словно стальными тисками. У меня начало темнеть в глазах, кислород в лёгких стремительно заканчивался, а сил оторвать руки от себя у меня не было. Я дотягивался до его лица, бил кулаком, пытался выдавить глаз, — ничего не помогало. Когда

сознание начало отключаться. Я вспомнил о ноже в ножнах. Ухватился за рукоятку, вынул клинок и, развернув плащмя, загнал ему между рёбер. Это не мертвец, ему нужно сердце, чтобы прокачивать кровь.

Когда я уже перестал что-то видеть, хватка на горле вдруг ослабла. Женя вздрогнул, потом руки его окончательно разжались. Последним усилием я столкнул с себя его тело, казавшееся необычайно лёгким. Клинок ножа вышел из его тела, на нём было совсем немного крови, зато имелась какая-то чёрная труха, вроде раскрошенного поролона.

Я был жив. А мой друг мёртв, глупо, обидно, жалко. А исправить ничего нельзя. Он ведь просто не успел сказать, тогда мы связали бы его и позволили умереть. А теперь мёртв и Морд, умелый воин, но при этом наивный юноша, ещё не видевший жизни. А за каким-то чёртом я жив.

Минут десять я сидел, обняв мёртвое тело и плакал. Моих слёз никто не увидит, поэтому можно. Я привязался к парню, он не раз выручал меня, а я его. Он был единственным близким, почти родным человеком в этом проклятом мире. А теперь его нет. И можно сколько угодно списывать это на проклятие, но его убила моя рука. Именно моя, а оттого было ещё противнее. Не уберёг, старался, но не вышло.

В себя я пришёл минут через двадцать. Сел на месте, вытер слёзы и попытался подумать, что буду делать дальше. Думалось плохо. Я внезапно понял, что не хочу ничего. Не нужен мне этот меч, не нужны местные боги, которые всё это допустили... Стоп. Нужен меч. И боги нужны. Но я не буду просить их вернуть меня домой. Я просто их убью. Даже если это невыполнимо, остаток жизни я положу на то, чтобы расправиться с ними. Я не просил тащить нас сюда, а раз вытащили, то не обижайтесь. Меч меня ждёт, я приду за ним. А потом и за вами.

Стиснув зубы, я встал. Нужно прибрать тела. Была мысль похоронить их тут, под вековыми дубами, поставив над могилой крест, но потом решил поступить иначе. Могила — это хорошо, это по-христиански, да только я помню, что тут регулярно происходит с трупами, очень не хочется, чтобы покойный друг потом ходил в поисках пищи или даже скрёб гроб изнутри. Нет, только огонь, очищающее пламя, которое превратит человека в прах. Все мы из праха вышли и туда вернёмся.

Из оставшихся дров я соорудил настоящий алтарь. Уложил сверху оба тела, постаравшись их одеть подобающим образом, каждому в руки сунул оружие. Морд получил свой меч, а Жене отдал мачете. Сталь в огне испортится, даже, наверное, расплавится. Ну и плевать. Металлического хлама я найду ещё много, куда важнее достойно проводить друзей в последний путь.

Тут я вспомнил, что мёртвое тело в огне будет корёжить. Чтобы этого не допустить, нужно подрезать сухожилия. Резать их мне не хотелось, поэтому я просто добавил дров, выложив вокруг тел небольшой забор. Теперь, как бы они ни двигались, тело останется в центре костра. Попутно обложил тела несколькими крупными кусками угля, чтобы температура была повыше.

После этого я облил всю конструкцию керосином, добавил несколько бутылок крепкого алкоголя (в доме имелся винный погреб, экономить не было смысла), а потом поднёс факел.

— Покойтесь с миром, — сказал я негромко, слова мои потонули в хлопке пламени, что в один миг поглотило всю деревянную конструкцию.

Я отошёл назад, присел на качели, что висели между двумя деревьями, дотянулся до стоявшей тут бутылки коньяка и отхлебнул из горла приличную порцию. Жидкий огонь (а

коньяк местный был куда крепче привычных сорока процентов) прокатился по пищеводу, желудок обожгло, а потом я немного расслабился.

Надо решить, что я буду делать дальше. Пойду вперёд, это даже не обсуждается. Попробую достать меч, если получится, украду, если не получится, найду на что выменять. А потом буду искать знающих людей, тех, кто поможет найти богов и разобраться с ними. В идеале, я хотел бы разрушить весь этот мир, сделать так, чтобы никто и никогда сюда не попал. Если получится.

Костёр разгорался всё сильнее, тела были не видны, просто сплошное пламя, а жар ощущался даже тут, на расстоянии десяти метров. Ну и хорошо, такой температуры хватит, чтобы от тел не осталось ничего, кроме пепла. Потом, когда костёр прогорит, я ещё раз помяну их и начну собираться.

Тут налетел очередной вихрь, костёр от притока воздуха вспыхнул сильнее, а на небо поползли тучи. Буря не давала мне забывать о том, где я нахожусь.

В тот вечер я закрылся в комнате и напился вдрызг, даже блевал потом, свесившись из окна. Хотелось забыться, но мысли продолжали лезть в голову. Проснулся утром с головной болью, на душе было всё так же погано. Оделся. Вышел во двор и осмотрел место погребального костра. Прогорело всё, от костра остался только серый пепел, не осталось и следов тел, сгорели даже кости, а оружие выглядело, как несколько капель расплавленного металла. Даже почва под ним выгорела, образовав вмятину. Вот и хорошо.

— Покойтесь с миром, ребята, — повторил я.

Я снова выпил коньяка за упокой душ погибших, а потом вылил спиртное на кучу пепла. Для Морда был стакан красного вина, которое он, вроде бы, любил, а для Жени капнул опийной настойки, бутылка которой так и осталась у меня в рюкзаке.

Теперь можно собираться. Поклажи прибавилось. Своё ружьё можно было оставить, вот только в оазисе, скорее всего, найдётся торговец, который заплатит за него приличную сумму. Придётся нести два. Ещё возьму саблю. Револьвер с двумя патронами сунул за ремень. Можно было сшить кобуру, но не стал заморачиваться. Два патрона — это два убитых врага, а значит, есть смысл носить оружие. Потом, когда патронов не станет, продам очередному барыге. Есть мнение, что на моём пути деньги будут хорошей подмогой. Был ещё арбалет, оставшийся от покойного фармацевта. И стрелы, семнадцать штук. Придётся тоже взять.

Оделся я в форму покойного полковника, которую довёл до ума. Здесь достаточно тепло, а если похолодает, я просто накину шинель, что в свёрнутом виде лежала в мешке. Сапоги я нашёл в другом доме, прочные, высокие, а на подошве подковы, что делает их износостойкими. На портянки пошли тряпки из гардероба. Ещё взял новое одеяло. Лучше бы два, да я и так уже нагружен, как мул. Даже с учётом возросшей силы (а я и сам уже стал это замечать), мешок весил полсотни килограммов, ходить с таким на большие расстояния было бы неудобно. Впрочем, еда имеет свойство заканчиваться. А несколько бутылок коньяка, что я взял с собой, выпью в ближайшие дни. Напиваться здесь опасно, но мне так будет легче.

Оглянувшись в последний раз на приютивший нас дом, я тяжело вздохнул и отправился дальше. Тут осталось ещё несколько необысканных домов, но мне на них было плевать. Оружие у меня есть, а остальное добуду в пути. Выйдя за пределы города, я осмотрелся. Вон там — болота, значит мне нужно идти в обратную сторону. Туда и пойду, пока не выйду на караванную тропу.

Идти пришлось недолго, километра три остались позади, когда я вышел на широкую

дорогу. В моём мире сказали бы, что она на четыре полосы. Здесь автомобилей нет, значит, на четыре телеги. И вся уложена камнем, каменные плиты разной толщины, шлифованные и подогнанные одна к другой почти без зазоров. Я посмотрел направо, потом налево, выбирая, куда пойти. Да и стоит ли идти вообще, если я не знаю направления?

Вытащив из кармана монетку, я подбросил её и поймал. Орёл. Значит, иду направо. Как только встречу кого-то, обязательно спрошу направление. Если окажется, что идти следовало налево, то развернусь. Глупо? Может быть, но сидеть на месте мне не хотелось. Я пошёл, подставляя лицо ветру, в этом я для себя находил какой-то глупый смысл, вроде как я сопротивляюсь силе этого мира, иду поперёк его воли.

Так я и шёл, а когда солнце стало садиться, а ноги от усталости отказывались двигаться, решил сделать привал. Вода из фляги, солонина с сухарями, стакан коньяка. Вот и весь ужин.

Когда стемнело окончательно, я был уже пьян и хотел спать. Огня не разводил, да тут и дров подходящих не было. Уже собравшись спать, я расстелил на земле одеяло, стараясь лежать в низине, где ветер не такой сильный.

Тут я увидел, что за небольшим холмом что-то светится. Костёр. И совсем рядом, с полкилометра, не больше. Там кто-то есть. Стоит ли идти? Я пьян, но голова пока соображает. Просто подойду, поприветствую их, а потом спрошу, как пройти в библиотеку, ну, то есть... вы поняли.

При этом я не забыл прихватить с собой оружие, револьвер и саблю. Мало ли, вдруг пригодятся.

За холмом отдыхали караванчики, ну, или просто путешественники. Караван — это что-то большое, сотни верблюдов или мулов с товаром. А тут всего пять человек, рядом пасутся стреноженные кони, корит слабый костёр, а над ним висит котелок с похлёбкой. Все выглядят мирно, хотя и вооружены. Сабли, у одного длинный прямой меч, ещё двое имеют луки, хотя тетива с них снята.

— Доброй ночи, — поприветствовал я их, выходя на освещённый пятачок у костра. — Позвольте мне погреться у вашего очага.

Они схватились за оружие, но, видя, что я прямой опасности не представляю, махнули рукой.

— Присядь, путник, и расскажи, что привело тебя в этот пустынный край? — сказал один, старше других, с окладистой седой бородой.

Вообще, они были похожи на арабов, одежда, внешний вид и манера себя вести. Видимо, такие здесь по традиции занимаются караванной торговлей.

— Меня зовут Юрий, я путешествую в буре, а сейчас мне нужно отыскать дорогу в оазис Чёрное Солнце, я не хотел вас тревожить, но подумал, что вы это знаете.

Они как-то нехорошо переглянулись, потом старший сказал:

— А что одинокий путник забыл в таком месте? Разве ты не знаешь, что собой представляет оазис Чёрное Солнце? Что за люди там собираются, и какие дела скрыты под его крышей?

— Я слышал об этом, — с обречённым видом сказал я. — Но мне всё равно туда нужно. Там есть предмет, который я хочу забрать.

— Что же, — караван-баши задумался на несколько секунд, потом выдал вердикт, повернувшись к своим людям: — взять его!

Двое молодых парней подскочили ко мне, хватая за руки, но я был готов к такому. То

время, что я прожил в этом мире, сильно меня изменило. Я не просто стал сильнее, я привык убивать и калечить.

Чтобы усыпить бдительность, я встал и позволил ухватить себя, а потом резко крутанул руку, ломая запястье одному, а следом, резко развернув корпус, ударил локтем в лицо второго. Удар получился такой силы, что его крючковатый нос просто вмялся в череп. Хлынула кровь, а противник от болевого шока просто потерялся в пространстве.

Вскочили остальные, старший тут же упал, получив револьверную пулю в переносицу, а остальные замерли на месте.

— Стойте на месте, и никто не пострадает, — предупредил я, хмель ещё бродил в голове, не позволяя быстро соображать. — В какой стороне оазис? Говорите, быстро!

— Там, — один из караванщиков указал в ту сторону, откуда я пришёл. — Один день пути верхом. Там указатель на большом камне.

— Вот и отлично, а теперь вы все останетесь здесь, а я поеду туда.

— Ты убил нашего хозяина, — один из них указал на тело старика. — мы не можем...

— Заткнись, — предупредил я. — Вашего хозяина погубила его глупость, нужно было просто сказать мне направление, а потом бы я ушёл. Я не маг, не некромант, не лич, и не вампир. Я просто путник, которому нужно туда. Если вы так же глупы, как он, и будете преследовать меня, тогда я убью и вас. Выбирайте свою судьбу сами.

Не отводя револьвера, я обошёл их по кругу и подошёл к лошади. Она была оседлана, но подругу ослабили, чтобы лошадь могла пастись. Вот и отлично. Подтянув ремень, я сбросил седельные сумки. Лошадей семь, а людей теперь только четверо, справятся. Там какой-то товар, важный, наверное, и дорогой, другой здесь не станут возить, но мне чужого не надо. Лошадь взирала на это спокойно, я специально выбрал кобылу, поскольку навык верховой езды у меня примерно нулевой. Стреножили животное оригинальным способом: перебросили вперёд уздечку и накинули на переднюю ногу. Вроде, не мешает, но далеко лошадь не уйдёт. Освободив животное, я забрался в седло и слегка пришпорил каблуками. Животное попало умное, всё поняло и позволило собой управлять.

— Сидите здесь, — приказал я. — Иначе буду стрелять. Я уже предупредил вас, вы вольны выбирать. Если пойдёте за мной, умрёте. Это моё последнее слово, прощайте.

Лошадь зашагала в нужном мне направлении, отличная умная зверюга. Из имущества я оставил только торбу с овсом, придётся покормить в дороге. Оставленные мной караванщики проводили меня взглядом и начали помогать раненым товарищам. Ведь пойдут следом, я уверен. Лучше убить всех сейчас. Но не стану. Нет нужды, скоро я буду на месте.

Глава двадцать девятая

Разумеется, они не успокоились. Разумеется, посчитали себя обязанными отомстить за смерть своего предводителя. Нагнали меня к утру, точнее, часов через восемь, но именно в этот момент взошло солнце. Ветер слегка ослабел, да к тому же дул строго в спину, а потому идти было легко. Лошадь не обратила внимания на то, что на ней сидит другой человек, зато была рада освободиться от седельных сум.

Пришлось останавливаться, поскольку мои таланты в отношении езды верхом ограничивались способностью ровно сидеть в седле и гнать лошадь шагом вперёд. Лошадь, кстати, оказалась умнее меня. Она обернулась и вопросительно посмотрела на меня, как бы вопрошая своим видом «может, побежим».

— Нет, бежать не будем, — уверенно заявил я. — Вставай, приехали.

Кобыла вздохнула, как мне показалось, с облегчением, встала на месте, позволив мне

слезть, а сама неспешным шагом отошла в сторону. Умное животное, заранее поняла, что сейчас будет.

Спрятавшись за камнем, я приготовился к встрече. С одной стороны, я, вроде бы, сильнее. У меня есть огнестрел, да и патронов хватит на всю братию. Но тут стоит помнить, что они о моём оружии знают, и подставляться не будут. К тому же они люди опытные, драться умеют, а ночной конфуз — это, скорее, проявление эффекта неожиданности и наглости ночного гостя. А ещё у них есть луки. Лук — оружие спорное, но дальнобойность у него хорошая, а скорострельность выше, чем у болтовой винтовки. А ещё их пятеро, ну, пусть, четыре с половиной, поскольку один из них однорукий. Вон он, скачет, а рука на косынке висит.

Я приготовил ружьё и арбалет. Лучше, конечно, самозарядное использовать, но вот получится ли стрелять этими допотопными гильзами, я не знаю. Рисковать не стоит. К тому же у древнего ствола дальнобойность должна быть выше. Ещё арбалет. Выстрелить из него смогу только один раз, вряд ли успею взвести снова. А ещё один патрон в барабане револьвера. С учётом того, что врагов всего пять, очень даже серьёзная заявка.

Они остановились на расстоянии пятидесяти метров. Потеряли меня из виду. Хорошо, сейчас встанут и начнут искать. А я — вот он. Почти не прячусь, просто лежу себе за камнем, высунув один глаз. Сука! Лошадь я перехвалил. Она вышла на открытое место и бодро потопала к своим. Тот, что с разбитой мордой, резко спрыгнул с седла и бросился возвращать украденное добро.

В доступе отказано, подумал я и направил арбалет. Ветер сильный, пришлось брать поправку, так, как говорил покойный Женя. Выстрелил с упреждением. Стрела ударила в грудь, брони на нём нет, но одежда плотная, наконечник вошёл неглубоко. Но даже так он временно выведен из строя. Теперь остальные.

Остальные, разумеется, переполошились и, попрыгав с седел, бросились врассыпную. Но не все. Двое, те, что с луками, немедленно натянули тетиву и стали обзирать окрестности. Ну, давайте, посмотрим, как у вас с меткостью.

Взяв ружьё, я резко высунулся из-за камня, две стрелы тут же полетели в мою сторону. Нырнул обратно, выждал четверть секунды, когда оба наконечника ударят в то место, где я был, а потом снова встал и дважды выстрелил в ответ. Скорострельность у лука приличная, а вот скорость полёта стрелы не идёт ни в какое сравнение с пулей. А я стрелял дробью, крупной дробью, которая на таком расстоянии поражает приличную площадь. А брони, опять же, нет. Оба с визгом повалились на землю, одному ещё и лук разбил.

Теперь уже прятаться смысла не было. Счёт три — ноль в мою пользу. Если остальных получится уgomонить так же быстро, то не буду добивать подранков. Заменял патроны в ружьё, а потом встал.

Двое, что оставались на ногах, выглянули из-за камней.

— Хотите продолжать бой? — с насмешкой спросил я. — Что же, вперёд. Вас было пятеро, а я один. Теперь вас двое.

Вообще-то, трое оставшихся были живы, хотя и серьёзно ранены. Но в бою участвовать не смогут, поэтому моя оценка численности была верной. А выводы пусть делают сами. Если захотят жить...

— Не стреляй, — сказал один. — Мы выходим.

Он вышел из-за камня и сделал два шага ко мне. В глазах была покорность, в которую я даже поверил. В голове не сразу сложилась картинка, он вышел вперёд и закрыл своего

напарника. А тот факт, что у них нет огнестрела, не говорит о том, что они не опасны на расстоянии.

Передний внезапно повернулся боком, открывая обзор заднему, тот взмахнул рукой. Нож со свистом пролетел по воздуху и ударил меня в грудь. Кольчугу не пробил, но удар вышиб из меня дух, подарив секунду второму.

Я выстрелил, пуля ударила переднего в грудь, вынося внутренности пополам с костями, но второй нож был уже брошен, и брошен метко. Он учёл промашку с броней. Острие ударило меня в скулу, но не отскочило, разрезав кожу и мясо, а воткнулось в кость, глубоко, настолько, что я замер на месте. Боли не было, спасал шок. У меня в черепе торчит железка. А тварь, что её метнула, мертва, зато его напарник уже вылезает из-за камней, вытягивая из ножен саблю. Видать, решил, что я уже мёртв.

Но я был не только жив, но и кое-что соображал. Да и руки кое-как слушались. Когда он подобрался метра на три, я смог довернуть запястье, направил ему стволы в живот и нажал на спуск. Как в замедленной съёмке я увидел срабатывающий курок, сноп пламени из ствола и округлившиеся глаза противника. Ружьё упало на землю. Заряд крупной дроби вошёл ему в живот, перемешивая кишки с одеждой. Не жилец теперь, но мучиться будет долго.

И тут скорость событий вернулась к обычной. Вернулись звуки, цвета, а заодно вернулась боль. Боль была такая, что я не знал, то ли мне проблеваться, то ли упасть в обморок, то ли наделать в штаны. Но нельзя, потому что не все враги мертвы. Кто-то сможет доползти и из последних сил перерезать мне горло. Я ведь жив, и даже на ногах, значит, могу управлять ситуацией.

Я потрогал рукоять ножа, что торчала у меня из головы. Голова отозвалась ещё большей болью, хотя, казалось бы, куда больше. Надо вынуть. А как? Если он вошёл в кость и сидит крепко. А ещё кровь, уже натекла небольшая лужа на земле. Если вытащу, польётся фонтаном. Плевать.

Я вцепился двумя руками в рукоятку, там, собственно, рукоятки и не было, просто плоская железка, нож специальный, метательный, баланс смещён на кончик. А теперь по этой железке скользили мои окровавленные руки. Хорошо, что на конце имелось отверстие, куда я вставил палец. Напрягшись, я смог вырвать из своего черепа острое железо. Следом хлынул фонтан крови, но стало немного легче.

Бешеным взглядом я осмотрелся вокруг. Ага, вот враги. Один точно мёртв, поскольку с такими ранами не живут. Второй постепенно издыхает, корчась на земле. Под ним лужа крови, внутренности настигиваны свинцом. А остальные?

С остальными вышло не так гладко. Первого я подстрелил из арбалета. Он успел умереть, стрела вошла в грудь, видимо, от внутреннего кровотечения умер. Второй то ли мёртв, то ли без сознания, но тоже весь в крови. А вот третьему повезло, хоть и раненый, но дополз, подобрал лук своего товарища, а теперь пытается приладить стрелу. Получилось, я после ранения стал заторможенным, а он наоборот. Правда, стрелял снизу, стрела ударила меня в живот. Кольчуга в очередной раз спасла. Правда, от удара я сложился пополам, а потом просто сел на землю.

Решив, что пора этот балаган прекращать, я вынул из-за ремня револьвер и, почти не целясь, всадил пулю прямиком в лоб. С него слетела шапка, а из затылка выплеснулась кровь. Всё. Теперь надо сваливать, больше мне тут делать нечего.

Но свалить сразу не получилось, во-первых, надо было перевязаться, что не так просто сделать. Во-вторых, требовалось найти лошадь, которая, испугавшись выстрелов, отбежала

метров на двести, теперь, когда я, наконец, смог остановить кровь, возникла новая проблема: нужно как-то залезть в седло. Сам я слишком слаб, болевой шок ещё не отпустил, а в голове стоит муть. А верная коняга не в восторге от такого седока, от которого за версту разит кровью. С трудом удержав животное за узду, я принялся поглаживать её по морде и говорить слова утешения, мол, успокойся, родная, всё кончилось, я тут, я живой, я тебе плохого не сделаю, только, пожалуйста, дай на тебя залезть. Попутно загрузил всё, что имелось в наличии, ружьё и арбалет.

Кобыла в итоге сжалась и слегка присела. На удивление умное животное. Кое-как взгромоздившись в седло, я отдал команду двигаться. Попутно полез в свой рюкзак. Точно помню, что там, кроме запаса перевязочных средств, имелось и средство от боли, которое я спрятал от ныне покойного фармацевта. Вот оно, длинная бутылочка прямоугольной формы. Внутри коричневая жидкость. А сколько принимать? Ложку? Две? Столовую или чайную? Плюнув на последствия, просто глотнул из горлышка. Гадость несусветная, потом закрыл крышку и убрал лекарство обратно в мешок.

Минут через десять боль стала отпускать. Хорошо, но при этом в голове помутилось, а меня стало неслабо клонить в сон. Вынул из мешка небольшое зеркало, чтобы осмотреть себя. Вид, конечно, так себе. Весь в крови, на лице сложенный вчетверо бинт, поверх которого пластырь. Рану я промыл коньяком, уже почти не кровоточит, но повязка присохнет намертво, потом отдирать только с мясом. Но это будет потом, а пока мне на всё плевать.

Лошадь бодро шагала по дороге, дорога местами прерывалась, кое-где имелись огромные трещины, а местами явно кто-то своровал дорожное покрытие, видимо, в качестве дармового строительного материала. Но мой волосатый мотоцикл этих неприятностей не замечал. Я уже подумывал, не оставить ли конягу себе, очень удобно, сидишь, ноги целые, почти не устаёшь. Впрочем, есть и некоторые неудобства, такие, как мозоли на заднице (возможно, я просто неправильно сижу), кроме того, коня, в отличие от человека, нужно регулярно кормить, поить, чистить. А если, не дай бог, в дороге подкова слетит? Где подковывать? Там ведь целая технология, в полевых условиях точно такое не сделаю. Нет, лучше я продам её там, в оазисе, где часто останавливаются путешественники, и всегда нужен транспорт.

И остальное продам. Револьвер только оставлю, пусть и патронов нет. Ружья должны принести мне немало денег. А что потом? Ну, если это «потом» у меня будет, тогда и посмотрим.

Не знаю, сколько я так проехал, пару раз всё же ненадолго задремал, но лошадь продолжала упрямо шагать по дороге. Солнце светило то с одной стороны, то с другой, иногда скрывалось за тучами, я ждал дождя, но на землю так и не упало ни капли.

В очередной раз открыв глаза, я увидел придорожный камень. Точнее, это был не камень, а каменная колонна, но колонна эта, видимо, была природного происхождения, поскольку следов обработки я не заметил. А на этой колонне висели указатели, их было много, но это естественно, поскольку дорога тут разветвлялась аж на пять направлений. На указателях имелись надписи, вот только язык их оказался непонятен. Мне доводилось разговаривать с немцем, с американцем и ещё с некоторыми национальностями. Я их прекрасно понимал, для меня они все говорили по-русски. Но этот автопереводчик не подразумевал понимания письменной речи. И куда?

К счастью для меня, в оазисе Чёрное Солнце сидели далеко не дураки. Исходя из того,

что караваны к ним заходили нечасто, в ту сторону ехали только всевозможные искатели приключений и лёгких денег. А все ли они знали язык и умели читать? Вот именно. Для неграмотных тут имелась подсказка: после одной непонятной фразы неизвестный художник выжиг на доске калёным железом солнце, которое ни с чем не спутать. Видимо, ему показалось это недостаточным, поэтому угольно-чёрный рисунок он ещё и краской заштриховал, чтобы до всех дошло. Крайний правый путь. Туда и поеду. Надеюсь, недалеко.

В самом деле вышло недалеко. Часы показывали, что после указателя я проехал часа четыре с небольшим. Лошадь идёт чуть быстрее человека (пускать рысью я опасался, можно из седла вылететь), значит, проехал километров двадцать пять.

Оазис, с учётом местной специфики, выглядел, как небольшой каменный городок. В центре стояла настоящая пирамида, размер которой лишь немного уступал недвижимости товарища Хеопса. Стена вокруг высотой метра четыре, каменная, сложена из больших блоков, почти идеально отёсанных.

Дорога подходила к самым воротам, ворота были внушительные, из толстых брёвен, окованных стальными полосами. Вот, кстати, вопрос: если оазис — неприкосновенная территория, зачем тут оборонительные сооружения? Или кто-то всё же может вломиться внутрь и сделать много доброго?

У ворот меня встречали. Десятка полтора возбуждённых мужиков о чём-то спорили. Мужики, кстати, непростые. Парочку я сразу определил в маги. Мантии до пят (интересно, им бегать вообще не приходится?), какие-то серьёзные амулеты на шее, из золота с камнями, а размером с амбарный замок. Парочка с оружием, оружие, понятно, древнее, сабли и арбалеты, но, с учётом численного преимущества, мне хватит с лихвой. У меня целый арсенал, но полноценно пользоваться могу только арбалетом. К ружью один патрон, к револьверу — ни одного.

И это если не учитывать моё состояние. Слабость была такая, что я едва в седле сидел. Если на ноги поставить, могу и упасть. Когда я подобрался поближе, спор умолк, все повернулись ко мне. Я остановил коня, некоторое время смотрел на них, потом сказал:

— Здравствуйте.

Они ответили несколькими вялыми кивками, видимо, не поняли, кто я такой, и что с меня можно поиметь. Я напрягся и, едва на свалившись вниз головой, спустился на землю. Один тип, мелкий, голый до пояса и загорелый до состояния негра, подхватил поводья и куда-то повёл мой транспорт, я его действия проигнорировал.

— Здесь находится оазис Чёрное Солнце? — спросил я.

Вопрос был глупый, над воротами висела табличка с той же самой надписью, что и на указателе, а чуть выше имелась каменная плита, на которой то самое чёрное солнце было выложено из больших кусков стекла, чёрного стекла, которое я посчитал обсидианом, а по краю обложено золотом. Красиво.

— Проходи, путник, — ответил за всех маг, указывая мне на ворота. — Тебя ждут там.

Я не спросил, кто меня ждёт. Створка услужливо открылась, то ли маг телекинезом владеет, то ли кто-то открывал изнутри. Оказалось, что второе. За открывшейся дверью стоял высокий человек лет сорока, в плаще, одетый по-европейски, даже, я бы сказал, по моде двадцатого века, даже шляпа на голове. Я хотел ему что-то сказать, но тут получил мягкий удар по затылку, а через секунду уже наблюдал мир с земли. Прежде, чем сознание окончательно угасло, я почувствовал, как меня куда-то тащат. Пол внутри был так же вымощен камнем, как и дорога, относительно гладко, можно надеяться, что мне ничего не

сломают.

Глава тридцатая

Когда очнулся, над головой был побеленный потолок. В комнате (или камере?) было светло, но источник света я не видел. Слегка болела голова, но сознание было ясным. Я поднял руку, удивившись, что не связан, и потрогал лицо. Там была повязка, но не та, что накладывал я, а другая, куда более аккуратная, к тому же пахнувшая какими-то травами. Так, если перевязали, то убивать в ближайшем будущем не собираются.

Впрочем, и особых надежд я не испытывал. Если здесь постоянно тусуются некроманты и чёрные маги, а руководство оазиса их покрывает, то, очень может быть, меня готовят к очень неприятной участи. Может быть, для какого-нибудь обряда, для которого жертва должна быть здоровой. Мысль пошла дальше, но я её отогнал. Лучше не домысливать, эти некроманты такие затейники, что у меня фантазии не хватит.

Вместо этого я попытался встать. Тело отозвалось болью, но все члены работали исправно. Уже хорошо. Ощупав себя, я понял, что одет в исподнее, всё остальное исчезло. Это уже плохо, но глупо было рассчитывать, что на теле пленника оставят оружие. Стоп, кое-что оставили, на шее висит амулет, сделанный старым магом Евстафием. Это уже плюс, помимо его непосредственного действия, он ещё и металлический, а это открывает некоторые перспективы.

Когда начал вставать, оказалось, что на мне лежит кристалл. Некоторое время я тупо смотрел на него, потом вспомнил, что это сердце матери вампиров. Что за новости? Отобрали всё, амулет, допустим, не тронули, может быть, в их понятиях это как нательный крест, а его нельзя трогать. А кристалл этот?

Ладно, пока забудем, не первой важности вопрос. Что дальше? Я попытался сунуть кристалл в карман, но вспомнил, что на белье карманов нет. Так и сидел, держа его в кулаке. Я в просторной комнате, метров так три на четыре. Пол застелен какими-то камышовыми циновками, это лучше, чем на камне лежать. Тут тепло, но камень очень неприятен. Наружу выводит дверь, крепкая, дощатая. Такую выбить сложно. Но можно попробовать. А что дальше? Я окажусь среди людей, которые меня... а что они сделают? Вот бы узнать. Тут вообще-то оазис, а значит, существуют ограничения, никто никому ничего... или могут. По голове меня треснули снаружи, а здесь? Или сами хозяева оазиса могут пренебрегать его правилами?

Отыскивая в комнате хоть что-то полезное, я поднял глаза на потолок. А вот и лампа. Странная лампа, напоминает круглый плафон, диаметров сантиметров пятнадцать, который просто висит под потолком. При этом достаточно яркий, не слабее стоваттной лампочки. И провода нет, а если бы и был, откуда здесь возьмётся электричество? Или где-то генератор станции? Нет, скорее, я в магию поверю.

Тут снаружи раздались шаги, причём, шаги не одного человека. Я подумал, что стоит лечь и притвориться немощным, но потом махнул рукой. Хотят поговорить, будем разговаривать. Опять же, если сюда войдут люди с ключами, мои шансы сбежать резко возрастут.

С той стороны скрипнул засов, дверь отворилась, а внутрь вошли двое. Первому было лет шестьдесят, небольшого роста, худой и с огромной седой бородой, напоминал классического восточного аксакала. Ещё и одет соответственно, длинный халат, расшитый золотыми узорами, а на бритой голове небольшая тюрбетейка. Настораживал только амулет на шее, человеческий череп, вырезанный из кости, в который с ювелирной точностью

вставлены золотые зубы.

Второй был моложе, крепче, лет двадцати пяти, одет в шаровары и мягкие сапоги со шнуровкой. Голова непокрыта. На голое тело наброшена кожаная жилетка, тоже украшенная золотым шитьём. При этом перепоясан широким кушаком из красной ткани, а за него заткнут кинжал, вроде кавказского. Тоже восточный тип, при этом волосы его были светлыми, да и тип лица европейский. Я поначалу предположил, что он сын первого, или даже внук, но особого сходства не заметил. Они посмотрели на меня с полминуты, потом старший поступил неожиданно: подобрал полы халата и присел рядом. Молодой остался стоять.

— Скажи мне, путник, кто ты? — тихим спокойным голосом осведомился старший.

— Просто путник, который заехал к вам в дом, — ответил я, голос был хриплый, хоть бы воды предложили. — Я не думал, что у вас принято встречать гостей вот так.

— Гости бывают разные, — старик улыбнулся в бороду, вообще, видно было, что восточные традиции моего мира здесь не особо чтут. — А тебя мы не знаем. Что тебе здесь нужно?

— Для начала, хотел бы отдохнуть и поесть, — я не стал сразу выкладывать карты на стол. — Но, боюсь, заплатить мне теперь нечем, меня обобрали до нитки, лишив даже нормальной одежды.

Старик засмеялся, не ржал, как конь, но смеялся явно от души. Потом, промокнув уголки глаз платком, он снова посмотрел на меня и указал на мою руку.

— У тебя есть, чем заплатить, — он указал на кристалл в моей руке. — Ты так богат, что даже представить себе не можешь.

— А почему вы не отобрали его себе? — с недоумением спросил я, осматривая кристалл.

— Видишь ли, — сказал старик задумчиво. — Я не знаю, откуда кристалл взялся у тебя. Полагаю, что ты лично взял его с убитой матери вампиров. Так?

— И что это меняет? — не понял я.

— Хотя бы говорит о том, что ты — опасный человек. Исходя из этого, следует обращаться с тобой соответственно. Думаю, лишить тебя оружия, одежды и обуви было правильным решением. У меня не так много людей, чтобы терять их от твоих рук.

— А можно было просто впустить меня, накормить, напоить, а потом попробовать задавать вопросы, — предложил я. — Так что там с этим кристаллом?

— Кристалл нам нужен, — объяснил старик. — Точнее, нужен не нам, а многим из тех, кто останавливается в наших стенах. Нужен настолько, что они выложат любые деньги и товары. Дело за малым — кристалл до сих пор у тебя в руке.

— Так что мешает? Не понял я.

— Видишь ли, — он поморщился. — Есть артефакты, которые невозможно отнять. Их ещё называют артефактами из второго списка. Всего их девять. Этот кристалл относится к ним, он может дать знающему человеку необычайную мощь, но отнять его силой нельзя. Скорее всего, отнявший его умрёт или сойдёт с ума, и даже передачей через несколько рук проблему не решить. Умрут все, если правильно помню, до седьмого человека, а может, и больше. Только добровольная передача, и только после громогласного заявления о ней.

Тут я слегка приободрился, в переговорах появился неожиданный козырь.

— Я могу ставить условия?

— Всё, что в моих силах. Деньги, вещи, боевой конь.

— А где гарантия, что всё это потом не отнимут?

— Гарантии нет, но помни, что в пределах оазиса ты неприкосновенен.

— А за пределами?

— Только моё честное слово, я буду держаться обещания, но найдутся другие, на них я повлиять не смогу.

Значит, нужно сделать так, чтобы у них желания не возникло. Например, стать опаснее. Так я подумал, а вслух сказал:

— Для начала я хотел бы получить обратно свои вещи, одежду, оружие, коня.

— Одежду тебе отдадут, её постирали и заштопали, отдадут и все вещи. Вот с оружием получилось неловко, торговец давал очень хорошую цену, молодёжь её продала. Остался только твой чёрный нож. Торговца сейчас нет, выкупить не сможем.

— Тогда требую компенсации, — сказал я после недолгого раздумья. — Сто золотых роллов. Коня, так и быть, дарю.

— Сейчас всё принесут, этого достаточно?

— Этого достаточно, чтобы я не чувствовал себя ограбленным. После того, как я получу свои вещи, сможем начать переговоры. У вас найдётся то, на что я сменяю кристалл.

За вещами он отправил молодого. Тот подозрительно зыркнул на меня, но подчинился. Правильно, я не собирался брать старика в заложники, да в таком месте и не получится это сделать. Сейчас оденусь и назову свою цену. Если она их не устроит, тогда... тогда и посмотрим.

Через полчаса я был одет в свою одежду, которая в самом деле была выстирана, заштопана и даже, кажется, поглажена. Под низ уже привычно надел кольчугу. Сапоги сверкали чёрной кожей. На пояс я прицепил ножны с ножом. Не бог весть какое оружие, но даже так я почувствовал себя более уверенно. Поверх одежды лёг толстый кошель с монетами, пересчитывать я не стал, просто заглянул внутрь, чтобы увидеть золото.

Старик провёл меня в харчевню. Тут было почти пусто, только за дальним столом сидели двое магов и развлекались, показывая друг другу фокусы и иллюзии.

— Итак, ты доволен? — спросил старик, разливая вино из кувшина в два бронзовых кубка. — Теперь мы можем начать переговоры?

— Разумеется, — я пригубил вино, вряд ли отравлено, старик и сам пьёт. — Когда мы начали разговор, вы так и не выяснили, что привело меня сюда. Мне всю дорогу каждый второй говорил, что Чёрное Солнце — место неприятное и опасное, что здесь собираются очень плохие люди, что меня запросто могут убить или превратить в ходячего мертвеца. Кое-кто даже пытался остановить меня силой.

— Отчасти это правда, — старик вздохнул.

— Но я всё равно сюда шёл, потому что у меня была Цель. Вот только я не знал, как исполнить своё желание. А теперь знаю.

— Так чего ты хочешь?

— Мне известно, что здесь, в вашем оазисе, хранится другой артефакт. Я хочу его получить.

— Что именно? Здесь хранят свои запасы многие маги, артефактов уйма, как именно называется то, что нужно тебе?

— Меч, — сказал я. — Некий чёрный меч с золотыми узорами, что хранится у вас. Я должен его забрать.

Старик замолчал, в глазах его появилось непонятное выражение.

— Я понял, о чём ты, — сказал он, наконец, — меч — могущественный артефакт, напитанный магией и душами людей. Но, если тебе нужен только он, мы договоримся.

— А как я пойму, что это тот самый меч?

— Его невозможно перепутать с другим, ты узнаешь его.

— Тогда я согласен, — сказал я, обдумывая пути отхода. Лошадь бы не помешала, впрочем, у преследователей они тоже будут, при этом они умеют скакать верхом, а я нет.

— Только есть одна проблема, — сказал старик. — Кое-что, о чём я хотел бы тебя попросить.

— Я слушаю.

— Я проведу тебя в одно место, там хранится этот меч. Но ты никому не скажешь, что видел там, никому не покажешь, как пробраться в это место, и вообще, желательно тебе об этом забыть.

— Мне даже не интересно, что там и как, — заверил я. — Мне нужен только меч. Обмен из рук в руки.

— Не совсем так, — возразил он. — Мы придём в это место, ты объявишь, что передаёшь кристалл мне в обмен на меч, тогда я возьму кристалл, а ты возьмёшь меч. Сам.

— В чём подвох?

— Клянусь живыми богами, ничего против тебя не замышляю, меч взять тебе позволят.

— Хорошо, идём. — я поднялся из-за стола.

Мы пошли. С нами отправились двое. Первый был тем белобрысым парнем, что сопровождал хозяина в предыдущий визит в мою камеру, второго я видел впервые. Это был крепкий мужик лет сорока, усатый, с чёрными волосами, одетый во всё чёрное, словно ниндзя, на боку у него висела широкая сабля, которую он отстегнул и положил на стол, видимо, туда нельзя заходить с оружием. Я свой нож оставил при себе, они не возражали.

Мы вошли в неприметную дверь, прошли по длинному коридору, стены которого воняли сыростью, потом остановились у противоположной стены. Тут в полу открывался люк, который непричастному человеку был бы просто незаметен. Под ним имелась удобная лестница, хозяин зажёл свечу, и мы все поочерёдно туда спустились. Я спускался вторым.

Потом был ещё коридор и винтовая лестница. После этого мы остановились у большой металлической двери, исчерченной знаками. Знаки эти горели огнём, явно магические. Сделаны, надо полагать, чтобы защитить то, что внутри. Или не выпустить его наружу.

Хозяин снял с груди амулет, приложил его к неприметному выступу, после этого внутри что-то звякнуло, а потом дверь медленно начала открываться.

— Помни, ты обещал, — сказал старик, и мне на его лице почудилась гадкая ухмылка. Точно подлянку задумал.

Мы вошли внутрь, свеча больше не требовалась, поскольку тут и так было светло. Источником света в большой комнате кубической формы был странный кристалл. Нет, не кристалл, кристаллы обычно имеют правильную форму, а тут было странное нечто. Больше всего это напоминало корневую систему. Там, наверху, растёт дерево, а здесь его корни, только сделаны они из стекла и светятся изнутри странным оранжевым светом.

— Вот то, что ты искал, — старик указал куда-то вперёд.

Я присмотрелся. Да, в самом центре, в переплетении корней, торчал рукояткой вверх воткнутый меч. Он был чернее самой черноты, материал напоминал чёрный пластик, с той только разницей, что пластик, даже матовый, слегка отражает свет, а этот напоминал чёрную дыру. Временами на его поверхности клубилась тьма, такие всполохи, похожие на

выбросы дыма. Чёрного дыма, через который невозможно что-то увидеть. Чёрной была и его рукоять, и только на самом клинке виднелись золотые письмена. Или не золотые, просто вычерченные светом. Старик был прав, перепутать невозможно. Чуть ближе ко мне лежали кожаные ножны с перевязью. На них были выложены серебром какие-то знаки.

— Итак, — торопливо сказал старик. — Вот мой товар, а у тебя — твой товар. Совершаем сделку?

— Я смогу его вытащить? — на ум почему-то пришла история короля Артура.

— Да, он вынимается относительно легко. Согласен?

— Да.

— Тогда повторяй за мной, я... как тебя зовут?

— Я, Юрий Верёвкин...

— Находясь в здравом уме... — тут старик отчего-то улыбнулся.

— Находясь в здравом уме...

— Передаю артефакт под названием «сердце матери вампиров» Юргену из рода Детей Василиска.

— Юргену из рода Детей Василиска, — повторил я, и тут же добавил: — в обмен на магический меч.

— Этого достаточно, — сказал он. — Теперь давай мне сердце и можешь его взять.

Я протянул ему кристалл. Потом потянулся за мечом. Старик глядел на меня с неподдельным любопытством, тут явная подлянка, вот только в чём она? Даже двое сопровождающих вытянули шеи, явно собираясь посмотреть на какой-то цирк. Я протянул руку, потом остановил её, посмотрел на старого и спросил:

— Так в чём подвох?

— Касаемо нашей сделки — ни в чём, — он широко улыбнулся и спрятал кристалл в бархатный мешочек, который подвесил к поясу. — Ты можешь взять меч, никаких ловушек, никакой засады.

— А всё же?

Он перестал улыбаться и резко посерьёзnel.

— Помнишь, я говорил тебе, что сердце матери вампиров — артефакт из второго списка?

— Ну.

— Второй список подразумевает проблемы с передачей от человека к человеку. Но есть ещё и первый список. Это те предметы, которые человеку вообще неподвластны, меч как раз из них. Вроде бы, когда-то, очень давно, находились люди, которые могли ненадолго взять его в руки. Для этого применялись специальные перчатки, изолирующие магию. Но прошло время, меч... не знаю, как правильно сказать, одичал. У него своя воля, вот уже несколько поколений он не даётся в руки человеку, а если кто-то ухватится за рукоять, того он лишит разума, сделав пустой оболочкой.

— Вот как?

— Именно, как видишь, я со своей стороны сделку не нарушал. А ты волен взять его и остаться без разума. Мы специально поместили его сюда, чтобы он никому не навредил. Ты даже не представляешь, чего нам это стоило.

Первой моей мыслью было выхватить нож и перерезать всю эту наглую свору. Правда, тут оазис, надо полагать, самое его сердце, мозг, контролирующий всё вокруг. Тогда пришла вторая мысль, подлая мысль слабого и трусливого человека. Развернуться и уйти. Но я

отогнал её от себя. Я слаб, но мне и уходить некуда. Да и далеко ли уйдёт из места, наполненного разнообразными мразями, человек с мешком золота, вооружённый одним только ножом? И ещё: мне некуда идти, потому что я существовал только ради этой цели. Я должен был отомстить, только это желание привело меня сюда. Отомстить или умереть. Есть даже какая-то странная символика, мой спутник, Женя, умер, предварительно став сумасшедшим. Такая же участь ждёт меня. Плевать. Буду надеяться, что местные убьют меня из жалости, когда буду валяться на полу и гадить под себя.

Я протянул руку и ухватился за рукоять меча. Ладонь обожгло холодом, хотел сказать могильным, но нет, могилы не так холодны, это всё равно, что сунуть руку в жидкий азот. Холод стал подниматься по руке вверх, охватывая всё тело. А потом мой разум начал трещать, мир натурально раскалывался на части, мысли мои, что недавно представляли собой стройную систему, теперь рушились, как ветхое здание, процесс этот должен был привести к тому, что от разума, мыслей, всего, что принято называть душой человека, его личностью, останутся одни дымящиеся обломки.

А потом процесс этот остановился. Я почувствовал тепло на груди. Амулет. Простой амулет воина, который, по словам его создателя, должен был помочь мне быстрее обучиться военному искусству. Он и помог, я стал сильным и ловким, научился убивать и калечить себе подобных. А теперь он нагревался. Потом я почувствовал, как он стал мягким, не расплавился, а именно размягчился, как когда-то делал это в руках мага, покинул верёвку и пополз по телу, словно улитка.

Старик стоял рядом и смотрел, не шевеля ни единым мускулом, хотя до этого отличался богатой мимикой. Даже руки его, что раньше постоянно шевелились, теперь замерли в одном положении. Тут я понял, что время остановилось. Я и сам стоял истуканом, двигался только мой амулет из мягкого золота. Он спустился по руке, перешёл на кисть и слился с тёмной тканью меча, чернота полностью его поглотила. Теперь, когда нет его, ничто не мешает мечу сломать меня.

Хозяин, — раздался в голове тонкий голос, явно принадлежавший ребёнку лет восьми. — Здравствуй, Хозяин, я ждал тебя.

Кто ты? — спросил я мысленно.

Я — меч, а ты — мой Хозяин. Я служу тебе.

Хорошо, — согласился я.

Хозяин, — снова заверещал он. — Давай убьём их?

Зачем?

Мне надо питаться, а ещё они держали меня в плену. Я их ненавижу. Давай убьём их.

Хорошо, — согласился я, я тоже был зол на хозяина оазиса, который подставил меня, а ещё, как правильно заметил меч, его нужно кормить, только тогда от него будет толк.

Здесь оазис, — напомнил я. — Мы не сможем их убить.

Мне плевать на оазисы, — заявил он. — Я могу убивать кого угодно где угодно.

Тогда начинаем, — согласился я и вытащил меч.

Время вернулось к своему обычному течению. Старик продолжал удивлённо пялиться на меня, увидев, что я остался нормальным, он необычайно изумился, а потом сделал знак людям за моей спиной. Видимо, какая-то надежда была, а потому они приняли меры. Оба мужика разворачивали сеть. Убить меня здесь, или хотя бы избить они не смогут, оазис не позволит, но обездвижить — запросто.

Но я был готов, точнее, это был не я, а меч. Но разобраться, где заканчиваюсь я, и

начинается меч, было уже невозможно. Одно движение, совсем лёгкое и малозаметное, поворот кисти, меч сам направлял мою руку. Голова старика слетела с плеч, а потом я развернулся встретил двоих с сетью. Новый взмах, сеть, брошенная на меня, распалась надвое в воздухе, я сделал шаг вперёд, махнул дважды, а потом пошёл на выход, краем глаза наблюдая, как два человека распадаются надвое. Кровь хлынула уже после, когда я был снаружи.

Я направился на выход, дорогу помнил хорошо, но в темноте идти было сложно, а свеча осталась у старого Юргена. Возвращаться за ней не хотелось. Внезапно я осознал, что вижу, не так, как на свету, но достаточно, чтобы на пройти мимо лестницы. Поднялся наверх, потом вышел в зал. Меч так и был у меня в руке, на нём не было ни капли крови, словно он втянул её в себя, а на поясе появились ножны. Не помню, когда я их надел. Или они появились сами?

Меня окружили люди, местные и гости, родственники хозяина, обслуживающий персонал. Они стояли и смотрели на меня. Меч снова пискнул что-то на тему убийств, но я его предложение отклонил. Просто пошёл вперёд, толпа расступилась. Я вышел наружу и пошёл к воротам. Закрыто, толстый засов, а его фиксирует навесной замок. Можно попробовать перелезть, но мне не хочется.

С небольшого замаха я рубанул по засову. Брус из крепкого дерева толщиной сантиметров в десять распался надвое. Я толкнул ногой ворота, створки распахнулись, я вышел и оказался за пределами оазиса.

А за спиной уже начинался переполох. Кто-то нашёл убитого хозяина. Кто-то бросился в погоню. Стоило мне отойти метров на десять, как за мной бросились пятеро крепких парней с саблями. Я развернулся.

С таким мечом в руках легко стать непобедимым бойцом. Рука моя действовала отдельно от тела и разума. Меч порхал с нереальной скоростью, умудряясь быть в двух местах одновременно. Сабли противника отскакивали от него, ломаясь через раз. Зато мои выпады отразить не мог никто. Прошло секунд семь или восемь, когда все пятеро лежали в лужах крови, а голова одного катилась по дороге с удивлённым выражением на лице.

Но это был ещё не конец. Из стен оазиса выбегали всё новые люди. Я не сомневался, что в ближнем бою одолею всех, вот только они не были дураками, никто не собирался вступать в ближний бой, пример пятерых погибших был у них перед глазами.

В толпе появились люди с арбалетами, луками, мелькнула даже парочка ружей. А позади всех выходили маги, в руках которых загорались странные огоньки.

В мою сторону метнулись несколько стрел, но меч легко отбил их.

Пули отбивать сможешь? — спросил я у меча.

Не знаю, наверное, нет, — грустно ответил он мне. — *Удар магией могу смягчить.*

Я бросился бежать, стараясь бросаться из стороны в сторону, изредка поворачиваясь, чтобы отбить очередную стрелу. Одна всё же прилетела, но ударила в кольчугу, сбив меня с ног. Зато пули, что были выпущены в меня, впустую выбили искры из камня. Вскочив, я снова побежал. Впереди были большие камни. А за ними послышался звук текущей воды. Река? Вряд ли большая река, думаю, её было бы видно издали, а по берегам росла бы зелень. Но я продолжал бежать. До спасительных камней оставалось всего метров пять, когда точно выпущенная пуля ударила мне в правую лопатку. Со стоном и проклятиями я повалился на камни. Не повезло.

Но скрыться я успел, а противник не спешил искать меня в лабиринте скал, поскольку

там можно было нарваться на взмах меча. По руке потекла кровь, пропитывая рукав. Мир вокруг поплыл, но я встал и продолжил бежать. Падал, вставал и снова бежал. Река показалась минут через пять. Неглубокая, но широкая, а ещё она заканчивалась водопадом. Странно, водопад обычно производит дикий рёв. Стоп. Не всегда. Я помню водопад, который был бесшумным.

Погоня приближалась, они обогнули камни по широкой дуге, а теперь заходили ко мне справа. Очередная стрела разорвала мне ухо. Кровь потекла по шее. Я бросился бежать по берегу, добежал до камней, с которых падала вода. Взгляда вниз хватило, чтобы понять: водопад точно такой же, дна у него нет, если спрыгну, разобьюсь. Впрочем, если не спрыгну, участь моя тоже незавидна. Я бросил меч в ножны, а сам встав на гребне, приготовился прыгать. Нужно было набраться смелости, но мне не дали. Следующая пуля ударила в бок, боль сковала мои движения, я согнулся пополам и полетел вниз, куда падали струи воды.

Дальнейшее я запомнил плохо. Как известно, при падении в бездну самым неприятным является тот факт, что дно у неё всё-таки есть. Я долго летел в воде, начинал захлёбываться, потом снова попадался глоток воздуха, раны болели просто адски, я чувствовал, как слабею от потери крови, но пока был в сознании.

Потом случилось что-то странное, поток, как мне показалось, стал замедляться, потом поменял направление, я падал вниз, а теперь меня понесло налево. Смена вектора гравитации, плавали, знаем. Потом меня каким-то невообразимым образом вырвало из потока воды, несколько секунд я пролетел по воздуху и снова упал в воду. Но это был уже не водопад. Меня несло по течению, швыряло на камни, но я был жив. При смерти, но пока ещё жив. Мелькнула мысль, что на кровавый след могут явиться местные пираньи, чего-чего, а агрессивной водной живности в этом мире хватало. Потом этот вопрос перестал меня занимать, вытесненный мыслью, как выбраться на берег. Берега у реки были, но состояли из сплошных скал, куда я в таком состоянии не заберусь.

Наконец, моему взору предстал кусок песчаного берега. Из последних сил я начал грести, расстояние было смешным, метров пять, река вообще была узкой, но мне и эти пять метров показались бесконечными.

Наконец, ноги мои коснулись дна, я сделал пару шагов на заплетающихся ногах. Силы меня покинули, но, падая, я воткнулся подбородком в песок. Пахнущий тиной песок набился в рот и ноздри, но меня это уже не волновало. В угасающем мозгу осталось только одно желание: поскорее умереть, которое как-то не вязалось с предыдущими моими стараниями. Разрешить эту дилемму я не смог, мозг, не справившись с операцией, просто выключился...

Эпилог

Я открыл глаза. Где-то, на самом краю поля зрения, горел огонь, я не видел его, но догадывался, слыша потрескивание дров и отблески пламени на высоком потолке. Потолок? Я в доме?

Я попытался напрячь память. Оазис, схватка с колдунами, убитые люди, потом меня ранили, я прыгнул с водопада. Куда-то приземлился. А что было потом? Вылез на берег и там отрубился. В памяти мелькали какие-то странные картины, видимо, забытые было неполным. Кто-то что-то говорил, потом меня подняли и понесли. Помню, что меня несли на руках, словно ребёнка. Какой-то чудовищно большой и сильный человек. Кто это? Я у него в доме?

Ноздри зашевелил запах ухи, люблю уху, у меня отец лично варил после рыбалки, особенно любил двойную уху. Я облизал пересохшие губы, наверное, чтобы ожить

окончательно, мне требуется еда. И вода, странно, воды я, казалось, напился на всю жизнь, а теперь страдаю от жажды. Я попробовал встать.

— Не нужно шевелиться, — раздался странный голос со стороны огня. — Ты ещё очень слабый, лучше лежи, я сейчас тебя покормлю.

Голос был очень странный. Во-первых, он был громкий, словно говоривший сидел внутри цистерны. Но в то же время речь была замедленной, как у ребёнка, человек с трудом подбирал слова, как будто разучился говорить. Или он слабоумный? Есть такое подозрение.

Как бы то ни было, а я внял совету неизвестного человека. Раз уж он меня спас, то наверняка не станет убивать или морить голодом. Лучше его послушать, тем более что он кругом прав, я слишком слаб, сил хватает только на поворот головы.

Прошло минут пять, в течение которых странный человек комментировал свои действия. Вот он доварил уху, вот переливает её в миску, вот она остывает, теперь можно есть. Прихватив большую деревянную миску, размером с хороший таз, он, наконец, подошёл ко мне. Тут я понял, кто это был и как он донёс меня до дома.

Характеризовать моего спасителя словами «огромный человек» означало бы погрешить против истины. Это был не человек, просто потому, что не бывает таких людей. Самый большой человек в истории, если правильно помню, был ростом два семьдесят. И то он сильно страдал из-за своего роста, поскольку человеческий скелет для таких нагрузок не предназначен, суставы разрушаются, сердце и сосуды не справляются с нагрузкой.

Мой спаситель был ростом около четырёх метров. Взглянув на него, я понял, зачем в доме такие высокие потолки. При этом с виду он напоминал человека. Две руки, две ноги, огромная голова, размером со старорежимный телевизор. На голове росли светлые волосы, напоминающие солому, а лицо было натурально детским, видимо, я не ошибся насчёт его слабоумия. Впрочем, если не принимать в расчёт медленную речь, говорил он вполне осмысленно.

Если присмотреться, становилось ясно, что устройство тела великана далеко от человеческого. Ходил он, слегка наклонившись, ноги выглядели чудовищно толстыми даже с поправкой на огромный рост. Подозреваю, там и строение таза иное, и позвоночник изогнут иначе.

— Воот, — он поднёс к моему рту огромную деревянную ложку, которая в его ладони выглядела чайной. — Поешь, это вкусно. Тебе надо набираться сил, твои раны тяжелы.

Я отхлебнул немного рыбного отвара. Было вкусно.

— У меня не было соли, — посетовал великан. — Я нашёл немного в твоём мешке, думаю, ты не против.

Соль? Да, в мешке была соль, к счастью, в герметичной жестяной банке. Были и спички, тоже упакованные герметично, надеюсь, они остались. Было и средство от боли, но боль меня сейчас донимала не так, как слабость. А меч? Я вострепнулся.

— Твои вещи здесь, — сказал великан, вливая в меня следующую ложку. — Одежда висит у входа, железную рубашку я положил рядом, она намокла, но не заржавела. Хорошее железо. А твой большой чёрный нож я не трогал, он злой, от него несёт смертью. Я просто взял за ремень и положил рядом с тобой.

Теперь я смог приподнять голову и посмотреть. Ага, точно, я раздет, лежу на каком-то топчане, накрытый звериной шкурой. Меч лежит рядом, его, казалось, вода не взяла, даже ножны выглядят, как новые. Я дотянулся и прикоснулся к рукояти.

Хозяин, — немедленно отреагировал меч.

Да.

Хозяин, те люди ранили тебя, но я не виноват, они напали на расстоянии, от такого я защитить не могу. Не всегда могу.

Спасибо и за то, что сделал, — поблагодарил я.

Тут я повернулся к своему спасителю.

— Кто ты?

— Меня зовут Бошк, я... мой народ жил у берегов этой реки всегда, окружающие люди звали нас великанами, а мы их — мелюзгой.

— Они вас не любили?

— Нет, — великан усмехнулся. — Мы дружили, всегда. Были даже случаи, когда заключались браки между нами и женщинами твоего рода.

— А как они... — спросил я, понимая глупость своего вопроса.

Великан рассмеялся.

— Да, окружающие тоже не понимали. Про это постоянно шутили те и другие. Но как-то получалось, у них даже рождались дети. Они хорошо охотились, растили хлеб и торговали, а мы, великаны, ловили рыбу и добывали мёд. А некоторые из нас, как мой дед, могли лечить. Я не такой, но кое-что тоже умею.

— Ты вылечил меня?

— Вылечиться ты должен сам, — философски заметил он. — Я закрыл твои раны, затворил кровь, изгнал из тела заразу. Даже ухо твоё зашил. А остальное — уже твоя забота. Нужно есть, открывай рот.

Он залил в меня ещё одну ложку ухи.

— А потом началась буря, и ты оказался тут.

— Не только я, вся деревня оказалась здесь, а нас только трое. Это было давно, я не знаю, сколько времени прошло, время я измерял сном. С тех пор я спал тринадцать раз по сто. Нас было трое сначала. Двое потом погибли, а я остался. Я теперь не хожу к развалинам большой каменной деревни, поэтому жив.

— А что за деревня?

— Там, далеко, лежит деревня, большая, целиком построена из камня, некоторые дома высотой до неба, но они ещё целы. Там мы наши... — он задумался, потом выдал самую неожиданную фразу, — книги.

— Ты умеешь читать? — с удивлением спросил я.

— Седой Корол умел читать, ему это было нужно, он часто ездил в город торговать, привозил оттуда разные полезные вещи. А ещё он брал где-то книги, которые потом читал нам всем. Вся деревня приходила послушать. Потом мы нашли книги здесь, Корол читал их нам двоим, мне и Берту. А теперь его нет. И Берта нет. А книг у меня много. Я два пустых дома ими забил, а читать не умею. Мне скучно без интересных историй.

— А ты мог бы показать мне книгу? — спросил я.

— Конечно, — он улыбнулся и куда-то пропал.

Вернулся Бошк быстро, показал мне книгу и развернул на первой странице. Я улыбнулся. Льюис Кэррол, «Алиса в стране чудес», написано по-английски, но я понимал его, как свой родной, спасибо миру бури.

— Знаешь, Бошк, — сказал я, закрывая книгу. — Я, пожалуй, научу тебя читать, мне ведь ещё долго лечиться. Ты выучишь буквы и сможешь сам узнавать интересные истории.

— Ты можешь это сделать? — он поднял брови сантиметров на десять.

— Да, только чуть позже, а пока расскажу тебе свою историю, меня зовут Юрий, когда-то, несколько месяцев назад, я навещал своих родителей. Побыл у них в гостях и отправился домой на повозке...

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net